

Карательные методы Средневековья. Преступники, ведьмы, лунатики

Джордж Бернэм Айвз

PENAL METHODS OF THE MIDDLE AGES

CRIMINALS, WITCHES, LUNATICS

BY

GEORGE IVES, M.A.

PRINTED FOR PRIVATE CIRCULATION

1910

The Project Gutenberg eBook of Penal Methods of the Middle Ages: Преступники, ведьмы, лунатики

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Penal Methods of the Middle Ages: Преступники, ведьмы, лунатики

Автор: Джордж Бернхэм Айвз

Дата выхода: 16 мая 2019 [eBook #59520]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено deaurider, Barry Abrahamsen, и Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ПРЕСТУПНИКИ, ВЕДЬМЫ, ЛУНАТИКИ ***

КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПРЕСТУПНИКИ, ВЕДЬМЫ, ЛУНАТИКИ

BY GEORGE IVES, M.A.

ОТПЕЧАТАНО ДЛЯ ЧАСТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

1910

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

	СТРАНИЦА
Методы наказания в Средние века	1
ГЛАВА II	
Судебные процессы над ведьмами	107
ГЛАВА III	
Лечение душевнобольных	142
ПЯТНАДЦАТЬ	
Ко всем главам	179

ГЛАВА I

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ МЕТОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Тюрьмы как места содержания под стражей - очень древние учреждения. Как только люди научились строить из камня, как в Египте, или из кирпича, как в Месопотамии, когда короли возводили многобашенные крепости, а великие бароны - замки на скалах, в цитаделях появились камеры и подземелья.^[1] Но тюрьмы как места для содержания "обычных" (в отличие от государственных или политических) преступников на определенный срок появились в Англии лишь много веков спустя^[2]; в то время как тюремное заключение как наказание само по себе,^[3] которое нужно было переносить по правилам, явно карательным и мучительным, можно назвать по сути современным и достигшим своей худшей фазы в XIX веке.^[4]

Тевтонские племена, обитавшие в заливах и лесах, были свирепыми и свободными. Они служили примером теории Ницше о том, что свободу нельзя даровать, ее нужно брать.^[5] Они не трусили перед восточными суевериями,^[6] и, поскольку жили широко разбросанными ордами, центральное правительство не могло наложить свое иго на диких воинов. У диких кланов свирепых норвежских народов, где каждый мужчина всегда был готов к оружию^[7], а мальчики получали оружие в пятнадцать лет,^[8] главным требованием было поддержание мира.

Инстинкт возмездия пульсирует во всех людях, и месть будет быстрой и кровавой, которая, если родственные связи были близки и сильны, может распространить вражду по деревням и кланам, так что дети могут родиться преданными долгу семейной мести. Тевтонские народы, как и положено свободным народам, всегда исходили из того, что для совершения преступления необходимо, чтобы человеку был нанесен ущерб.^[9] И они представляли себе

обиженного истца не как трусливого слабака (иначе он не считался бы таковым), а как боевого воина с копьем и щитом, который возмещает обиду с процентами и за которого, если его убивают, мстят его сородичи.

Таким образом, успокоение^[10] пострадавшей стороны было целью древнейших законов. При этом учитывались человеческие чувства^[11] и побуждения. Некоторые древние кодексы^[12] разрешали ему отвечать как за равного; око за око и зуб за зуб, в смысле "столько, и не больше".^[13] Но тевтонские законы предлагали ему компенсацию,^[14] и, когда это было возможно, заставляли его принять ее.^[15] Таким образом, преступления компенсировались возмещением, а не наказанием.^[16]

Любой ущерб, который один свободный человек мог нанести другому, прежде всего искупался bōt (денежной компенсацией, выплачиваемой пострадавшему или его родственникам).^[17] Размер этого штрафа зависел, во-первых, от характера и степени нанесенного ущерба, а во-вторых, от ранга и значимости пострадавшего.^[18] Ибо каждый человек имел свое сословие и значение; и любая форма агрессии против свободного человека, от раны, убивающей его, до удара, лишаящего его одного зуба,^[19] как и кража всего, чем он владел, имела свой штраф в зависимости от его ранга.^[20]

Тарифы варьировались у разных племен,^[21] но основной принцип компенсации распространялся на всех. В Мерсии вер-гильд короля был установлен в размере 7200 шиллингов или 120 мерсийских фунтов серебра,^[22] к этой большой сумме добавлялся кинебот в аналогичном размере, который выплачивался его людям.^[23] Вер-гильд тана (т.е. магната графства) составлял 1200 шиллингов, а вер-гильд кеорла (рабочего) - 200 шиллингов.^[24]

Эти штрафы за убийство, однако, были гораздо тяжелее, чем кажется;^[25] королей,^[26] многочисленных, в большинстве случаев были бы безнадежно неподъемны для частных лиц, а штрафы танов - для скромных семей. Даже вер-гилд кеорла, или рабочего, составлявший 200 сциллингов, или около четырех фунтов, был немалым, если вспомнить, что во времена Этельстана за один сциллинг можно было купить овцу, а за шесть сциллингов (или тридцать пенсов)^[27] быка - то есть за небольшое стадо.^[28]

Таким образом, часто мужские штрафы^[29] никогда не выплачивались, и тогда мы понимаем, что мудрая система компенсаций в кодексах возникла скорее из страха перед вендеттой, чем из гуманных принципов;^[30] если бы они не были выплачены, месть была бы выпущена на свободу.

Если преступник не был убит или подвергнут насилию,^[31] если он не сбежал и не стал жить как преступник и "волчья голова"^[32] (что часто случалось,^[33] ибо на каждого повешенного приходилось около десяти человек, объявленных вне закона^{[34]([35])}), его могли продать^[36] в рабство^[37].^[38] Ибо рабы как класс существовали в христианстве и в Англии вплоть до двенадцатого века,^[39] и они, будучи беспомощными, подобно нашим "погруженным" массам, были малозначимы в обществе.

Происходя в основном из покоренных, захваченных в войнах и набегах,^[40] их ряды пополнялись людьми, проданными за преступления, а также, как говорят, из тех, кто продавал себя во время голода;^[41] многие были отправлены в качестве рабов за моря,^[42] и тот факт, что мы находим этот обычай неоднократно запрещенным^[43], также свидетельствует о его распространенности.^[44]

Бедным рабам не стоило опасаться мести или возмездия; они составляли бесправное меньшинство среди саксонских свободных. В случае убийства раба его родственникам выплачивалось всего восемь шиллингов,^[45] в то время как хозяин требовал за него тридцать шиллингов.^[46] И это, похоже, все со стороны государства.^[47] Церковь, однако, к ее чести, наложила епитимью - двухлетний пост.^[48] К другим увечьям, нанесенным теу (рабу), относились с пропорциональной мягкостью,^[49] но о церковных законах и дисциплине я должен буду поговорить позже.^[50]

За ущерб, причиненный рабом, хозяин нес ответственность,^[51] как за посягательство на его скот.^[52] За более серьезные проступки раба отдавали родственникам пострадавшего, если только хозяин не выкупал его за плату.^[53] Если по обвинению он не выдерживал испытания, его немедленно клеймили в первый раз;^[54] но второе осуждение было бы смертным, "*secunda vice non compenset aliquid nisi caput*."^[55]

Помимо законных или мстительных наказаний за зло, причиненное любому свободному человеку,^[56] теу находился в полной власти своего хозяина.^[57] Если ему не позволяли "выкупить свою шкуру" такой малой компенсацией или искуплением, на которое он был способен, ему могли привязать одну ногу кольцом к колу, вокруг которого его били трехзубой плетью.^[58] Он состоял из шнуров, завязанных на концах.^[59] Если кеорла подстрекали к убийству, месть могли взять на себя шесть его сородичей^[60] (по принципу, что тэн в шесть раз больше его самого,^[61] см. *wer-gilds, ante*, и Maitland, *Domesday Book*, p. 53). Если теу убивал своего господина^[62], он должен был погибнуть в мучениях;^[63] ибо месть была сладка,^[64] и сильные брали ее без остатка.^[65]

Очевидно, что, судя по характеру раннесаксонского общества, продуманная карательная техника не имела места. Свободные люди искупали свои проступки штрафами, когда это было возможно, и рабством, увечьями, объявлением вне закона или смертью, когда они не могли заплатить. Как бы жестоко ни пороли и ни убивали рабов, в стране не было тюрем даже для них.^[66] Деревни представляли собой группы деревянных усадеб с амбарами и сараями для скота, окруженные грубыми острогами и лишённые дорог и коммуникаций. Даже дворец короля представлял собой длинный деревянный зал с многочисленными пристройками, поскольку англичане не строили каменных домов и сжигали дома своих римских предшественников.^[67]

Тевтоны, по словам Тацита, ненавидели города, обнесенные стенами, как защиту рабства и могилу свободы. Фризы запрещали возводить стены высотой более 12 футов.^[68] Со временем власть короны, или центрального правительства, возросла; король и даже великие лорды, духовные и временные, могли принуждать к повиновению и порядку, во всяком случае, тех, кто находился поблизости.^[69] Королевская власть могла бросить вызов вендетте и с самых ранних времен требовала долю в компенсации,^[70] так что, наряду с *wer-gild*, выплачиваемым пострадавшей стороне, *wite*, или дополнительный штраф, должен был быть выплачен государю (или владыке) за нарушение его покоя.^[71]

Иногда он мстил за государство или за обиженного человека.^[72] Так, в правление Ительстана за чеканку монет человек мог лишиться руки, и ее прибавляли к двери монетного двора;^[73] а в правление Кнута женщина могла лишиться носа и ушей за прелюбодеяние. В ранний период эти увечья, по-видимому, часто были смертельными, так как в законах Альфреда и Гутрума мы читаем, что "если преступник, лишившись жизни, отрубил себе конечность и, будучи предоставлен самому себе, проживет третью ночь; после этого тот, кто готов позаботиться о его болячках и душе, может помочь ему с разрешения епископа."^[74]

Но искалеченных преступников также выпускали на свободу, чтобы они служили живым предупреждением для других. То, что саксы могли быть достаточно жестокими, когда bōt не был сделан, и по отношению к закоренелым преступникам и рабам, мы уже видели; о том, насколько варварскими были ампутации, можно узнать из слов нашего датского монарха: "... Во второй раз пусть не будет иного наказания, если он провинился" (на испытании), "чем отрубание рук или ног, или того и другого в зависимости от содеянного, а если он совершил еще большее зло, то пусть ему выколют глаза, или отрежут нос, уши и верхнюю губу, или пусть его оскальпируют... чтобы наказание было исполнено, а душа сохранена". ([75]).

Вильгельм Нормандский предписывал не убивать преступников прямо, а рубить их.^[76] "Interdicimus, - повелевает он, - eciā ne quis occidatur vel suspendatur pro aliqua culpa sed enerventur oculi, et abscindantur pedes vel testiculi, vel manus ita quod truncus remaneat vivus in signum prodicionis et nequicie sue."^[77]

В десятом веке, после окончания датских войн, и в одиннадцатом, под властью норманнов, король был достаточно силен, чтобы расширить свою власть и защиту.^[78] В двенадцатом старая система bōt и wer, предназначенная для возмещения ущерба и поддержания мира среди свирепых и воинственных свободных людей,^[79] начала уступать место той, при которой король взимал наказания и дань,^[80] которую он назначал и собирал через разъездных судей, шерифов и других должностных лиц.^[81]

Крупные штрафы, налагаемые на места и людей^[82], стали важным источником дохода для короны^[83] и для баронов и лордов маноров^[84], когда они обладали правами частной юрисдикции^[85] (сакэ и сокэ, суды литов,^[86] и т. д.), которые часто делегировались.^[87]

Государство становилось достаточно сильным, чтобы мстить; простого человека больше не боялись, как раньше боялись хорошо вооруженного саксонского гражданина, и к "простому" преступнику применялась та беспощадная суровость, которая когда-то была уготована рабам.^[88] Тогда же Гланвилл и юристы,^[89] под влиянием Рима и Константинополя, провели резкое и произвольное различие между уголовным и гражданским процессами, и идея компенсации стала ослабевать перед инстинктом мести, подкрепленным теперь силой. Если можно было получить деньги, королевские судьи конфисковывали их;^[90] идея ущерба, нанесенного человеку, сливалась и терялась в более серьезном преступлении^[91], которое, как утверждалось, было совершено преступником против мира, против кодекса и короля.

До середины двенадцатого века^[92] в некоторых графствах не было публичных тюрем или тюремных камер,^[93] а Генрих II приказал построить их на ассамблее в Кларендоне в 1166 году. Согласно седьмой статье^[94], тюрьмы должны были строиться в городах, обнесенных стенами, или возводиться в королевских замках^[95] из королевского леса или другой древесины, которая могла быть доступна.^[96] Это были, очевидно, легкие импровизированные сооружения^[97] - навесы, выстроенные под массивными стенами города или замка. Королевские крепости или большие монастыри могли быть достаточно просторными тюрьмами без особых переделок. Эти ранние тюрьмы анжуйских королей представляли собой коллекционные склады или следственные изоляторы для безопасного содержания обвиняемых. Брактон, умерший в 1268 году, прямо писал, что тюрьма предназначена для заключения, а не для наказания.^[98]

Епископ Бриттон^[99] (XIII век) говорит, что только обвиняемые в преступлении должны были содержаться в кандалах, и никто не должен был подвергаться жестокому обращению, кроме как в соответствии с приговором. В "*Зеркале правосудия*" мы читаем, что "каждая общая тюрьма^[100] является тюрьмой, и только король имеет право содержать ее^[101]"; тюрьма каждого другого человека является частной и т. д.; и поскольку запрещено мучить кого-либо перед

судом, закон предписывает не помещать никого среди паразитов и гниения, или в каком-либо ужасном или опасном месте, или в воде, или в темноте, или в любом другом мучении; но тюремщикам разрешается накладывать оковы на тех, кого они подозревают в попытке побега, но оковы не должны весить более 12 унций...."^[102]

Собранные в тюрьмах пленники должны были дожидаться следующего приговора. Это могло быть долгое время - месяцы (как и сейчас) или годы^[103] - поскольку королевских судей боялись, а из тех, кто не мог получить *mainpernors* (залог),^[104] многие умерли бы от нужды или болезней, прежде чем судьи были бы готовы судить их.

Тем временем заключенные и их семьи должны были содержаться за свой счет; согласно епископу Бриттону^[105], тюремщик должен был ничего не брать с бедняков, у которых, как правило, ничего не было, и не более четырех пенсов на содержание любого заключенного.^[106] Никто не должен был задерживаться из-за невозможности заплатить пошлину. Таковы были правила, утвержденные Эдуардом I. На практике представляется вероятным, что в течение следующих пятисот лет или около того заключенных хорошо кормили, если у них были средства, и могли уморить голодом, если их не было.^[107]

Тех, кто доживал до открытия суда, воспитывали, согласно Брактому,^[108] со свободными руками, хотя иногда и в ножных кольцах. Мы находим описание, усиленное Бриттоном;^[109] они должны были быть "босыми, без одежды и с голой головой, в одном только плаще, без каких-либо кандалов,^[110] чтобы их не лишили разума из-за боли и не заставили отвечать силой."^[111] Но до сих пор не было наказаний; они следовали после осуждения и носили физический и кровопролитный характер.

Согласно Брактому, за измену преступника могли сломать на колесе - преступление столь тяжкое, что едва ли можно было допустить, чтобы его родственники остались живы.^[112] Для "обычных" преступников применялось повешение,^[113] и продолжались жуткие увечья, предписанные нормандскими королями; более того, после 1176 года за многие преступления они стали более жестокими.^[114] До правления Генриха III наказанием за браконьерство в королевских лесах была смерть или потеря зрения.^[115] Изнасилование до правления Эдуарда I также могло повлечь за собой потерю зрения и обесчещивание.^[116]

Кража из жилища, по-видимому, наказывалась так же варварски. Представление о мягких путях "правосудия" двенадцатого века можно получить из рассказа о предполагаемом чуде. Некий Эйлвард, обвиненный в краже из дома (совершенной, по-видимому, под сильным предлогом, чтобы вернуть долг), был заключен на некоторое время в тюрьму Бедфорда.^[117] После того как он не выдержал испытания водой и был осужден, его отвели на обычное место наказания, где ему ослепили глаза, изуродовали, а части тела закопали в землю. Считается, что он был восстановлен благодаря святому Фоме Кентерберийскому.

Ко времени Эдуарда I мы начинаем приходить к наказаниям в виде тюремного заключения, и в первых Вестминстерских статутах мы читаем о таких наказаниях, как один год, а затем штраф, или два года при отсутствии штрафа. За такие преступления, как похищение монахини, позволение заключенному избежать тюрьмы или кража прирученных зверей из парков, помимо обычного штрафа, могло быть назначено наказание в виде трех лет. Как мы видели, доходы от "правосудия" высоко ценились; штрафы были ценными привилегиями короны (а иногда и подчиненных администраторов и чиновников). Тюрьмы использовались как "отжимные машины" для их вымогательства. "Тюремное заключение, - пишут Поллок и Мейтланд,^[118] - было, как правило, лишь подготовкой к штрафу. Через год или два правонарушитель мог выплатить штраф; если у него не было денег, его задерживали еще на некоторое время". В XIII веке королевские судьи обладают широкими полномочиями по

"общему праву" отдавать распоряжения о содержании преступника под стражей. Они имеют столь же широкие полномочия освободить его, если он заплатит штраф королю".

В правление Генриха III "Преступник редко попадает в тюрьму, даже на мгновение".^[119] На свитке заявлений *за custodiatur*, отправляющим его в тюрьму, сразу следует "Finem fecit per unam markam" (или какая там может быть сумма), а затем перечисляются имена тех, кто выступает в качестве залога за выплату. Судьи не хотят держать его в тюрьме; они хотят заставить его заплатить деньги". Только что процитированные авторы говорят, что штрафы обычно были небольшими, и приводят несколько примеров^[120] - несомненно, это во многом зависело от судей и правления. Но везде, где есть ограждающие стены, за ними обязательно будут злоупотребления.^[121] Судебные и административные скандалы продолжали происходить.^[122]

В XIV веке многие люди, как говорят, погибли от голода и жажды,^[123] и многие умерли в тюрьме во время Черной смерти (1349).^[124] В пятнадцатом веке жалобы продолжают; в *Liber Albus* мы читаем следующее:^[125] "Whereas great outcry was made heretofore as to many wrongs and misprisons done by the gaolers of Newgate and Ludgate and their officers and servants, ..." and new regulations were made (and no doubt broken, as the other had been) regarding fees to pay the prisoners.

Шестнадцатый век не показал никакого прогресса в вопросах гуманности.^[126] пытки, которые, законно или незаконно, всегда были готовой уловкой государственных деятелей, получили развитие после 1468 года,^[127] и при Тюдоровских государях дыба постоянно скрипела, чтобы выбить признания. С "обычными" преступниками обращались крайне сурово; в 1530 году был принят закон, по которому все отравители должны были быть сварены заживо.^[128] Сожжение было наказанием за ересь, государственную и мелкую измену.^[129] (*т. е. убийство мужа. т. е. убийство мужа женой, убийство хозяина или хозяйки слугой,*^[130] и несколько преступлений против монеты), и, в отличие от наказания кипячением, оставалось законным до 1790 года.^[131] За убийство при отягчающих обстоятельствах перед повешением могли отрубить правую руку, или же человека подвешивали на цепях и оставляли умирать.^[132] В некоторых казнях применялись волочение и четвертование, а обычных повешений было очень много.^[133] Люди лишались рук за вывоз овец и за клевету,^[134] а также клеймение и др. за лжесвидетельство, а иногда и за упорное бродяжничество.^[135]

Изображение тюрем оставлено нам в работе 1545 года. "Я вижу, - замечает монах, чья жалоба^[136] приведена, - также питейное злоупотребление для пресонеров. Господи Боже, их жилье плохо для свиней, а что касается их мяса, то его достаточно для собак, и все же, Господь знает, у них его недостаточно. Согласитесь, все вы, кто является королями и лордами, что если вы закрываете любого человека от его еды, вы обязаны давать ему достаточное количество еды для человека, а не для собаки". Далее он заявляет, что обвинения были серьезнее, чем в "самом дорогом трактире Ингланда", и говорит, что люди по шесть и семь лет сидели в тюрьме до рассмотрения их дела.

Примерно в 1552 году городские власти выбрали место, где находился дворец Брайдвелл^[137] (подаренный Эдуардом VI), для (среди прочего) заключения, работы и (как и раньше, согласно Холиншеду) порки нищих, проституток и ночных гуляк всех мастей.^[138] Позже подобные места заключения также стали называть Брайдвеллами, в честь первого, только что упомянутого, в Блэкфрайарсе. В 1597 году были разработаны планы исправительных домов,^[139] а в 1609 году было приказано построить их в каждом графстве.^[140] Хотя на практике они стали одним целым с обычными тюрьмами, они просуществовали, по крайней мере, под названием до 1865 года.^[141] Но продолжим наш обзор обычных тюрем. Семнадцатый век

представляет собой обычное свидетельство того, что могут скрывать стены. Тюремщики, как и в прежние времена, похоже, были всесильны;^[142] иногда дружелюбны, часто наоборот, всегда вымогали деньги. Джону Буньяну во время его двенадцатилетнего заключения разрешалось работать на свою семью - большую часть времени в сносных условиях; но в тюрьме Гейт-Хаус с него брали огромную плату.^[143] Заключенные вывешивали из окон мешки для сбора денег по утрам в воскресенье.

Джордж Фокс,^[144] квакер, договорился со смотрителем и его женой о мясе и питье, камере и прочем жилье за определенную плату. Но он упоминает, что одного из них посадили "в Думсдейл^[145] среди преступников", а это, оказывается, была "отвратительная, грязная, вонючая дыра, где была лужа... и грязь на их обуви и... преступников, и солома, почти разорванная в клочья, с их длинным лежанием на ней и полная паразитов, где нет ни дымохода, ни печной трубы". Подтверждение тому, как жили преступники в 1667 году, можно почерпнуть из Статута Карла II.^[146] "В то время как, - говорится в нем, - до сих пор не существует достаточного положения об оказании помощи и устройстве на работу бедных и нуждающихся лиц, заключенных в общую тюрьму за преступление и другие проступки, которые много раз погибают до суда, а бедняки, живущие без дела и безработные, становятся развратными и приобщаются к практике воровства и разврата" и т. д.

Был предложен прекрасный план, согласно которому прибыль от труда заключенных должна направляться на их нужды. Но найти полезную работу в стенах тюрьмы всегда было сложнейшей задачей, а внешний мир всегда был слишком занят, чтобы позаботиться об этом. Тюрем XVIII века были очень похожи на те, что были раньше, но, возможно, мы знаем о них больше благодаря великому труду Джона Говарда "*Состояние тюрем*". В историю вошло то, как этот мрачный, совестливый пуританин отправился туда, куда правящие классы не решались и не осмеливались.^[147] Ибо, помимо ужасного зловония, которое прилипало к его запискам и одежде, в глубине беззаконных (window tax), безвоздушных комнат и подземелий, через которые он проходил, в затхлых, тесных дворах^[148] - когда таковые имелись - без пространства и солнца, в которых даже водопровод был по большей части за пределами и недоступным,^[149] среди гниения этих мест таился страшный тиф, или тюремная лихорадка.

Она существовала всегда, с тех пор как появились тюрьмы, и иногда оказывалась Немезидой пренебрежения.^[150] В 1522 году, на судебном процессе в замке в Кембридже,^[151] многие из присутствующих рыцарей и джентльменов подхватили инфекцию от "сора заключенных или грязи в доме". В "*Хронике Бейкера*" за 1577 год мы читаем:^[152] "Примерно в это время, когда судьи заседали в Оксфордском суде, и один Роуланд Дженкс, книготорговец, был допрошен за то, что произносил оскорбительные слова в адрес королевы, внезапно они были удивлены язвенным запахом, исходившим то ли от неприятного запаха заключенных, то ли от сырости земли, точно не известно; но все присутствующие, почти все, в течение сорока часов умерли". Примерно то же самое произошло в Эксетере в 1586 году^[153] и в Таунтоне в 1730 году, и в обоих этих местах погибло несколько сотен человек.

Томас Аллен в своей "*Истории Лондона*"^[154] рассказывает, что в 1750 году "лорд-мэр, некоторые олдермены, двое судей, заместитель шерифа, многие адвокаты и несколько наблюдателей умерли от тюремной эпидемии". После этого тюрьма была очищена! Говард утверждает, что в 1773-4 годах от тюремной лихорадки умерло больше людей, чем было казнено в королевстве;^[155] мы потеряли 2000 моряков (преступникам часто предоставляли выбор между наказанием и службой) вместе с флотом в войне с Америкой.^[156] Он цитирует лорда Бэкона, который говорит, что самой пагубной инфекцией рядом с чумой является

запах из тюрьмы.^[157] Таковы были эти мефитические норы, в которые бросали мужчин, женщин и детей всех мастей; и там они гнили или выживали, в зависимости от обстоятельств, до истечения срока своего (обычно короткого) заключения, если могли заплатить пошлину, взимаемую при выходе на свободу; или до тех пор, пока в конце концов не представляли перед судом, после чего их либо оправдывали и освобождали (опять же, если они платили пошлину), либо осуждали и перевозили или казнили.^[158]

Количество смертных преступлений было поистине огромным. Начиная с 1688 года они неуклонно росли,^[159] благодаря, как было хорошо замечено, "несчастливым возможностям, предоставляемым законодательству парламентским правлением".^[160] Члены парламента, которые не могли стать министрами, но хотели что-то сделать, часто имели достаточно интереса, чтобы повесить кого-нибудь или, по крайней мере, добиться принятия закона о новом смертном преступлении.^[161]

Таким образом, благодаря амбициям частных членов и общей черствости правящего класса, число преступлений, караемых смертной казнью, постоянно росло, пока, теоретически, их не стало более двухсот.^[162] Закон, однако, перегнул палку; грубые и зачастую самые жестокие люди того времени не приводили в исполнение предусмотренные наказания,^[163] так что к услугам палача прибегали только за двадцать пять видов преступлений в Лондоне,^[164] и не более чем за тридцать по всей Англии.^[165] В действительности оказалось, что совестливые люди отказывались от преследования за менее тяжкие преступления, опасаясь участвовать в лишении жизни. Но на самом деле виселица была тяжела; пример тому - параграф в газете "Таймс"^[166] от 18 января 1801 года, где рассказывается, как некий Эндрю Брэннинг, незадачливый оборванец в возрасте всего тринадцати лет, проник в дом и унес ложку. С ним были и другие, но они убежали, и только его поймали и отдали под суд. Его история закончилась двумя словами, короткими и привычными: "Виновен - смерть". Таким образом, перевозка и высшая мера наказания очищали тюрьмы, но те, кто в них находился, подвергались эксплуатации, будучи полностью добычей и собственностью надзирателей, смотрителей и помощников тюремщиков, все из которых максимально использовали свои должности - которые могли выдаваться как пенсии или покупаться^[167] - чтобы выжимать плату^[168] и делать свои места платными;^[169] и имея неограниченную власть, и будучи, по роду своей деятельности, привычными и привыкшими к страданиям, тюремщики,^[170] с самого начала и вплоть до восемнадцатого века, не уклонялись ни от каких средств, пусть даже средневековых, с помощью которых они могли бы получить свою плату и сборы.^[171] Иногда использовались винты с пальцами и железные черепные коробки,^[172] и предъявлялись в суде в качестве доказательства.^[173]

На заключенных могли надеть тяжелые кандалы, если они не платили за то, чтобы им дали более легкие.^[174] Их подвергали порке веревками, плетью или всем, что попадалось под руку,^[175] обычным орудием порки, однако, была грозная *tembrum tauri*.^[176] Их могли держать в сырых подземельях и темноте; живых иногда запирали вместе с мертвыми. Их могли изолировать и специально подвергать полному голоду,^[177] тюремной лихорадке и оспе, а также умерщвлять насильственными действиями надзирателей.^[178]

Заключенных грабили ради помещения, давили за еду,^[179] и торговали всевозможными напитками, спиртными напитками и табаком, которыми чиновники промышляли нарасхват.^[180] Наконец, вновь прибывших в тюрьму грабили и разворовывали их товарищи по тюрьме в поисках "чумазных" или "гарных" денег,^[181] а если это не удавалось, их часто лишали самой одежды, что называлось "пустить черную собаку погулять".^[182]

И во всех этих мерзких местах, как правило, ничего не производилось. Изначально предполагалось, что в тюрьмах и Брайдвеллах изгои будут работать,^[183] но власти не позаботились об организации этого, и во всех местах заключения полезная работа (если не считать случайных работ, выполняемых для тюремщиков или разрешенных в отдельных случаях) была невозможна. В 1818 году было установлено,^[184] что из 518 тюрем Соединенного Королевства в 445 не было никакой работы, а в остальных 73 она была самой незначительной. Таковы были плохие старые тюрьмы прошлого. Их недостатки были многочисленны, вопиющи и очевидны, но у них была и человеческая сторона, причем лучшая. И хотя над идиотом могли смеяться, а новичка - разорять, хотя надзиратели могли быть жестокими, а атмосфера - ядовитой, все же посреди зла встречались отдельные акты доброты и самопожертвования. Если пленники были в цепях и лохмотьях,^[185] они не были отрезаны от внешнего мира или раздеты и запятнаны в ливрее позора.^[186] Если тюрьмы были очагами инфекции и выгребными ямами коррупции,^[187] по крайней мере они не были призрачными белыми гробами, построенными в девятнадцатом веке.

Смягчения и особенности

До сих пор мы пытались проследить ход обычных наказаний, которым в разные эпохи подвергались "обычные" преступники, когда им предъявляли обвинения в более тяжких преступлениях. Однако существовали способы избежать наказания, которые имеют достаточно общее и важное значение, чтобы рассмотреть их отдельно.

Мытарства... К призыву о чудесном руководстве для определения виновности или невинности обвиняемого прибегали с незапамятных времен, используя всевозможные методы на всех четырех континентах.

В средневековой Англии существовало множество испытаний. Существовал корн, или освященная ячменная лепешка, которая должна была задушить лжесвидетеля, если он попытается ее проглотить; когда рот и горло были сухими от страха или волнения, это было вполне возможно. Проводилось испытание погружением, при котором обвиняемый должен был погрузиться на глубину двух эллингов - более семи футов. Вокруг тела привязывали веревку, и интересно отметить, что архиепископ Хинкмар (IX век) дал четкие указания по спасению тех, кто, погрузившись таким образом, был признан невинным.^[188] Было испытание горячей водой, в которой нужно было поднять камень из кипящей жидкости, не ошпарив руку. Был тест, для прохождения которого руку нужно было вставить в перчатку из раскаленного железа и не обжечься. Был тест, в котором подозреваемый должен был пройти сквозь пламя и не обжечься. Было испытание, заключавшееся в том, что нужно было пройти по девяти раскаленным лемехам с завязанными глазами и без страха.^[189]

Однако, пожалуй, самым известным испытанием было то, которое проводилось с помощью раскаленного железного прута или кольца.^[190] Оно обычно весило три фунта, и его нужно было пронести - в средние века они всегда были личными и живописными - на расстояние, в девять раз превышающее длину ноги носителя.^[191] Затем его руку перевязывали и оставляли в покое на три дня.^[192] По истечении этого срока ее осматривали, и если она оказывалась чистой и без нагноений^[193], обвиняемого оправдывали.

Несомненно, в глубоко суеверные времена эти испытания с их торжественными молитвами и заклинаниями были достаточно эффективны. Но все же, похоже, им не совсем доверяли, во всяком случае, в более поздний период,^[194] поскольку даже те, кто успешно прошел через них, были обязаны покинуть страну в течение сорока дней.^[195] Однако большинство людей, прошедших через испытания, были привлечены к суду двенадцатью рыцарями графства

(которые, таким образом, напоминали Большое жюри) и уже находились под серьезным подозрением;^[196] испытание, таким образом, могло лишь утверждать, что не доказано. Более того, из различных источников следует, что испытания и суды часто фальсифицировались,^[197] сложный ритуал давал много возможностей;^[198] по крайней мере один король насмехался над оправдательными приговорами священников.^[199]

Вызвав неодобрение многих пап, ордалии были осуждены на четвертом Латеранском соборе 1215 года, а восемнадцатым каноном священникам было запрещено произносить на них свое благословение.^[200] Ордалии были отменены в Англии в правление Генриха III, и их место заняли присяжные.^[201]

Другим видом испытания и, безусловно, средством ухода от уголовного закона было боевое пари. Этот очень древний способ судебного разбирательства^[202] был введен в Англии норманнами при Вильгельме I. Если человек выдвигал обвинение против другого, и доказательства вины не были очевидными и непреодолимыми, последний мог потребовать суда боем,^[203] если только истцу не было больше шестидесяти лет или он был болен и немощен,^[204] или страдал от физических недостатков,^[205] в этом случае он мог выбрать испытание.^[206] Священники, немощные люди и женщины могли иметь чемпионов, чтобы представлять их.^[207] Рыцари сражались своим обычным оружием,^[208] плебеи - шестами длиной сорок пять дюймов, которые были увенчаны железными головками в форме рогов барана.^[209] Они должны были быть босыми, босоногими и бритыми; и так они сражались до смерти или сдачи,^[210] сначала с дубинами, а потом, когда они не справлялись, в страшных схватках, убивая из всех сил. Если обвинитель побеждал, его могли посадить в тюрьму как клеветника^[211], но он не должен был лишиться жизни или конечностей; однако его штрафовали на шестьдесят шиллингов и лишали гражданских прав.^[212]

Если обвиняемый - будь то рыцарь или крестьянин - уступал, его немедленно вешали или обезглавливали как виновного.^[213] Если же он одерживал верх в бою или защищался до появления звезд,^[214] он мог покинуть поле боя как оправданный,^[215] если, конечно, судьи не хотели предать его суду за что-то другое, что они иногда и делали.

Обычай суда боем, наряду со всеми другими видами испытаний,^[216] вышел из практического употребления в тринадцатом веке,^[217] но оставался законом в течение пятисот лет после этого. В 1818 году он был восстановлен.^[218] Некий Абрахам Торнтон был сильно заподозрен в надругательстве и убийстве девушки, Мэри Эшфорд. Хотя он был оправдан судом присяжных, его тут же обвинил ее брат и наследник и потребовал защиты в виде поединка. Истец отказался от поединка, и вскоре после этого был принят "Акт об отмене апелляций по делам об убийстве, измене, преступлении или других правонарушениях... и пари на бой"^[219], чтобы на него нельзя было претендовать снова.

Еще одно убежище от лап государства было найдено в рамках Святилища. Хотя, подобно молитве или жертвоприношению,^[220] существовало по всему миру с самого начала, мы можем ограничиться только христианскими убежищами, поскольку только они влияли на наши законы.

Ранняя Церковь, несомненно, предоставила убежище, как только у нее появилась возможность это сделать, и давала убежище со времен правления Константина.^[221] Законы о праве на убежище были приняты Феодосием в 392 году,^[222] границы убежища были расширены Феодосием Младшим в V веке,^[223] а при Юстиниане (483-565) многие виды преступников были отстранены от него.^[224]

Спасительная сила святилища^[225] в более ранний период, по-видимому, была лишь слабой и предварительной, поскольку в привилегии отказывали должникам государства, новообращенным евреям, которые были должниками, еретикам и отступникам, рабам ортодоксальных господ (рабы еретиков и язычников получали свободу^[226]), а также лицам, виновным в более серьезных преступлениях.^[227]

Но защита могущественной Римской церкви должна была стать чем-то большим, чем просто передышкой для преступников низшего сорта. В 511 году Орлеанский собор^[228] постановил, что преступники, нашедшие убежище в церкви или доме епископа, не должны быть вытасканы оттуда. Даже раб, отданный своему хозяину, не должен был причинять ему вреда. Примерно столетие спустя папа Бонифаций V. (619-625)^[229] повелел, чтобы никто из укрывшихся не был оставлен. В том же духе выдержан *Декретум Грациани*, составленный в 1151 году. Папа Иннокентий III, в письме, написанном в 1200 году,^[230] приказал выдавать только ночных разбойников, бандитов и лиц, совершающих насилие в церкви.^[231] И это мы находим подтверждение у Григория IX. в 1234 году.^[232] В 1261 году Бонифаций, архиепископ Кентерберийский, в своих Конституциях^[233] прямо запретил чинить препятствия в доставке пищи тем, кто находится в святилище - так сильно возросла власть Церкви со времен Альфреда - и препятствовать тем, кто, взяв ее, покинул страну.^[234]

Изгнанники, на которых ссылается архиепископ XIII века, были людьми, которые бежали в церкви, где они могли укрыться на сорок дней.^[235] За зданиями следили, чтобы никто не сбежал, а если человек сбежал, то приход штрафовали. По истечении этого срока беженцы должны были сдаться,^[236] но они могли принести клятву перед коронером, признав свою вину, а также пообещав покинуть королевство. Затем им назначались дорога и порт назначения^[237], и они могли отправиться туда "с деревянным крестом в руках, босиком, без пояса и с голой головой, в одних плащах".^[238] И, - сказал король, - мы запрещаем кому-либо под угрозой жизни и конечностей убивать их, пока они находятся на дороге, продолжая свой путь".^[239] Но они будут лишены товаров и имущества, если таковые у них имеются.^[240]

Во времена властной тирании Генриха VIII. считалось, что слишком много британских подданных избегают этого, и в 1530 году был принят закон^[241] о том, что принявшие убежище не должны покидать королевство, а должны быть отправлены в одно из привилегированных мест (если оно не переполнено, что в то время означало, что в нем не более двадцати человек), где они должны оставаться в качестве убежища до конца своей жизни; кроме того, им должно было быть поставлено клеймо на большой палец.^[242]

К великим святилищам относились Вестминстерское аббатство и по меньшей мере тридцать других знаменитых монастырей,^[243] среди которых были Сен-Мартен-ле-Гран, Беверли, Хексхем, Дарем и Болье, обладавшие особыми хартиями и иммунитетами.^[244] Хотя предатели, евреи, неверные и виновные в святотатстве не должны были приниматься, и хотя даже мир в монастыре мог быть нарушен в ходе государственных распрей, как в 1398 году, или уклонен, как в 1483 году, все же те, кто находился внутри, были в полной безопасности от всех людей. Последователь Джека Кейда^[245] был защищен от короля, и даже один из убийц^[246] маленьких принцев в Тауэре нашел убежище в святилище Святого Мартина.^[247]

Вокруг уже упомянутых великих аббатств существовали целые колонии этих беглецов. "Право убежища, - говорит Дин Стэнли,^[248] - превращало всю округу в огромную пещеру Адуллам для всех страдальцев и недовольных в метрополии, которые хотели, по выражению того времени, взять Вестминстер". Но власть государства росла все больше и больше, а господство церкви ослабевало.^[249] В 1483 году король Генрих VII получил от Иннокентия VIII буллу, которая позволяла выводить преступников из святилищ, если было доказано, что они

выходили из них для совершения преступлений. В 1504 году он получил буллу, позволявшую ему забирать людей, подозреваемых в государственной измене. В 1534 году король Генрих VIII заявил, что лезерство является государственной изменой, и лишил виновных привилегии.^[250] В 1535 году лицам, находящимся в святилище, было запрещено носить оружие и выходить на улицу между закатом и восходом солнца.^[251] В 1540 году многие святилища были ликвидированы, а ряд преступлений, таких как умышленное убийство, изнасилование, кража со взломом и поджог, были исключены из привилегии.^[252]

Убежище в аббатстве было разрушено в 1566 году,^[253] и, несомненно, все остальные пришли к внезапному концу после роспуска монастырей. В 1604 году старые правила и законы о святилищах были отменены.^[254] В 1623 году все права на убежище были отменены.^[255] Однако идея закрепилась в народном воображении, и в 1697 году пришлось указать в законе, что аресты за долги могут производиться в "притворно привилегированных местах".^[256] Эти районы (такие как Монетный двор, Саффолк-плейс и т. д.) вновь упоминались в 1722 году^[257], а также в 1724 году^[258] в отношении Уоппинга и Степни в Мидлсексе - более чем через сто лет после отмены закона.

Для людей с хорошим положением и репутацией был открыт еще один путь, с помощью которого они могли выйти из обычного правового поля^[259] (но не против иска короля, кроме того, существовали и другие ограничения), и это был формальный Compurgation. Мы уже видели, что в тевтонских общинах клятва раба не имела юридической силы, в то время как клятва тана стоила клятвы шести рабочих. Поэтому короли и епископы могли иногда опровергать обвинения только своим словом.^[260] Вестготы позволяли обвиняемому (в кредите) отвечать таким образом,^[261] но эта практика была осуждена церковью как подстрекательство к лжесвидетельству.^[262]

Обычно^[263] обвиняемый находил одиннадцать или двенадцать компургов^[264] - родственников, соседей или товарищей по ремеслу, которые клялись вместе с ним в справедливости его дела.^[265] Лжесвидетельство действительно часто подозревалось в этих компургах, и если человек с плохим характером получал своих со-свидетелей^[266] (а если он не мог этого сделать, его обычно отправляли на испытание), его часто изгоняли, несмотря на их показания.^[267]

В начале XIII века папа Иннокентий III изменил клятву,^[268] и после этого свидетели клялись только в характере, в своей вере в правдоподобность обвиняемого. Компургия особенно привлекала духовенство,^[269] и даже называлась *Purgatio Canonica*.^[270] Отрезанные своим призванием от всех мирских связей, они могли тем больше полагаться на своих собратьев. Именно торжественной клятвой с двенадцатью священниками в качестве компургаторов папа Лев III решил очистить себя от некоторых обвинений в присутствии Карла Великого (в 800 г. н. э.);^[271] а в 803 г. этот император приказал священникам защищать себя, принося клятву с тремя, пятью или семью компургаторами. К концу XII века эта практика начала ослабевать,^[272] но все еще продолжала существовать в XVI веке в Англии, а в отдельных случаях и в более поздние времена. Официально "Ставка закона" была отменена только в 1833 году.^[273]

Церковное правление

Христиане всегда были исключительной группой людей, сначала из-за страха, а затем из-за фанатизма. Они отлучали всех оскорбивших их членов, тем самым не только отлучая их от общения, но и лишая их тех обрядов, которые, согласно их вероучению, были необходимы для спасения. Этот обычай отлучения от причастия с самого начала был грозным духовным оружием верующих; во что он превратился, когда христиане смогли орудовать и мечом мирской власти, мы увидим со временем. В первые дни они представляли собой мир внутри мира - твердые в убеждениях, стимулируемые гонениями и чрезвычайно хорошо организованные.

Их епископы выносили решения по церковным делам,^[274] а также по гражданским искам между людьми, которые не желали обращаться в суд к неверующим, и, несомненно, они вершили суд над своими последователями до появления регулярных церковных судов в последующие эпохи.^[275] С апостольских времен они возмущались обращением к внешним трибуналам,^[276] и на ряде Соборов^[277] Церковь запретила обжаловать решения христианских судов в гражданских инстанциях; согласно восьмидесяти седьмому канону Четвертого Карфагенского Собора (398 г. н.э.) ни один католик не должен был обращаться к еретическому судье ни по одному делу, справедливому или несправедливому.

Наступило время, когда государство приняло христианство и когда эта религия стала влиять на законы.^[278] При Константине гражданские чиновники были обязаны исполнять постановления христианских епископов, которые осуществляли широкую юрисдикцию. В 376 году их суды получили тот же статус, что и суды императорских магистратов.^[279] С самого начала, в соответствии с Кодексами Феодосия и Юстиниана, епископы обладали большими дисциплинарными полномочиями; а после смерти Карла Великого, в разгар периода насилия и беспорядков, церковные суды были прочно учреждены и с течением веков набирали силу.^[280] У них были свои правила и кодексы для решения дел,^[281] и они стали выносить решения по многим вопросам, которые нас не касаются, таким как десятина, нарушение завета, рождение детей, браки и завещания.^[282]

В древние времена существовал обычай, согласно которому епископ объезжал свою епархию. Когда он входил в каждый приход, его встречали жители, из которых он выбирал семь мужчин зрелого возраста и с твердым характером,^[287] которых затем кляли на святых мощах, чтобы они рассказали все, что знают или могут вообразить, о своих соседях и их недостатках. Затем епископ или его архидиакон^[288] проводили расследование и вызывали подозреваемых к себе для допроса и вынесения приговора.^[289]

Похоже, что эти инквизиции с *Testes Synodales* могли быть чрезвычайно карательными, если их проводил бдительный и цензурный христианский моралист. Мы узнаем, что энергичный епископ Линкольна так изводил свою епархию,^[290] и с помощью удивительных и подробных личных допросов^[291] раскопал столько скандалов среди всех слоев народа,^[292] что он был остановлен Генрихом III.^[293]

Хотя народы и законы Европы перестали быть языческими и стали христианскими, церковь с ее надменными претензиями и хорошо выученными правителями стремилась к автономии. Разве не говорил апостол Павел, что они должны судить ангелов^[294] и что святые когда-нибудь будут судить мир?^[295] После такого текста легко было заявить, что император Константин на великом Никейском соборе^[296] (в 325 году н. э.) заявил, что священники могут быть судимы Богом, но не людьми. Духовенство хотело, чтобы их судили равные им, и косо смотрело на другие суды; времена были отданы насилию, наказания всегда были

кровавыми, а светские владыки и судьи были чрезвычайно алчными.^[297] Если на высоких постах уже не было открытых язычников, то появлялись различные еретики, которые вызывали по меньшей мере одинаковое отвращение.

Так Церковь вступила в долгий спор, в котором было много борьбы, с локальными победами и поражениями в разных странах. В более ранний период государство было сильнее; закон Грациана^[298] (IV век) передал светскому суду все преступления духовенства, кроме незначительных. На Соборе в Агде в 506 году^[299] и на Соборе в Эпаоне в 517 году^[300] было установлено, что хотя духовенство не должно обращаться к гражданской власти в качестве истцов,^[301] оно должно присутствовать, если его вызывают в светские суды. На Соборе в Маконе в 581 году^[302] подразумевается, что им должны были передаваться уголовные дела. В то же время духовенству было запрещено обвинять друг друга перед гражданскими магистратами.^[303]

Страх и ревность к светским судам сохранялись; по канону Третьего Орлеанского собора (538 г. н. э.)^[304], прежде чем клирик мог присутствовать в качестве истца или ответчика, необходимо было получить разрешение епископа. Согласно четвертому канону Пятого Парижского собора (615 г. н.э.),^[305] ни один судья не должен был судить какого-либо церковного деятеля без предварительного уведомления его ординария; это предписание повторяется в капитулярии Карла Великого от 769 г. н.э. Папа Григорий Великий (540-604 гг.)^[306] отстаивал принцип, согласно которому ответчик-клирик имеет право быть судимым своим собственным судом, и это было установлено валлийскими канонами седьмого века.^[307]

Капитулярий Карла Великого наделил епископов уголовной юрисдикцией над духовенством,^[308] хотя император оставил за собой право окончательного решения по всем делам.^[309] К 853 году его внук, суеверный Карл Лысый, обращался к епископам в Суассоне с жалобой на скромного клерка, обвиненного в подделке королевской подписи.^[310] В 866 году н. э.^[311] Папа Николай I., в своем совете болгарам, заявил, что миряне не имеют права проверять или осуждать священников, которые должны быть оставлены под контролем своих прелатов. Равеннский собор 877 года^[312] постановил, что никто из тех, кто находится под опекой епископов, не должен быть захвачен светскими людьми.

Две системы все больше отдалялись друг от друга;^[313] клеркам было запрещено под страхом наказания присутствовать на светских вызовах. Император Фридрих II^[314] в 1220 году постановил, что никто не может тащить дьяка в светский трибунал; любой светский судья, осудивший дьяка, должен был лишиться своего места, а также понести духовное наказание.^[315] Император Карл IV. издал аналогичные законы в 1359 году (*Constit. Caroli IV. 5*), и наказал тюремное заключение клерка запретом на свободу и потерей имущества.^[316] Это было подтверждено папой Мартином V. в 1418 году. Право на клерикальную неприкосновенность^[317] было вновь подтверждено на двадцать пятой сессии (20) Всеобщего Трентского собора в 1563 г.^[318]

Церковь, как мы уже видели, была допущена и назначена регулировать веру и нравственность всех людей. Она также претендовала, а со временем и закрепила за собой право требовать от всех клириков, обвиняемых в преступлениях,^[319] кроме случаев государственной измены, мародерства,^[320] и умышленного поджога домов,^[321] преступлений против законов леса (то есть охоты на королевского оленя и т. д.),^[322] и мисдиминоров (*то есть* легких правонарушений).^[323] Со временем все клерки стали претендовать на привилегии духовенства, причем в их число входили не только те, кто состоял в священнических орденах^[324] (в малых орденах было четыре степени ниже иподиаконов^[325]), но и все те, кто был пострижен в монахи и постригся по церковной моде.^[326]

Все, кто так или иначе связан с церковной работой, например, чтецы, пономари и привратники, могли претендовать на клир.^[327] Так что на состояние клира часто претендовали,^[328] как справедливо, так и обманным путем, чрезвычайно скромные люди, и наличие пострига, а также его подлинность были очень важны в уголовных делах, так как иногда он принимался как претензия на неприкосновенность,^[329] и иногда обвиняемые брили головы прокурорам, чтобы стереть его.^[330]

Согласно статуту *Pro Clero* от 1350 года,^[331] "все виды клерков, как светских, так и религиозных, которые отныне будут осуждены светскими судьями за любые измены или преступления, касающиеся других лиц, кроме самого короля или его королевского величества, отныне будут свободно иметь и пользоваться привилегиями Святой Церкви и будут, без всяких пререканий и задержек, переданы требующим их ординариям". Это означало неприкосновенность для всех, кто умел читать.^[332]

Человека, претендовавшего на клир, проверяли на его ученость, требуя прочитать отрывок,^[333] обычно из 51-го псалма, который назывался его "шейным стихом".^[334] Тогда светский суд говорил представителю епископа: "Legit ut clericus?", а экзаменатор отвечал: "Legit" или "Non legit";^[335] и человек либо возвращался в ординарий, либо приговаривался судьей, хотя запрещалось обучать обвиняемого письму^[336] в ожидании суда (и он мог пролежать пять или шесть лет в епископской тюрьме, пока не мог быть представлен на ассизе - Pollock and Maitland, *Hist. Eng. Law*, p. 442); однако иностранцы могли читать по книгам на своем родном языке^[337], а слепые могли претендовать на должность клерка, если они могли говорить на латинском языке.

Очевидно, что быть судимым церковными судами рассматривалось обвиняемым как привилегия и преимущество.^[338] У него были все шансы оправдаться^[339] с помощью канонической чистки (см. "Чистка", *ранее*);^[340] и даже если он был осужден епископом или аббатом, ([341]) в случае, если он не смог получить необходимых чистильщиков *или* был доставлен *absque purgatione* (т. е. не был допущен к чистке), ([341])^[342] или даже если из религиозных опасений он отказывался поклясться в своей невиновности,^[343] церковные наказания в целом были милосердными, за исключением таких смертных грехов, как ересь или колдовство.

Каноны запрещали духовенству выносить смертные приговоры или калечить людей;^[344] это предписание повторил архиепископ Экгберхт.^[345] "Мы грозим анафемой", писал архиепископ Ричард в 1175 году,^[346] "тому священнику, который займет должность шерифа или рива". В 1215 году духовенству вновь было запрещено вершить суд на крови.^[347] По решению Толедского собора^[348] они не должны были выступать в качестве судей, даже по приказу правителя, в делах об измене, если тот предварительно не обещал отменить красные наказания. На Осерском соборе^[349] духовенству было запрещено наблюдать за обычными пытками заключенных или задерживаться у трепалища во время их проведения. В действительности, за исключением действий или мыслей, которые она считала высокими преступлениями против души, Церковь была мягче, чем средневековое государство.

Церковь, лишенная возможности применять быстрые и кровавые наказания тех времен, была вынуждена прибегнуть к другим методам порицания, и она разработала покаянную дисциплину. Поначалу она использовала лишь духовное оружие - не менее страшное в те времена, поскольку оно было призрачным, - и, отказывая в доступе к церкви или причастию и тем самым (как верили все заинтересованные лица) закрывая перед королями вечные двери, иногда заставляла самых могущественных людей падать на колени и просить прощения у священников Божьих.^[350] После признания в преступлении или осуждения на

кающегося возлагались всевозможные задачи и тяготы. Иногда они были капризны и поэтичны; так, если человек убивал своих ближайших родственников,^[351] оружие, которым было совершено преступление, могло быть выковано в цепь для наказания, и, связанный ею, облаченный в склявину,^[352] или, возможно, голый, он должен был с посохом в руке пробираться к месту назначения, которое могло быть местной святыней или святилищем св. Фомы Кентерберийского, но может быть и далеко, за морями, в Компостелу, Рим или Палестину.^[353] Обычный кающийся не носил цепей, но от него обычно требовалось ходить без оружия, не есть плоти, не принимать крепких напитков и воздерживаться от теплых ванн, а иногда он должен был выполнять странные и болезненные условия, специально навязанные его пенитенциарием;^[354] как, например, когда Роберту, прозванному Дьяволом, некий отшельник^[355] приказал есть только кости и объедки, брошенные собакам, и быть немым и вести себя как безумный. Наш король Эдгар^[356] был осужден на то, чтобы не носить корону в течение семи лет. Примеры можно приводить бесконечно. Часто используемая форма исправления заключалась в наложении покаянных постов,^[357] во время которых преступник должен был питаться хлебом и водой,^[358] и подвергаться многим ограничениям и лишениям.^[359] Эти приговоры могли быть вынесены на любой срок - от одного дня до двадцати лет и даже дольше, и все это время кающийся должен был влачить свое существование в стыде и позоре, вознося молитвы об избавлении.^[360]

Церковь допускала сословные различия несколькими способами;^[361] преступления могли наказываться в зависимости от ранга пострадавшей стороны, так что за убийство епископа полагалось покаяние на хлебе и воде в течение двенадцати или четырнадцати лет, а то и дольше, в то время как убийство диакона могло быть искуплено семью или десятью годами, а мирянина - четырьмя, пятью или семью годами дисциплины.

С другой стороны, люди, и особенно духовенство, подлежали более суровому наказанию в соответствии с их рангом.^[362] Так, за убийство, где мирянин получил бы четыре или пять лет епитимьи от рядового,^[363] клерк получил бы шесть лет, священник - десять, а епископ - целых двенадцать лет (семь на хлебе и воде).^[364] Эти длительные епитимьи звучат сурово, и, несомненно, были таковыми для набожных верующих. Но Римская церковь, всегда поражавшая своей организованностью, позволяла своим епископам очень большую свободу действий, как в наложении, так и в снятии епитимьи. "Я требую не продолжения времени, - говорил Златоуст, - а исправления души; покажи свое раскаяние, покажи свое исправление, и все будет сделано". Властью Соборов^[365] они могли увеличивать или смягчать наказания,^[366] чтобы немощные и сверхчувствительные могли изменить свои задачи.^[367]

Но с людьми сильными они поступали мягко;^[368] ветер был усмирен для шерстистого ягненка.^[369] Несмотря на каноны Катберта в Кловс-Ху в VIII веке,^[370] богатые люди обычно могли совершать свои паломничества заместительно (так возник класс профессиональных паломников; Thürr, p. 239 и т. д.), а также искупать грехи милостыней и платежами.^[371] "У тебя есть деньги, откупись от греха твоего", - писал Амвросий в IV веке.^[372] "Господь не продается, но ты сам продаешься. Восстанови тебя делами твоими. Выкупай себя за деньги".

Этому увещанию последовали и дали самое низкое из возможных толкований в канонах, составленных (вероятно, Дунстаном) в правление короля Эдгара в 963 году.^[373] Когда великий человек был осужден на пост, скажем, на семь лет, он должен был отложить свое оружие, взять посох в руку и ходить босиком, одетый в шерсть или шерстяную одежду, и три дня не ложиться спать и не устраивать пир.

Он должен был взять себе в помощь двенадцать человек, и они должны были поститься три дня на хлебе, сырых травах и воде; таким образом, было соблюдено тридцать шесть постов.

Он должен был собрать семь раз по 120 человек и заставить их поститься три дня; таким образом, он обеспечивал $7 \times 120 \times 3 + 36$ постов, или 2556, что означает столько же постов, сколько дней в семи годах, считая високосный год! И таким образом его покаяние было совершено, или, скорее, уклонено.^[374]

Но Церковь обычно не позволяла пренебрегать своими наказаниями; против еретиков даже в Англии существовали суровые законы^[375], их захватывали гражданские силы и сжигали заживо. Любой, кто преступил каноны и отказался от покаяния, мог быть отлучен от церкви, и тогда он подлежал аресту.^[376] В этой стране, если нарушитель игнорировал его в течение сорока дней,^[377] Королевский суд, по просьбе епископа,^[378] издавал Writ of Significavit,^[379] или другой подобный запрет, предписывая шерифу заключить его в тюрьму до тех пор, пока он не удовлетворит требования Церкви.^[380]

Иерархия, хотя, как мы видели, не имела права напрямую применять такие наказания, как смерть или ампутация членов, прибегала ко многим формам телесных наказаний. Порка в целях покаяния или поддержания дисциплины применялась часто;^[381] младшие монахи в монастырях обычно получали тридцать девять ударов.^[382]

Но у епископов были в запасе и другие, более страшные наказания, и, в отличие от светских правителей, они использовали тюремное заключение как самостоятельное средство наказания. Католическая церковь с ее идеалами монастырской жизни и аскетического уединения стремилась вызвать раскаяние с помощью душевных страданий, и в ее аббатствах с высокими стенами и мрачных дворах имелись здания, готовые для заключения любого человека. Первые кельи были среди *экседр* вокруг церквей и епископских домов и назывались *деканикой*,^[383] в то время как непримиримые монахи свободно заключались в большие монастыри.^[384]

Хотя церковные наказания^[385] считались в целом милосердными - как мы увидим далее из английских комментариев к ним - в отдельных случаях они могли быть достаточно безжалостными, особенно в отношении еретиков. У тайной и страшной инквизиции были свои тюрьмы^[386], в которых она пытала своих жертв всеми способами, какие только могла предложить изощренность, и в которых, вероятно, впервые были открыты и, во всяком случае, использованы разрушающие разум результаты одиночного заключения.

Уже в XIII веке власти неодобрительно относились к тюремному союзу.^[387] В 1229 году Тулузский собор постановил, что "обращенные" еретики (*то есть* те, кто отрекся из страха перед казнью и кто даже тогда был приговорен к пожизненному заключению; см. Lea, о законах Фредерика II, булле Григория IX и т. д., в его *Middle Ages*, i. pp. 321, 484) должны быть ограждены от развращения других. В новых тюрьмах, построенных для церкви и инквизиции^[388], было предписано иметь небольшие темные подземелья для одиночного заключения. В 1246 году Собор в Безье^[389] предписал содержать пленников отдельно в тайных камерах, чтобы никто не мог развратить другого. В нем говорится о "колоссальной строгости" (*enormis rigor carceris*).

Узники церкви^[390] подвергались различным видам заключения. Существовал *Murus Largus*, по которому им разрешалось разгуливать по городу;^[391] *Murus Strictus*, *Durus* или *Arctus*, по которому они должны были быть заключены в отдельные камеры на хлебе и воде;^[392] и *Murus Strictissimus*, по которому они содержались в темницах и в тяжелых кандалах.^[393] Кроме того, инквизиция применяла бесчисленные пытки, и ей мало чему можно было научиться из фантазий Данте; но у этой страшной организации есть своя история.

Кроме нее, епископы^[394] имели свои тюрьмы, а в больших монастырях - камеры для наказаний,^[395] и они использовались для покаяния или наказания.^[396] Так, в Каноссе в 1077 году папа Григорий VII^[397] заключил мятежных немецких прелатов в одиночные камеры с питанием хлебом и водой.

И снова мы можем прочитать о другом примере, произошедшем в 1283 году. Некий брат Иоанн, как оказалось, укусил своего настоятеля за палец, "как собака", как было сказано; и за это епископ приказал возмущенному настоятелю^[398] "держать упомянутого брата Иоанна в тюрьме под железными цепями, в которой он должен довольствоваться хлебом, безразличным элем, похлебкой и скудным количеством мяса или рыбы (без которых на шестой день он должен обходиться), пока не раскается". Худшая судьба постигла Александра де Лэнгли в том же веке.^[399] Этот несчастный был человеком очень культурным и хранителем печати аббата. То ли от приближающегося общего паралича, то ли от какой-то другой формы безумия он впал в состояние крайней экзальтации, возможно, до такой степени, что стал, как они считали, мятежным или богохульным. Жестокая порка не смогла вернуть ему чувство меры, и он был заключен в кандалы в келье, где в конце концов умер и был похоронен, причем труп его все еще был закован в цепи.

В монастырях также существовало страшное наказание в виде одиночного заключения, известное как *In Pace*. "Те, кто подвергался ему, - пишет доктор Леа,^[400] - умирали во всех муках отчаяния". В 1350 году архиепископ Тулузы обратился к королю Иоанну с просьбой о смягчении наказания, и тот издал указ, согласно которому настоятель монастыря должен был дважды в месяц посещать и утешать заключенных, которые, кроме того, должны были иметь право дважды в месяц просить общества одного из монахов. Даже это незначительное нововведение вызвало жесточайшее сопротивление доминиканцев и францисканцев, которые обратились к папе Клименту VI, но тщетно."

В церковных тюрьмах действительно могли быть злоупотребления и жестокости, как это всегда бывает там, где скрываются высокие стены. Например, мы можем прочитать на сайте^[401], что в 1283 году н. э. некоторые монахи были схвачены аббатом Вестминстера "и так сильно избиты, что один из них скончался от горя". Были случаи, когда Церковь шла на крайний шаг - унижение из ордена. В ранний период это часто означало, что разжалованных клириков немедленно забирали светские власти и поручали им подневольные работы^[402] - после чего они не могли быть восстановлены в должности. Очень часто их запирали в монастырях,^[403] - способ, который епископы предпочитали освобождению от мирского наказания.^[404] Иннокентий III. (1198-1216), однако, распорядился, чтобы разжалованные клирики передавались светской власти.^[405]

Но на практике клирики не часто подвергались полной деградации.^[406] Лишение орденов рассматривалось как страшное наказание;^[407] это было окончательным изгнанием из лона и наносилось с большим трудом.^[408] Три епископа требовались, чтобы разжаловать даже дьякона; шесть - чтобы разжаловать священника; и требовалось двенадцать прелатов, чтобы вынести решение по делу епископа.^[409]

Когда все были разжалованы, отлучены от церкви и отправлены в секулярию, в ход пошли мирские наказания.^[410] Главным преступлением, за которое Церковь лишала всякой защиты, была упрямая или повторяющаяся ересь. В прежние времена виновных клеймили на лбу^[411] и изгоняли^[412] (как однажды из Оксфорда, чтобы они умерли от холода и голода) отлучали от церкви, а также заключали в тюрьму и конфисковывали имущество.^[413] Но с ростом и умножением числа воинствующих сект церковь призвала государство пойти на крайние меры.

По народному обычаю еретиков безжалостно сжигали заживо^[414] (а иногда "линчевали", как преступников-негров в США; см. Lea, *Middle Ages*, i. pp. 219, 222, 308), и со временем это получило официальное признание.^[415] Педро Арагонский в 1197 году, император Фредерик II Кременским эдиктом в 1238 году, Людовик IX Французский своими "Этюдями" в 1270 году и Генрих IV^[416] Англии в 1400 году сделали сожжение на костре законным наказанием для упорных или рецидивировавших еретиков.^[417]

Но не суровость церкви вызывала ревность и противодействие светской власти. Именно иммунитет, который она предоставляла тем, кто находился под ее защитой^[419], побуждал государство покушаться на клерикальные привилегии, а с течением времени и полностью их отменять. В саксонские времена светские и епископальные власти действовали в тесном контакте, но Вильгельм Нормандский, несомненно, продолжая уже упоминавшееся континентальное движение, отделил церковные суды от светских.

Король Генрих II вступил на престол после периода гражданской войны и опустошительного разбоя, в ходе которого церковь укрепила свои позиции и расширила юрисдикцию,^[420] и стремилась вновь утвердить власть центрального правительства. Он обнаружил, что духовенство и клерки^[421] находятся вне его контроля, а в средние века они были многочисленны,^[422] так как в орден принималось много людей, которые мало или совсем ничего не умели делать в своей профессии и которым правила запрещали добывать средства к существованию иным способом.^[423] Поэтому король приложил все усилия, чтобы подчинить клерков своим судьям.

Решающий случай произошел в 1163 году. Некий Филипп де Брой или де Бройс,^[424] который, вероятно, был архидиаконом Бедфорда и каноником Линкольна, ранее избежал личного наказания по обвинению в непредумышленном убийстве, но затем был изобличен как убийца Саймоном Фицпетером, который был одним из королевских судей. В связи с этим он заявил резкий протест и оскорбил судью. В то время было еще несколько дел, в том числе неудачное дело об убийстве и изнасиловании клирика из Вустера,^[425] и другое дело об убийстве из Солсбери,^[426] в котором преступник избежал тюремного заключения, и король Генрих принял меры с большой яростью.^[427] Он заявил, что был оскорблен в лице своего делегата, и приказал предать де Брой суду не только за это, но и за первоначальное непредумышленное убийство; по сути, он хотел отправить его на виселицу. Но архиепископ отказался возобновить уже рассмотренное и решенное дело, а за оскорбление королевского чиновника с мятежным священником жестоко расправились^[428], поскольку он был раздет и выпорот перед разгневанным судьей и лишился должности и жалованья, будучи изгнан на два года.^[429] Король был недоволен, желая лишь смерти каноника, и энергично принялся за подчинение духовенства.

В 1164 году он обнародовал *Кларендонские конституции*, согласно которым преступные клерки должны были подвергаться мирским наказаниям. Сначала преступник должен был быть обвинен в мирском суде;^[430] затем судим, осужден и унижен церковным трибуналом; после чего отправлен обратно для вынесения приговора в светский суд, чтобы получить обычные драконовские наказания. Но архиепископ Бекет и английская иерархия заявили, что разжаловать клерка и затем передать его светским судьям - значит дважды наказать его за одно и то же преступление.^[431] "Страдание", - говорили они, цитируя еврейского пророка,^[432] - "не восстанет во второй раз". Все, что они признали, - это то, что если клирик после разжалования^[433] снова совершит проступок, то его можно будет отдать под суд как обычного мирянина.^[434]

Смерть архиепископа Томаса помешала всем планам Генриха в отношении церкви. "Временные суды сохранили свое право привлечь к ответственности преступного клерка; они отказались от права наказывать разжалованного клерка."^[435] В XIII веке стало обычаем, что клерк^[436] должен быть сначала обвинен и допрошен, прежде чем он сможет претендовать на свое духовенство;^[437] в правление Генриха VI - 1422-1461 - он должен быть сначала осужден^[438] перед передачей его в руки епископа.^[439]

В 1261 году архиепископ Бонифаций^[440] приказал, чтобы клирики, находящиеся под стражей епископов за смертные преступления, подвергались вечному заточению. В 1275 году Эдуард I прямо приказал, чтобы епископы не позволяли ни одному клиру уходить без очищения.^[441] В 1276 году^[442] *бигами*, то есть лица, дважды женатые или женившиеся на вдовах^[443] (весьма уважаемые поступки в настоящее время), были исключены из претендентов на клир.^[444] В 1279 году архиепископ Пекхэм в своих *Конституциях* постановил:^[445] "Пусть клирики, которые находятся в тюрьме за свои преступления, а затем доставлены в Церковь как осужденные, не будут легко расширены или допущены к очищению под слишком незначительным предлогом, но со всей торжественностью закона и с таким предусмотрительным обдумыванием, чтобы не оскорбить королевское величество или любого, кто имеет отношение к справедливости".

В 1350 году появился статут *Pro Clero*.^[446] Многие люди, как оказалось, были захвачены светскими властями. Этим актом были подтверждены церковные привилегии^[447], а клерки-нарушители были переданы в духовные суды. Но за это король потребовал, чтобы осужденные клирики впредь содержались в безопасности и подвергались надлежащему наказанию, "чтобы ни один клирик не смел преступать закон из-за отсутствия исправления". Побуждаемый короной и, возможно, опасаясь других постановлений, Саймон Айлип, архиепископ Кентерберийский, попытался усложнить положение церковных узников. "Они, - жалуется он, - с такой нескромностью и благосклонностью попадают в тюрьму, и их там так вкусно кормят, что тюрьма, предназначенная для наказания за их преступления, превращается в прохладительное и вкусное утешение, и они изнежены в своих пороках легкостью и такими побуждениями и все же совершают побеги из-под стражи, как вредные для них..... А некоторые отъявленные преступники, которые, по правде говоря, совершенно не имеют оправдания, тем не менее, так легко допускаются к своим очищениям, что каждый освобожденный таким образом (светским судьей) имеет надежду вернуться к своей прежней порочной жизни тем или иным способом..... Поэтому мы сочли нужным постановить относительно заключенных клириков^[448] ... (они) должны быть тесно заключены в тюрьму со всей надлежащей тщательностью и осторожностью в соответствии с качеством их личности и тяжестью их преступлений, чтобы они не могли к поруганию Церкви вернуться к своему прежнему образу жизни из заключения, предназначенного для наказания". Клерки, виновные в дурных проступках, должны в среду, пятницу и в день субботний получать хлеб и воду, в другие дни - хлеб и небольшое пиво, "а в день Господень - хлеб, пиво и пульс, для чести и превознесения этого дня. И пусть ничего другого не дают им в виде милостыни или вознаграждения от их знакомых и друзей, ни под каким предлогом, ни по какой причине; и пусть не дают им никакого очищения". Эти суровые правила, которые, исходя от архиепископа^[449], разумеется, повторялись всеми прелатами, напоминали уголовные системы дисциплины, достигшие своего максимума жестокости в XIX веке.

Однако есть все основания полагать, что в целом обращение Церкви с заключенными оставалось мягким и гуманным. Священнослужители не были закоренелыми тюремщиками; их призвание было скорее духовным, чем военным. Они имели дело с людьми,

принадлежащими в большей или меньшей степени к их собственному ордену, и были склонны к классовой лояльности.^[450]

В свете последующей критики и законодательства^[451] кажется, что даже после постановления Айлипа с церковными осужденными обращались гораздо лучше, чем с мирянами в обычных тюрьмах. Более того, то ли из чувства гуманности,^[452] то ли потому, что епископам не нравилось оплачивать содержание заключенных,^[453] избегали длительных сроков заключения, а пожизненные приговоры назначались как можно реже; заключенных помиловали^[454] на юбилеи и по особым случаям, а иногда освобождали, если их друзья платили выкуп (по-видимому, в размере 20 или 40 фунтов стерлингов; см. Lea, *Studies in Church History*, p. 202, и статут 23 Hen. VIII. c. 1). Государство все время выступало на стороне суровости и, начиная с XIII века, имело привычку посылать к епископу клириков *absque purgatione*, которые, по крайней мере теоретически, должны были быть пожизненными заключенными. Действительно, если ординарий пытался освободить таких людей, он мог быть удержан от этого предписанием канцелярии.^[455]

Еще в 1238 году епископ Эксетера^[456] попал в беду за то, что отправил некоего клерка на очищение. Позже аббат Сент-Олбанса^[457] был обвинен в том, что позволил некоторым заключенным бежать; несомненно, есть и другие случаи. Но, очевидно, заключенных епископов постоянно освобождали, поскольку в 1402 году был принят специальный статут^[458], запрещающий разрешать клирикам, уличенным в измене (меньшей степени, чем заговор против самого короля), или тем, кто был известен как обычный вор, любые виды очищения. В 1485 году был принят акт^[459], по которому епископы могли заключать священников, клириков и религиозных людей в приход и тюрьму за адвокатство (*то есть* прелюбодеяние), блуд, кровосмешение или любое другое плотское недержание, и они не должны были отвечать по искам за незаконное заключение.

В 1487 году иммунитету был нанесен серьезный удар. По этому закону^[460] клерки (*т.е.* т.е. умеющие читать, но не исполняющие приказы) должны были пользоваться своей привилегией только один раз; А чтобы они больше не были "постоянно допущены к чтению, как только совершат проступок", было предписано, что клерки, не состоящие в орденах, которые впредь будут осуждены за убийство, должны быть немедленно заклеены^[461] тюремщиком в открытом суде буквой М на мозоли большого пальца левой руки, а если их признают виновными в краже,^[462] буквой Т, прежде чем их передадут в руки ординария.

Рукоположенный священник мог снова обратиться в свою Церковь, но если он во второй (или другой) раз требовал своего клира, то должен был иметь под рукой грамоты о рукоположении, хотя ему могли дать один день отсрочки, чтобы получить их или эквивалентное свидетельство от ближайшего епископа, и если они не были получены, то он лишался всех церковных привилегий.^[463] В 1496 году миряне, убившие своего господина, хозяина или государя, были лишены клира; а в четвертый год следующего царствования были сделаны еще большие исключения, и клир был отнят у всех, кто не был в ордене, кто совершил преступление в церкви, на королевской дороге или убил кого-либо в собственном доме.^[464]

Мы уже видели, с каким огромным трудом клерк, а тем более священник, мог быть унижен и изгнан из ордена. Чтобы исправить ситуацию. Кардинал Вулси, архиепископ Йоркский, добился от папы Климента VII в 1528 году буллы^[465] (в отношении Англии), по которой один епископ, которому помогали два аббата или другие высокопоставленные лица, мог совершить эту церемонию.^[466]

Статут 23 Hen. VIII. c. 1 (1531) ссылается на постановление Эдуарда I (1275) о том, что ни один церковный узник не должен покидать тюрьму без строгого очищения, на что Генрих VIII замечает, что, тем не менее, они были освобождены очень легко. Он ссылается на статут Генриха IV (1402), который предписывал, что отъявленные преступники не должны проходить очищение, и далее говорит, что ординарии продолжают отпускать преступников быстро и поспешно "ради коррупции и корысти", или потому, что духовенство ни в коем случае не соглашается брать на себя ответственность за заключенных. Далее в законе говорится о лишении духовенства льгот за различные мелкие измены, о которых говорилось ранее, а также за поджог, причем за исключением всех канцеляристов - иподиаконов и вышестоящих чинов. Духовенство внутри орденов за эти преступления должно было подвергаться пожизненному заключению,

Четвертым каноном на тринадцатой сессии Трентского собора в 1551 году было постановлено, что епископ или его генеральный викарий может осуждать и даже унижать преступное духовенство при содействии стольких митрополитов-аббатов или, при их отсутствии, стольких высших церковников, сколько епископов было бы при старой системе. Lescourayer, i. p. 550; Luzio, *Cath. Ency.* iv. p. 678.], если они не смогут найти гарантии хорошего поведения - обвиняемый в размере 40 фунтов стерлингов с двумя существенными поручительствами по 20 фунтов стерлингов за штуку. Этим статутом также предполагалось освободить епископов от бремени содержания своих заключенных, и они были уполномочены разжаловать таких провинившихся клерков и передать их "на верное и безопасное хранение в королевскую скамью" с сертификатом, удостоверяющим их разжалование - теперь это стало намного проще, - после чего королевские судьи должны были вынести такие приговоры (обычно смертные), которые были бы вынесены осужденным, если бы в момент обвинения они были мирянами, а не клерками какого-либо рода.

Но и это было еще не все, поскольку в том же году (1531) был принят акт^[467], по которому побег из епископской тюрьмы становился преступлением для клерков; тех, кто находился в заключении, отправляли обратно в тюрьму, чтобы они оставались там без освобождения. В 1533 году^[468] духовенства лишали всех, кто отказывался выступать в суде или оспаривал в императивном порядке решение более двадцати присяжных. В 1536 году^[469] священнослужителей внутри орденов должны были поставить на одну ступень с остальными клерками, но этот закон продержался всего около десяти лет. Но теперь иммунитет духовенства начал отниматься длинной серией статутов, освобождающих от каких-либо поблажек за конкретные преступления.^[470]

В 1576 году осужденных клерков перестали передавать епископам для совершения очищения.^[471] За все "духовенские" преступления лорды парламента^[472] (даже если они не умели читать) и духовенство в орденах немедленно освобождались. Остальные, кто умел читать, освобождались за первое преступление после получения клейма, но суд мог также назначить им содержание в тюрьме на срок не более года; невольников, не умеющих читать, быстро вешали.^[473]

По мере того как привилегия духовенства становилась все менее достойной, она была распространена: на *бигами*, или дважды женатых, в 1547 году, и на женщин^[474] (исповедующие монахини всегда жили под церковным правлением) в 1692 году. По приговору с ними поступали так же, как и с мужчинами в подобных случаях, то есть ставили клеймо на руку, а затем освобождали либо сразу, либо после тюремного заключения, не превышающего одного года.

В 1699 году^[475] было предписано клеймить на лице, но это жестокое клеймо, как выяснилось, мешало жертвам найти работу и приводило их в отчаяние, и закон был отменен через шесть лет после этого, в царствование Анны.^[476] В 1705 году тест на чтение был отменен. Различие стало проводиться между правонарушениями, а не преступниками,^[477] и в "клир" принимались все, кто был осужден за любое из этих мелких преступлений, которые все еще оставались пригодными для клира.^[478] Закон 1705 года также предусматривал, что такие осужденные должны быть отправлены в исправительные дома или на общественные работы на срок не менее шести месяцев и не более двух лет, по усмотрению магистратов.

В 1717 году^[479] был принят закон, согласно которому лица (кроме пэров или орденских клерков), виновные в преступлениях, связанных с духовенством, могли быть подвергнуты транспортировке на семь лет^[480] (обычный приговор был четырнадцать лет), вместо того чтобы подвергаться клеймению или порке.^[481] В 1779 году^[482] лица, подлежащие сожжению в руке, могли избежать штрафа, или их могли выпороть публично или частным порядком, не более трех раз; женщины должны были подвергаться порке в присутствии женщин. Этим актом клеймение было отменено на практике; а примерно через полвека все, что осталось от старой привилегии, было ликвидировано в царствование Георга IV.^[483]

Было принято осуждать все эти старые права, столько лет предоставлявшиеся клеркам, поскольку предполагалось, что они нарушали принцип, согласно которому все люди должны быть равны перед законом.^[484] Но если учесть, какие варварства они предотвращали, и после того, как мы рассмотрели и убедились в бесцельности и бесполезности простых наказаний, мы можем быть вынуждены подумать, что они не были неизменным злом, и что, возможно, они скорее приносили пользу.

Сводные и "поэтические" наказания

Поскольку бедное человеческое тело всегда было чувствительным, то по велению инстинкта мести оно всегда подвергалось нападкам и с готовностью терпело побои. Вполне естественно, что герцог Глостер восклицает во втором акте *"Генриха VI"*: "Разве в вашем городе нет бисера и вещей, называемых кнутами?" Конечно, есть. Крепостного, варлета, бродягу, сумасшедшего и мелкого преступника били с неопределенной строгостью;^[485] скорее всего, пока жертва не окровавится и пока оператор не устанет и не почувствует, что заработал свою плату. Несомненно, плети были самых разных видов и размеров. Часто их представляют с тремя ремешками;^[486] Титус Оутс был выпорот кнутом с шестью ремешками.^[487] Я видел и держал в руках плеть времен транспортировки, у которой был толстый кожаный ремешок, скрепленный проволокой.^[488] Кошка-девятихвостка упоминается в восемнадцатом веке.^[489]

И мужчины, и женщины^[490] (последние - до 1817 года^[491]) подвергались порке публично, их либо привязывали к столбу, либо запрягали в телегу и бичевали по дороге. Пожалуй, самым очевидным действием, помимо порки преступника, было выставить его на всеобщее обозрение. Страна была неизмеримо более приходской, чем сейчас, в наше время путешествий, и быть провинившимся в своей деревне или районе было не пустяковым наказанием; поэтому в городах и деревнях устанавливались колодки^[492], а для более серьезных проступков существовали возвышенные столбы или шейные клыки (*heals-fang*).

Это хорошо известное орудие^[493] делалось самых разных форм и размеров, от вилообразного столба или столба с прорезями^[494] до того, что, должно быть, напоминало тюремную голубятню, рассчитанную на нескольких заключенных.^[495] Осужденных иногда затаскивали на баррикады, а по дороге их могли сопровождать менестрели.^[496] Волосы на голове и бороде

сбривали, а иногда жертв прикрепляли гвоздями через уши к каркасу, а также могли заклеить.^[497] С лицами, торчащими сквозь крепкие балки, и руками, продетыми через два отверстия, привязанных и беспомощных, заставляли стоять беззащитными перед толпой как мишени для любых снарядов, которые могли быть брошены. Для тех, кого ненавидели, это было серьезным испытанием, ведь толпа забрасывала их такими ударами, что они получали тяжелые ранения, а то и вовсе погибали. В конце концов тех, кто выстоял свой срок, отпускали, а тем, кому заколотили уши, отрезали уши, после чего они могли ускользнуть с места позора или же их возвращали в тюрьму, чтобы подвергнуть дополнительным наказаниям. Столб был отменен для всех преступлений, кроме лжесвидетельства и подкупа, в 1816 г.^[498] и полностью в 1837 г.^[(499)].

Прежде чем оставить Средние века, мы должны рассмотреть то, что я классифицировал как поэтические наказания. Это были спонтанные репрессии, которыми общество стремилось отплатить преступникам добром, и с помощью которых, если строгая тапизация редко была достижима, нашим предкам удалось придумать множество наказаний, которые, во всяком случае, были ассоциируемы эквивалентами. Можно привести несколько примеров. Например, пекаря, продававшего буханки с недостаточным весом, показывали с хлебом, обвязанным вокруг шеи.^[500] Рыботорговца, продававшего плохую рыбу, выставляли с ошейником вонючих корюшек, накинутым на плечи.^[501] Бакалейщика, продававшего сильно испорченные специи, посадили на столб и сожгли порошки у него под носом (1395 г. н.э.).^[502] Еретик, выступавший за строгий иудаизм, был приговорен к тюремному заключению и питанию исключительно свининой.^[503] Инквизиция прикрепляла два куска красной ткани в форме языков к груди и еще два на плечи лжесвидетеля, которые должны были носиться всю жизнь.^[504] Действительно, значки и кресты часто накладывались, и в эти времена они были страшным знаком Каина.^[505] В 1505 году два человека были приговорены архиепископом к ношению на левом плече пидора (или значка, изображающего его), чтобы показать, что им угрожает пламя.^[506] Похоже, что так оно и было, поскольку в 1511 году они были сожжены заживо.

Людовик IX приказал, чтобы тем, кто непристойно говорил, протыкали языки и отрезали верхние губы.^[507] Папа Иннокентий IV выступил перед королем с протестом против этого варварства. Искалечение языка было известным наказанием за богохульство, которое применялось в Англии. В 1656 году Джеймсу Нейлеру, "безумному квакеру", проткнули язык раскаленным железом за то, что он выдавал себя за Мессию.^[508] Его также били кнутом за хвост телеги и держали в тюрьме два года. Пьяницу иногда возили в бочке, голова которого торчала сверху, а руки - из двух отверстий, сделанных в ее боках.^[509]

Для деревенских ругателей^[510] держали железную уздечку, в которую вставляли плоский (а для несчастных ведьм^[511] иногда шипованный и болезненный) клеп, который вставляли в рот и прижимали язык. Их также могли посадить на местный "утлый стульчик"^[512] и погрузить в воду. Замечательной иллюстрацией^[513] сугубо индивидуального и личного аспекта первобытных наказаний^[514] является случай, когда, как это иногда случалось, обвинитель сам казнил своего обидчика, "или жил в тюрьме с преступником до тех пор, пока он не выполнит это поручение, или не нашел палача".^[515]

ГЛАВА II

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД ВЕДЬМАМИ

Ближе к середине семнадцатого века в Мэннингтри жил некий Мэтью Хопкинс, чье имя, пожалуй, заслуживает того, чтобы о нем рассказать. Не то чтобы он стоял как-то отдельно, настоящий Люцифер среди дьяволов. Шпренгер в Германии, Торквемада в Испании, Грилландус в Италии, де л'Анкара во Франции и другие гонители по всему христианству были более известны и убили больше людей. Но Хопкинс отправился работать на английскую землю. Люди тогда исповедовали то же вероучение, что и большинство сейчас. Шекспир пролежал в могиле не одно поколение, а на полях и дорожках Эссекса, возможно, стояли кусты, которые еще обновят листья и ветви при поцелуе наступающей весны. Хопкинс отражает дух своего времени, ибо мудро замечено, что каждое общество имеет тех преступников, которых оно заслуживает. Такие, как он, до сих пор остаются с нами в виде шпионов и шантажистов, предателей и "дружелюбных уроженцев" из племени Иуды. Но свою способность причинять вред они черпают из общества, в котором живут. Паразитам нужен соответствующий "хозяин", в котором они могли бы процветать. Темный и суеверный век, должно быть, позволял терпеть этого человека; ведь он был профессиональным "первооткрывателем", или, как его иногда называли, генералом-искателем ведьм. Он начал с того, что уничтожил около полудюжины человек в своей родной деревне. Мы не можем определить, чем они были отмечены - возможно, это были его личные враги, ведь моральные реформы всегда были готовым предлогом для мести и часто использовались в последнее время. Возможно, они были старыми, эксцентричными, замкнутыми или безумными; в любом случае, попав в плен, они должны были умереть и в своих мучениях вовлекали других, скорее всего, любые удобные для них имена. Слава о новом первооткрывателе распространилась далеко и широко. Города и сотни в восточном графстве, и даже места далеко за его пределами, посылали к этому падшему апостолу со словами: "Приди и помоги нам", - и чудовище отправлялось по кровавому следу. Обычно он отправлялся в эти экспедиции в сопровождении другого мужчины и женщины-ищейки, чьи услуги требовались для проведения тщательного личного досмотра, особенно женщин. За каждую посещенную деревню он открыто брал двадцать шиллингов, но, несомненно, в этом гнусном деле были и другие, более выгодные способы вымогательства денег. Можем ли мы представить себе, какие суммы могли быть заплачены ему (как и современным "сексуальным" шантажистам), чтобы избежать обвинений? Сколько людей, возможно, отдали все свои силы, чтобы спасти близкого им человека от жестокого обращения, возможной смерти и позора, которые влекло за собой подобное обвинение? Кто знает, как вымогаемое золото могло повлиять на вынужденные испытания? Кто скажет, что могло тайком прийти к охотникам за ведьмами, чтобы навлечь гибель на какого-то врага, возможно, соперника? Да и кто? С места на место перелетала эта хищная птица, опускалась на мирные усадьбы и захватывала тех, кого выбирала. Горе мужчине, а тем более женщине, которая жила одна, держала черную кошку, имела родимые пятна на теле или меньше всего отличалась от нормы по физическому строению! Горе тому, кто был эксцентричен, подвержен припадкам или трансам, кто мог быть каким-либо образом ненормальным или слабоумным! Горе, в сущности, тому несчастному, кто каким-либо образом попадал под обвинение! Отныне на них будет стоять клеймо Пишога; отношения прекратятся, как от заражения чумой^[516]; и самый жестокий сброд того времени будет носиться вокруг, намереваясь устроить погоню, с их яростной жаждой крови, не менее острой от мысли, что в их жестокости есть что-то христианское. Затем жертву хватили и уводили на допрос, жестокое обращение и пытки. Родители и дети, товарищи и любовники могли тайно плакать, а самые смелые даже осмеливались обличать

бессмысленную незаконность происходящего - и в этом случае их подстерегала немалая опасность. Но их слова остались бы неслышанными, и им пришлось бы торчать у виселицы до последнего акта, когда что-то раскачивалось и болталось на веревке.

Но почему-то добрый мастер Мэтью стал пользоваться непопулярностью, и этому могло быть множество причин. Возможно, он был неразумен в выборе своих "подданных" - похоже на то, ведь один из них был старым священнослужителем - и дожил до того, что узнал, что некоторые из них оказались не такими уж безвольными, как он рассчитывал. Возможно, запас одиноких или незащищенных людей иссяк, или, продвигая свою профессию так далеко, он не смог оценить новый материал. "Открытия", конечно, нужно было делать, чтобы поддерживать репутацию и доход, а поскольку он прокладывал свой путь по обширной территории, возможно, довольно много людей стали чувствовать себя открытыми для обвинений и были готовы считать подозрительным, что только у него есть такой глаз на ведьм. И тогда среди них поднялся шепот, который дошел до ушей преследователя: Наверняка этому человеку помогает дьявол, иначе он не стал бы отслеживать стольких людей. И, возможно, он начал действовать, увидев, как в свирепых глазах окружающих загорелся гнев, и почувствовав, что страшные суеверия, которые он разжигал и разжигал, вышли из-под контроля и обращены против него самого. Так он выпустил небольшую книгу с датой 1647 года, напечатанную, по его словам, "для пользы всего королевства". На титульном листе книги помещена несколько неприятная цитата: "Не позволяй ведьме жить", Исход ххii. 18. Мы не можем сделать ничего лучше, чем пролистать ее страницы и ознакомиться с "Некоторыми ответами на вопросы, которые были и которые могут быть выдвинуты против Мэтью Хопкинса в его способе поиска ведьм".

Вопрос I. - Что он должен сам быть величайшим ведьмаком, колдуном и чародеем, иначе он не смог бы этого сделать.

Ответ: "Если царство Сатаны разделится само против себя, как оно устоит?"

Следующий абзац интересен тем, что еще раз подчеркивает грубые и абсолютно материальные представления о духовном мире.

Вопрос II. - Если он никогда не заходил так далеко, как сказано выше, то наверняка встретился с дьяволом и выманил у него книгу, в которой были записаны имена всех ведьм в Англии, и если он посмотрит на любую ведьму, то по ее лицу сможет определить, кто она; таким образом, его помощь исходит от дьявола.

Ответ: Если бы он был слишком усерден для дьявола и получил свою книгу, это было бы к его великой похвале и ничуть не позорно.

Следует заметить, что он не отрицает даже этого сообщения и не считает необычным случайное появление дьявола. "Мы должны утверждать, - продолжает он позже, - что он долгожитель, более 6000 лет, тогда он должен быть лучшим ученым во всех знаниях искусств и языков, а также иметь лучшие навыки в физике и т. д.". Он утверждает, что мастерство мистера Хопкинса действительно было навязано ему. "Этот первооткрыватель никогда не путешествовал ради этого, - пишет он в ответ на "Querie V.", "но в марте 1644 года в городе, где он жил, проживало около семи или восьми представителей этой ужасной секты ведьм... которые каждые шесть недель по ночам (всегда в пятницу вечером) устраивали свои собрания^[517] неподалеку от его дома и приносили там свои торжественные жертвы дьяволу, одна из которых, как слышал этот первооткрыватель, однажды ночью разговаривала со своими импами и предлагала им пойти к другой ведьме, которая после этого была задержана и обыскана женщинами, уже много лет знавшими приметы дьявола, и оказалось, что у нее

три соска, чего у честных женщин не бывает. По приказу судьи они не давали ей спать две или три ночи, ожидая за это время увидеть своих знакомых, которых на четвертую ночь она назвала по разным именам^[518] и сказала им, в каком виде, за четверть часа до того, как они вошли, а нас в доме было десять человек.^[519]

"Первым она позвала (1) Холта, который пришел как белый китлинг. (2) Джамара, который пришел, как толстый спаниель без ног. (3) Укусный Том, похожий на длинноногую серую гончую с головой, как у быка, с длинным хвостом и широкими глазами, который, когда этот первооткрыватель заговорил с ним и велел ему идти в место, отведенное для него и его ангелов, тут же превратился в ребенка лет четырех без головы, сделал полдюжины оборотов вокруг дома и исчез за дверью. (4) Сак и Шугар, похожий на черного кролика. (5) Ньюс, похожий на полкота. Все они исчезли через некоторое время. Сразу же после этого ведьма призналась в нескольких других ведьмах, от которых она получила своих импов и назвала разным женщинам, где были их метки... и имена импов, такие как Элиманзер Пиуакет, Пек-в-короне, Гризелл Гридигут и т.д.; которые ни один смертный не мог изобрести..... Двадцать девять были осуждены сразу, а четверо отправлены за двадцать пять миль, чтобы быть повешенными там, где живет их первооткрыватель, за то, что послали дьявола, как медведя, чтобы убить его в его саду; так что, видя различные мужские папсы и пробуя различные способы с сотнями из них, он приобрел опыт."

Хотя его действия можно назвать мягкими по сравнению с ужасными немыслимыми пытками, которые были в моде у инквизиторов на континенте,^[520] его жертв все же приманивали и обращались с ними с особой жестокостью. Предполагалось, что они не должны плакать,^[521] будучи ведьмами, хотя поводов для этого было предостаточно. Примечательно в этой связи, что Шелли,^[522] с какой точностью, мне неизвестно, упоминает о "сухом неподвижном глазном яблоке" замученных. Хатчинсон^[523] считал, что это явление связано с длительным лишением сна и истощением. Несомненно, изнурительная продолжительность расследований, а зачастую возраст и старческое иссушение жертв могут легко объяснить состояние бесслезности, когда оно действительно преобладает.

Предполагалось, что у них в теле есть некая неосязаемая часть,^[524] и исследователи укалывали их, пытаясь обнаружить ее. В частности, утверждалось, что ведьма имеет где-то на своем лице "метку дьявола". "Какое-то большое место на теле, где он" (знакомый, бес или дух) "сосет их".^[525] Эта предполагаемая "метка" могла быть почти чем угодно или ничем; от ненормального и, возможно, атакического соска до родимого пятна, родинки, старого шрама или даже крошечной вены под веком. Предполагалось, что они также должны были плавать, когда их "плавали".

В большинстве своем это были старые, мудрые существа, одетые в давно использованную, засаленную одежду.^[526] Такие юбки сохраняли много воздуха; они могли быть связаны так, чтобы способствовать этому, или широко раздуты, как у Офелии. Вполне вероятно, что таким образом их поднимут на ноги (а также, поскольку они были в основном бедны и худы, что тяжелые, иногда закованные в цепи библии должны были перевесить их на испытании весами). Но испытания неопределенны и опасны, если ими нельзя тщательно манипулировать. Мистер Хопкинс очень хотел пройти испытание водой; это был последний штрих и доказательство в конце длинной череды мучений и проверок.

Но настал день, когда несколько отважных англичан, возможно, потерявших от его рук близкого и дорогого человека, схватили самого колдуна и, связав его в мешок, бросили в бассейн. В те дикие времена было смелым поступком вмешиваться в работу любой инквизиции. Католической или пуританской, и, несомненно, был сопряжен с большим

риском. Но в данном случае лишь на мгновение, потому что перед ними на поверхности воды покачивался страшный открыватель ведьм, и все объявили, что дьявол получил свое. Но такой конец был совершенно неожиданным и необычным; с точки зрения мистера Хопкинса, это было настоящим невезением и несчастьем. Его положение казалось неприступным, и, вероятно, так бы оно и было, если бы он держался правильного круга людей и не практиковал на изолированных или непопулярных людях, которых можно было бы законно принести в жертву. Все, что он делал, было вполне законно и закономерно.

Колдовство, как и многие другие деяния против религии и морали, всегда было церковным преступлением и наказывалось в светских судах как ведущее к убийству и нанесению телесных повреждений,^[527] а в 1541 году оно было приравнено к фелонии.^[528] Но большую силу имел (тогда еще) недавний закон 1603 года,^[529] в котором, говоря причудливым языком статута, запрещалось под страхом смерти "нанимать, кормить или вознаграждать злого и нечестивого духа".^[530] И поскольку Высокий парламентский суд признал ведьм,^[531] стало необходимо расследовать обвинения и искать "духов" с помощью правовых форм. Таким образом, Хопкинс мог заявить о себе как о реформаторе морали, вводя в действие статуты королевства; он мог цитировать Писание в соответствии со своей целью, судьи и тюремщики повиновались его призыву, ассамблеи ждали, чтобы осудить его заключенных. А если его метод казался суеверным или варварским, он мог сослаться на способ мистера Перкинса,^[532] или на обычай мистера Кинкейда в этих вопросах,^[533] и мог процитировать стандартные работы с прецедентом на своей стороне.^[534]

Таким образом, ему казалось, что у него действительно есть надежное и оплачиваемое дело, основанное на предрассудках людей. Но как на их суевериях он возвысился, так же на них он и пал - позорно и бесславно.^[535] Не его чудовищные жестокости, а "Божье испытание" показало его, преданного дьяволу; и, по едкому выражению Сэмюэла Батлера, как того, "кто после показал себя ведьмой и сделал жезл для своего собственного отверстия".^[536]

Но теперь, отбросив этого конкретного паразита, мы можем проанализировать ход мысли по данному вопросу. Вера в колдовство настолько древняя и универсальная,^[537] что существующие религии, а возможно, и все религии вообще, должны были возникнуть в ее атмосфере.

Время от времени христианская церковь занималась этим вопросом,^[538] и разработала целый ритуал испытаний и средств защиты. И только спустя почти пятнадцать столетий существования христианства папа Иннокентий VIII^[539] издал специальную буллу против всех предполагаемых ведьм (5 декабря 1484 года), назначив доминиканца Шпренгера и инквизитора Крамара, чье имя на латыни переводится как Инститор, для их поиска и наказания; и это они делали с ужасающей жестокостью. Около 1489 года они написали учебник о своих методах и открытиях, и в пыточных камерах не прекращалась работа, а пидорасы яростно горели.

На их книгу ответил Джон Виер, врач герцога Клевского, в 1563 году.^[540] Он опроверг многие грубые суеверия, а также предположил, что дьявол обманывает людей и заставляет многих признаваться в невозможных действиях;^[541] также, что ведьмы на самом деле не были причиной болезней и бедствий, в которых их обвиняли и даже признавали, что они их вызвали.^[542]

Поначалу работа вызвала лишь споры и осуждение - впрочем, заблаговременное, поскольку самые обиженные, как правило, не имеют защиты и идут на верную гибель молча, и некому говорить за них.

В 1580 году Боден, французский писатель, опубликовал яростную атаку на доктора Виера, объявив, что тот был учеником колдуна и писал под вдохновением дьявола. Он повторял все старые фантастические истории, считая их правдой, и в ходе отвратительной процедуры расследования, которую он излагал, применял такие разнообразные и мучительные пытки, которые не смог бы превзойти ни один из прежних инквизиторов.

Бодену, в свою очередь, ответил из Англии Реджинальд Скот, написавший в 1584 году длинный и сильный обзор гонений на ведьм, в котором он приводит множество цитат из Шпренгера, Бодена и континентальных мучителей. Полный мудрых советов и современных примеров, он поставил под сомнение обоснованность проверок и судебных процессов над ведьмами.

Но хотя прошло всего столетие с тех пор, как Иннокентий запустил свою буллу с папского престола, многим несчастным людям, некоторые из которых в то время еще не родились, было суждено еще пройти через испытания и пытки. И еще более века должно было пройти, прежде чем закон оставил бы в покое "ведьм"; прежде чем больные, полусумасшедшие или непопулярные старухи смогли бы бросать крошки воробьям на снег или держать кошку, не подвергаясь смертельной опасности. Король Яков, будучи молодым человеком, в 1597 году попал в плен к Скоту и Виеру. Говоря о них, он сказал: "Один по имени Скот, англичанин, не стесняется в публичной печати отрицать, что может существовать такая вещь, как колдовство, и таким образом он поддерживает старую ошибку саддукеев, отрицая духов. Другой, по имени Виерус, немец, излагает публичную апологию всех этих ремесел-фолков, где, добиваясь их непричастности, он явно выдает себя за человека, принадлежавшего к их профессии"; а шесть лет спустя появился его гротескный закон, о котором уже говорилось, одобренный всем весом парламента.^[543] Судебные процессы в Германии подверглись резкой критике в 1631 году со стороны отца Шпее, который опубликовал свою книгу сначала анонимно^[544] и осудил пылкость и жестокость судов.

Но в 1681 году их снова стал защищать Джозеф Гланвил,^[545] капеллан короля. Примерно в это же время доктор Беккер, священнослужитель, живший в Голландии, составил четыре объемных тома о колдовстве,^[546] в которых утверждал, что ни дьяволы, ни духи не могут воздействовать на людей. В Англии десятью годами позже написал Ричард Бакстер,^[547] автор "*Покоя святых*" и других евангелических трудов, которые были широко прочитаны, поддерживая странные убеждения колдовской школы.

К этому времени гонения, ослабевавшие в Англии, вспыхнули в Салеме в Америке; и мы видим, как Коттон Мазер (как и Гланвил, провидец и F.R.S.) написал небольшую книгу^[548], чтобы оправдать их существование^[549] (и свое собственное поведение, поскольку многие были настроены скептически) на том континенте, где, как он причудливо говорит, отцы-пилигримы "воображали, что оставят свое потомство в месте, где они никогда не увидят вторжения профанации или суеверия". Записи о девятнадцати казнях в этом районе, об одном бедняге, которого придавили насмерть, и о толпе несчастных подозреваемых, которых бросили в тюрьму,^[550] показывают, как неистовство этого убийственного "возрождения" охватило поселение, словно эпидемия,^[551] так, что в течение пятнадцати месяцев воздух казался заряженным и отягощенным истерией, и являются мрачным комментарием. Но эволюция действует даже на табу и суеверия, и это было, вероятно, последнее всеобщее преследование, а епископ Хатчинсон назвал свой научный труд "*Исторический очерк*",^[552] поскольку он касался в основном прошлого. Закон, однако, отставал, как это обычно бывает: статут Якова I (1603), когда Хатчинсон писал, был "в силе" в 1718 году.

И так продолжалось еще восемнадцать лет, пока его не отменили в 1736 году.^[553] В Ирландии закон просуществовал до 1821 года. Колдовство явно поддерживалось теологией. Люди, которые действительно верили в личного дьявола (и даже те, кто подвергал сомнению убеждения ведьм, считали, что дьявол очень даже жив), замысляющего зло и маскирующегося повсюду, легко принимали рассказы о знакомых духах.^[554]

Те, кто принимал еврейские и христианские записи как полностью вдохновенные, не могли игнорировать одержимость и колдовство.^[555] "Après que Dieu a parlé," says de l'Ancre, "de sa propre bouche des magiciens et sorciers, qui est l'incrédule qui en peut justement douter?"^[556] And Sir Matthew Hale said in his summing up: "В том, что существовали такие существа, как ведьмы, он нисколько не сомневался. Ибо, во-первых, Писание утверждало это; во-вторых, мудрость всех народов устанавливала законы против таких людей, что является аргументом в пользу их уверенности в существовании такого преступления."^[557]

Говоря о конкретном деле, мистер Х. Л. Стивен^[558] цитирует Кэмпбелла следующим образом: "... В ходе судебного разбирательства было обнаружено и разоблачено самозванство, которое практиковали обвинители. Мотивы Хейлза были весьма похвальны, но он явил собой памятный пример того, что суеверие порождает вред. Он боялся оправдания или помилования, чтобы не оправдалось неверие в колдовство, которое он считал равносильным неверию в христианство". Гланвил^[559] придерживается той же точки зрения, с большой изобретательностью аргументируя ее с точки зрения Писания (например, в отношении некоторых доктрин, касающихся судьбы некрещенных детей, стр. 22). "Вопрос о том, существуют ли ведьмы или нет, - начинает он во второй части, - не является предметом пустых рассуждений или безразличным моментом, а представляет собой исследование очень большой и весомой важности. Ибо от его решения зависит авторитет наших законов, и, что еще важнее, наша религия в своих основных доктринах почти не затрагивается".

И то, что можно назвать религиозной верой в ведьм^[560] - совсем другое дело, чем их пытки, - пережило уголовные законы, касающиеся их.^[561] Преподобный Джон Браун из Хаддингтона (1703-1791)^[561] жаловался на отмену Закона короля Якова. Джон Браун из Хаддингтона (1703-1791)^[561] жаловался на отмену закона короля Якова,^[562] и даже Джон Уэсли (1722-1787) заявил, что отказ от колдовства - это, по сути, отказ от Библии.^[563] На странице 366 журнала^[564], который он редактировал, мы читаем: "До последнего вздоха я буду свидетельствовать против того, чтобы отдавать неверным одно великое доказательство невидимого мира. Я имею в виду колдовство и явления, подтвержденные свидетельствами всех веков";^[565] и Хаксли^[566] ссылались на одного современного священника, проповедовавшего дьявольское влияние. Фактические гонения также не прекратились, и хотя последний судебный процесс в Англии состоялся в 1712 году,^[567] (последнюю казнь в Европе Леки^[568] называет произошедшей в Швейцарии в 1782 году; другой авторитет упоминает Позен,^[569] с датой 1793 года), спорадические возмущения продолжались в стране и в измененной форме сохраняются до сих пор.^[570] В Клонмеле, Ирландия, в 1895 году^[571] бедная старушка была положена на кухонный костер ее собственной семьей и сожжена, так что умерла от последствий.^[572] Но то, что когда-то было благочестивыми обычаями и обязанностями, в конце концов стало преступлением, и главный виновник этого последнего процесса над ведьмами получил (насколько я помню) двадцать лет каторги.

Такая всеобщая вера, как вера в колдовство, несомненно, должна быть основана на положительных явлениях. Мы не станем обсуждать, какие еще неизвестные сверхнормальные способности могут быть достигнуты в особых условиях, или сколько еще предстоит открыть сверх рентгеновских лучей и беспроводной телеграфии. Ведь если старые идеи о бесах и дьяволах, метлах и черных кошках были явно нелепыми, а аномальные

способности, какими бы они ни были, не могли спасти в трудную минуту, то на небе и земле может быть много такого, о чем мы даже не мечтаем при нынешнем уровне знаний. Но обычные дела ведьм, похоже, можно было свести к рассмотрению следующих вопросов

(a) Истеричные субъекты - иногда целые толпы - которые могли вообразить что угодно и обвинить кого угодно, включая самих себя. Такие люди часто глотали (и глотают) иглы и другие предметы, некоторые из которых проникали в тело и выходили из всех его частей.^[573] Это считалось веским доказательством дьявольского воздействия. Многие из них были подвержены эпилепсии, каталепсии, сопровождаемой иногда странной нечувствительностью к боли^[574], которая является хорошо заметным симптомом истерии и которую отмечали мучители, и вообще непонятным нервным заболеваниями.

(b) "Мудрые женщины",^[575] повитухи, хорошие и плохие врачи, которые могли, согласно обычаям времени, в котором, как и среди дикарей, магия^[576] и медицина были неразрывно смешаны, прибегать к чарам^[577] (как это до сих пор делают старые женщины для лечения бородавок), а иногда, без сомнения, к приготовлению и применению настоящих ядов;^[578] и которых, когда бы ни случилось что-нибудь примечательное, всегда можно было обвинить в том, что они каким-то образом сотрудничают со всеобъясняющим дьяволом.^[579] Иногда они утверждали, что обладают способностями ведьм, и пытались заручиться поддержкой или защитой от страха, обманывая других, а зачастую и самих себя.^[580]

(c) Частные враги,^[581] которых обвинение в колдовстве,^[582] или в любом из небольшой группы преступлений^[583], которые всегда предполагались тесно связанными с ним,^[584] было самым легким путем к гибели.^[585]

(d) Люди, обвиняемые ради выгоды с помощью преднамеренных козней и заговоров. Притвориться околдованным и назвать причиной несчастья какого-нибудь (заведомо) невинного человека было подлым преступлением, которое отнюдь не было редкостью, и ранние критики приводят множество вопиющих примеров.^[586]

(e) Основная масса жертв.^[587] Старухи, пережившие родных и друзей, беспомощные и одинокие,^[588] уродливые от возраста, нечистые от недугов, эксцентричные в мудрости, безумные в заблуждениях, парализованные в конечностях или блуждающие в уме.^[589] Все они, или почти половина стариков в стране, всегда подлежали обвинению в своих несчастьях.^[590] Они были жалкими козлами отпущения тех времен, на которых сваливали все, что могло случиться, от эпилептических припадков до летнего града.^[591]

Это преступление вменялось с такой легкостью и пресекалось с таким трудом, что сильным мира сего, когда они хотели погубить слабых, ... достаточно было обвинить их в колдовстве, чтобы добиться их гибели" -С. Маскай, *Popular Delusions*, p. 109. Некий Г. Науде, "бывший хранитель библиотеки кардинала Мазарина", написал книгу под названием "*История магии*", "в качестве извинения за всех мудрецов, которых несправедливо считали магами от сотворения мира до нынешнего века". Издана Дж. Дэвисом. Лондон, 1657].

(f) Люди, на которых доносили заключенные под пытками. Как мы уже видели, обвинение означало допрос, а он преследовал две цели: вырвать у подозреваемой ведьмы "признание" и заставить ее раскрыть сообщников. Некоторые могли признаться сразу, и делали это в надежде на казнь (вид требуемого признания был уже хорошо известен, и чем более чудовищным и изощренным оно могло быть, тем больше шансов было избежать пыток). Другие, естественно, стали бы отрицать свое участие в мерзостях, в которых они не участвовали и большинство из которых было невозможно. И, несомненно, почти все будут долго и отчаянно бороться за то, чтобы не уличить своих друзей по несчастью, которые, хотя

и не виновны в преступлении, могут быть врагами других людей. И вот проклятая человеческая изобретательность была применена к этим несчастным жертвам своего невежества и суеверия. Один из отвратительных способов^[592], испробованный одним франкским королем, заключался в том, чтобы вбивать острые шипы под ногти;^[593] это, по его утверждению, всегда вызывало признание от сильных мучений. Вполне вероятно, что так оно и было.

Другие инквизиторы шли своим путем и использовали все возможные варианты вопросов, чтобы из криков и бреда получить ту историю, которую они ожидали и побуждали,^[594] и спустить на дыбу еще больше подозреваемых. Неудивительно, что преследования распространялись;^[595] всегда находились пожилые и нездоровые люди, и любого из них могли счесть ведьмой,^[596] или осудить из комнаты пыток - возможно, друг всей жизни.

Готовность, с которой принимались любые "доказательства", и ужасающие способы, с помощью которых они собирались, подвергали любого ненормального человека постоянной опасности и объясняют огромное количество уличенных. Десятки тысяч жертв, пишет Лекки,^[597] погибли от самых мучительных и длительных пыток, не вызывая ни малейшего сострадания. В одном немецком городе ежегодно сжигали 300 ведьм.^[598] В Нанси за шестнадцать лет судья предал смерти 800 человек.^[599] Захарий Грей,^[600] редактировавший издание *"Гудибраса"*, утверждает, что во времена Долгого парламента ежегодно казнили 500 ведьм, и что он прочел список не менее 3000 из них.^[601] Общая численность Великобритании оценивается в 30 000 человек,^[602] и, по оценкам, в шестнадцатом и семнадцатом веках список смертей ведьм в Европе^[603] достигал 200 000 человек.^[604]

Возможно, подсобные материалы дают более наглядное представление о том, что происходило в те мрачные дни заблуждений. Послушайте жалобу одного французского писателя^[605], который, очевидно, считал, что приближается к "последним дням". "Было ли оно [колдовство] когда-нибудь так сильно в моде, как здесь, в этом несчастном [шестнадцатом] веке? Все скамьи наших судов почернели от них; не хватает магистратов, чтобы рассматривать дела. Наши тюрьмы переполнены ведьмами, и не проходит и дня, чтобы наши ордера не были обескровлены ими, и мы возвращаемся опечаленные в свои дома, потрясенные теми ужасными и страшными вещами, которые они исповедуют". А в нашей стране, примерно пятьдесят лет спустя, мы встречаем письмо, написанное сэру Эдмунду Спенсеру в 1647 году: "В течение двух лет почти 300 ведьм были привлечены к суду и большей частью казнены, только в Эссексе и Саффолке. Сейчас Шотландия кишит ими больше, чем когда-либо, и людей хорошего качества казнят ежедневно".^[(606)]

Кроме того, именно в Шотландии хранился сундук, "запертый на три разных замка и открываемый каждый пятнадцатый день"^[607], в который, как в Львиную пасть в Венеции, тайно приносили доносы; а в 1661 году судьям было приказано посещать определенные города для рассмотрения дел о колдовстве не реже одного раза в неделю.^[608]

С процессами над ведьмами покончено. Мы можем оглянуться назад с высоты истории на это огромное красное море суеверий, поглотившее такое количество людей. И подумать только, что все это было так бесполезно, так ненужно!^[609] но ни в коем случае не трудно объяснимо. Основополагающие и провоцирующие явления действительно присутствовали в огромном количестве случаев (а когда их не было, их горячо задумывали, предлагали, искали и навязывали, чтобы вызвать всевозможные галлюцинации у обвинителей, а иногда и у обвиняемых), и, не выяснив их причин,^[610] очевидных или скрытых, духовенство и юристы, и, конечно, народ, выдали их ложный и тауматургический отчет. Они верно утверждали многие удивительные факты и явления (и все они сохраняются, ибо природа не изменилась).^[611]

Сейчас среди нас не меньше ненормальных и полусумасшедших, чем раньше, только мы относимся к более ясным случаям доброжелательно и больше не боимся мифических влияний), хотя они были преувеличены и умножены в миллионы раз, ибо суеверие - это чудовище, которое растет, питаясь. Они были фантастичны в своих сказочных объяснениях. Остальное - в те жестокие времена, когда пытки были таким же обычным делом, как и перекрестный допрос, - происходило вполне естественно. Врачи, богословы и юристы, ошибались в своих диагнозах, принимая болезни за дьяволов, а аномалии за магию. Мы еще не раз столкнемся с этим, грубым и близким. Пусть будущее осудит настоящее, как мы сейчас сожалеем о прошлом.

ГЛАВА III

ЛЕЧЕНИЕ СУМАСШЕДШИХ

Как ненормальных и рационально эксцентричных людей считали ведьмами и учениками дьявола, так и тех, кто был лишен разума, считали управляемыми извергами внутри себя. И ведьмы, и лунатики находились под властью инфернальных сил, но первые - как добровольные агенты дьявола, а вторые - как невольные жертвы, которые считались одержимыми. В Древнем Египте, в храме Сатурна,^[612] в классической Греции с Асклепием, и по законам языческого Рима,^[613] к душевнобольным относились гуманно, и если без помощи нашей нынешней науки, то, по крайней мере, на тех же широких принципах, которые мы принимаем сегодня.

В теплых солнечных лучах восточных земель жизнь населения проходила под открытым небом. Как мы читаем в Священном Писании и в книгах о путешествиях, сумасшедший мог обитать среди гробниц. Он мог бродить по успокаивающим кипарисовым рощам при свете луны или лежать под тенистой пальмой в полуденный зной. Он жил отдельно, как прокаженный, отрезанный своим ужасным недугом от родства с разумом, но свободный, по крайней мере, на воздухе и при солнечном свете, и часто ему позволялась совершенно особая свобода^[614] как находящемуся под опекой Бога.^[615] Но беспокойное поведение, к которому постоянно были склонны сумасшедшие^[616], часто пробуждало инстинкт возмездия и обрушивало на них быстрые и тяжелые наказания.^[617]

В Европе и в Англии менее опасным сумасшедшим "позволяли бродить по стране,^[618] нищие и бродяги, служащие предметом развлечения^[619] и насмешек". Мы получаем от Шекспира яркое представление о том "бедном Томе"^[620], который ест лягушку-плавунца, жабу, головастика, стенного и водяного тритона, который в ярости своего сердца, когда свирепствует нечисть, ест коровий навоз для солей, глотает старую крысу и канавную собаку, пьет зеленую мантию из склизкого бассейна;^[621] которого перегоняют кнутом от тинга к тингу, и держат на складе, и наказывают, и заключают в тюрьму."^[622]

Таков был удел страдальцев в те времена, и, несомненно, определенное число из них, не помня или не слушая дикарских законов, повиновалось навязчивому самоубийственному импульсу, столь распространенному среди безумцев; и через это многие из наиболее страдающих, должно быть, были выведены, по милости природы, из мира людей, в котором

они не принимали участия. Но если полубезумным беднякам было позволено скитаться, то^[623] тем, кто принадлежал к более богатому классу, повезло меньше. Их семьи стеснялись и стыдились их; их прятали и запирали на чердаках и в подвалах, или загоняли в одиночку, стерегли в сараях и пристройках - пристегивали где угодно.^[624]

Там действительно находились лекарства для душевнобольных, и некоторые из них могли попасть в котел ведьм.^[625] Среди менее тошнотворных из них были волчья и львиная плоть,^[626] и, поскольку наши саксонские предки были искусными травниками, мы находим рекомендованными гвоздику, полион и пион,^[627] также мандрагору, вокруг которой было сплетено множество историй из-за ее сходства с человеческой формой. Они говорили: "От беспамятства, то есть от дьявольской болезни или бесовской одержимости, возьми из тела того же суслика мандрагору весом в три копейки, дай выпить в теплой воде, как ему будет удобно; вскоре он исцелится"^[628].

Несомненно, во всех цивилизациях более остроумные душевнобольные должны были быть предметом заботы общины.^[629] Первые христиане ухаживали за ними в своих церквях, в которых они занимали особое место,^[630] и где их снабжали пищей "пока они находились в церкви, которая, как кажется, была главным местом их пребывания и обитания"^[631].

Монахи в некоторой степени присматривали за ними в своих монастырях.^[632] Но какие бы лекарства или другие средства они ни использовали, основная идея тех дней относительно сумасшествия заключалась в том, что оно происходит из-за одержимости бесами. Задача состояла в том, чтобы изгнать дьяволов. Чтобы добиться этого, они, по-видимому, прибегали к всевозможным несочетаемым "лекарствам", как призрачным, так и физическим.^[633] Великим духовным оружием всегда был экзорцизм. Это было первичное искусство всех религий, и его практиковали также ранние христиане.

В третьем веке экзорцисты сформировались в особый орден.^[634] "Когда экзорцист рукополагается, - читаем мы, - он получает из рук епископа книгу, в которой записаны формы экзорцизма. Эти формы представляли собой определенные отрывки вместе с причитаниями во имя Христа, повелевающими нечистому духу выйти из одержимого человека". Этот обычай продолжался на протяжении веков,^[635] составляя предмет бесчисленных легенд и изображений, связанных со святыми и учителями средневековья; и хотя практика, кажется, отходит на второй план,^[636] старая идея экзорцизма не умерла. Мы должны понять это, когда читаем, например,^[637] : "Вода и соль изгоняются священником и таким образом выводятся из-под власти сатаны, который со времен грехопадения испортил и злоупотребляет даже неодушевленными вещами".^[638] Но помимо оружия, мистического и духовного, используемого Церковью, были и другие, более телесного характера.

Больных привязывали к почитаемым крестам вечером, чтобы утром отпустить как исцеленных.^[639] Их приковывали к камням в различных церквях; их окунали в святые колодцы - этот обычай сохранился в Корнуолле до наших дней; их отправляли как паломников к святыням,^[640] в некоторых из которых они проходили регулярный курс лечения; часто важным элементом была музыка.^[641] Можно было найти и гораздо более радикальные средства, которые полагались не столько на силу святых, сколько на человеческую слабость дьяволов.

Так, среди рецептов трав и всех неопишуемых мерзких смесей, которые пропагандировались для лечения безумия,^[642] мы наткнулись на следующий рецепт, эффект от которого может оказаться только воображаемым: "Если человек лунатик, возьмите кожу мериноса или морской свиньи, сделайте из нее кнут, хорошенько помашите им человека, и вскоре он поправится. Аминь." Говорят, что в одном монастыре слабоумные, находившиеся под опекой монахов, получали по десять ударов плетью каждый день.^[643]

Безумцев пороли по разным причинам: (1) суеверно, чтобы изгнать дьявола и даже отпугнуть болезнь; (2) терапевтически, потому что боль и шок часто умирляли бред пациентов, хотя и на время; (3) инстинктивно, чтобы облегчить чувства их опекунов. С медицинской и жестокой поркой мы еще встретимся позже, уже после того, как от дьяволопоклонничества отказались, хотя оно продолжалось в христианстве, вероятно, более шестнадцатисот лет. Чтобы понять это, мы должны обратиться к дикарям.

Примитивные народы,^[644] как дети, *персонифицировали* все. Болезнь представлялась им некой личной сущностью, подобно тому обманчивому сну^[645], который Зевс послал Агамемнону, - "вещью", которую "нужно вытащить в невидимой форме и сжечь в огне или бросить в воду". Враг невидимый, но настолько человеческий в своих ограничениях, что его можно остановить шипами, расставленными на его пути.^[646] И если все виды физических недугов рассматривались как являющиеся или, во всяком случае, как исходящие от личных демонов, то тем более такой страшный и загадочный недуг, как безумие, должен был указывать на присутствие и непосредственную работу дьявола.^[647] Более того, для первобытного ума демоны всех видов были слишком близки, слишком живо представлялись, слишком реальны, слишком обыденны, чтобы считаться духовными существами в современном значении этого слова. Они воспринимались как явно живые и движущиеся,^[648] и, следовательно, как человеческие по своему характеру. Так, среди дикарей "считается, что души умерших можно бить, обижать и гонять, как любых других живых существ"^[649], а демонов можно было выгнать из домов и отпугнуть в лес и тьму.^[650]

Представления глубоко суеверного средневековья были похожи на эти. Даже великий противник или обвинитель, Сатана, которого Мильтон вернул к роли Аримана,^[651] был всего лишь жалким существом, бедным дьяволом,^[652] в народном воображении. "Он" постоянно переигрывает, как полицейский в пантомиме,^[653] и не поддается на самые мелкие двусмысленные уговоры.^[654] Он бьет человека^[655] и сам оказывается побежденным.^[656] Он целится камнем в Дунстана и промахивается,^[657] а когда его хватают клещами за нос, его мычание слышно на три мили вокруг.^[658] Он воет, когда его окропляют святой водой,^[659] а Лютер бросает ему в голову чернильницу.^[660] Это человекоподобное и материальное чудовище, конечно, чувствовало боль, и когда оно поселилось в человеческом теле, то должно было ощущать удары, наносимые страдальцу.^[661] Именно дьявол (или его представитель) мог быть изгнан из мужчины или женщины; демонам можно было приказать покинуть каждую часть захваченного тела, член за членом.^[662] Изверги должны были корчиться в муках^[663], когда одержимый трусил под соленой водой или плетью.^[664] На *них* должны были обрушиваться проклятия и удары,^[665] пока, наконец, через невыносимые муки они не покидали тело через ближайшее отверстие.^[666]

Этот грубый и дикий способ изгнания "дьяволов" долгое время сохранялся, и вера в него, вероятно, еще не умерла в умах некоторых деревенских жителей. Хоторн, пишущий о пуританах XVII века,^[667] заставляет тюремщика сказать о своей заключенной: "Поистине, она была как одержимая, и мне не хватает совсем немногого, чтобы изгнать из нее сатану розгами". Но бывало и так, что экзорцизм не помогал, а порка оказывалась бесполезной. Тогда безумцев приходилось умирять и подвергать какому-то обращению^[668] - ближе к истине было бы сказать, что какому-то жестокому обращению. Несомненно, они всегда стремились утихомирить более беспокойных пациентов и привести их в порядок, если не вернуть им разум.

Как пишет Эндрю Борд в своей "*Странной книге здоровья*":^[669] "Я советую держать каждого сумасшедшего, лунатика, френтика или бесноватого в надежном саде, в каком-нибудь тесном доме или палате, где есть свет. И чтобы у него был сторож, которого безумный

человек боится". Эту же мысль мы видим у Шекспира:^[670] "We'll have him in a dark room and bound," is the immediate cry towards the mad. Их запирали и связывали, самыми разными способами и в самых разных местах, родственники, монахи и смотрители. Как мы уже видели, многих казнили как ведьм или злоумышленников, их бросали в сторожки и тюрьмы,^[671] где они могли служить ужасным развлечением для других заключенных,^[672] и где их иногда накачивали наркотиками, чтобы они замолчали и перестали бредить.^[673] Иногда их помещали в такие больницы, какие только были,^[674] вместе с больными лихорадкой и несчастными случаями.^[675]

Со временем, по мере распространения населения и роста городов, старые курорты стали недостаточными. Число сумасшедших росло, а вся страна заполнялась и огораживалась. Порка с места на место стала неэффективной, а общественных учреждений, кроме монастырей, тюрем и больниц, не было.^[676] В 1247 году в Бишопсгейте был основан Приорат Святой Марии Бетлемской,^[677] и здесь содержали и лечили умалишенных, по крайней мере, с 1403 года. Несомненно, были и другие места, используемые таким образом, например, приют Святой Кaterины у Тауэра^[678], где, как нам говорят, "содержались лучшие сорта сумасшедших". Но только в середине восемнадцатого века^[679] стали возводить мрачные и угрюмые здания для интернатов.^[680] "Это были, - говорит доктор Конолли,^[681] - тюрьмы самого худшего описания. Маленькие отверстия в стенах, незастекленные или застекленные, огражденные крепкими железными прутьями, узкие коридоры, темные камеры, пустынные дворы, где не росло ни деревца, ни кустика, ни цветка, ни травинки.^[682] Одиночество или общение, настолько неразборчивое, что хуже одиночества; ужасные слуги, вооруженные кнутами.....и вольные накладывать кандалы, цепи и удары по своей зверской воле; нечистоты, полуголодное существование, гаррота и безнаказанные убийства - таковы были характеристики подобных зданий по всей Европе". То, что можно назвать теоретическим лечением, было достаточно плохим. Тех, кого нельзя было вылечить, нужно было усмирить;^[683] учение Бурхааве и Каллена признавало это, и последний писал: "Страх, будучи страстью, уменьшающей возбуждение, может быть поэтому противопоставлен его избытку, и особенно гневному и вспыльчивому возбуждению маньяков; эти люди более восприимчивы к страху, чем можно было бы ожидать, это, как мне кажется, было обычно полезно."^[684]

Желательно было "внушить им некоторый трепет"^[685], и он заявляет, что "иногда бывает необходимо внушить его даже ударами и полосами"^[686] Это была лечебная порка, о которой уже упоминалось.^[687] Шок, ужас, волдыри, кровопускание, очищение, использование цепей и всевозможных манок^[688] - таковы были средства, применяемые и описанные в учебниках для исцеления нарушенного механизма мозга.^[689]

В журнале *Gentleman's Magazine* за 1765 год^[690] мы читаем о частных психушках, что "людей насильно приводили в эти дома без всяких полномочий, тут же их хватили бесчеловечные грубияны, обученные этой варварской профессии, раздевали догола и отводили в темную комнату". Врачи тех дней были настолько невежественны в отношении природы безумия, что жестокие приемы, применявшиеся к частным пациентам, применялись даже к королю. О практике восемнадцатого века мистер Масси писал:^[691] "Психические заболевания в то время были малопонятной отраслью искусства, и специфическое лечение лунатиков было достойно варварского века медицины. С несчастным пациентом" (король Георг III) "на которого обрушилось это ужаснейшее посещение небес, больше не обращались как с человеком. Его тело сразу же заключали в машину, которая не оставляла ему свободы движений. Иногда его приковывали к скобе. Его часто били и морили голодом, и, по крайней мере, его держали в подчинении угрожающими и жестокими словами". То, что, как и

большинство сумасшедших, он был очень назойлив, несомненно; однажды он проговорил девятнадцать часов без остановки. Но все его беды усугублялись жестоким обращением;^[692] его оставляли на растерзание немецкому слуге,^[693] а первые врачи не допускали его даже к собственным детям, на что бедный старик "очень сильно жаловался".^[694] Таково, таким образом, было ортодоксальное лечение, применяемое против самого высокого в стране. Но самые ужасные поступки совершались за толстыми стенами. "Здравомыслящие люди, - говорит Бич,^[695] пишущий о частных заведениях, - часто содержались в этих убежищах, поскольку люди нередко пользовались услугами^[696], которые тогда были в ходу, чтобы избавиться от надоедливой родственника или добиться какой-то корыстной цели".

А что же с действительно сумасшедшими?^[697] - раздражительные, жестокие, неразумные, беспомощные, часто не контролирующие функции тела, как и работу разума. Мы можем представить себе, в какое состояние они приходили, когда их оставляли в руках невежественных практиков и жестоких служителей, с цепями и орудиями принуждения наготове. Отгороженные от всех родственников, они покрывались язвами и гнили в нечистотах.^[698] Иногда - в основном по утрам в понедельник после субботнего отдыха и накоплений - их выносили во двор^[698], чтобы в самую холодную погоду мыть и поливать из ведер.^[699]

Состояние гостиных и палат^[700] часто было таким, что посетителям становилось физически плохо от того, что они заходили в них;^[701] но они были редкостью в этих частных тюрьмах,^[702] чужакам никогда не рады за стенами. В Йоркском приюте^[703] - специальном очаге чумы, открытом в 1777 году и сожженном,^[704] как говорят, во избежание разоблачений, которые могли бы повесить его зрителей,^[705] в 1814 году - в 1813 году было принято правило, "что ни одному человеку^[706] не разрешается посещать кого-либо из пациентов без специального письменного распоряжения, подписанного врачом". Официальные посетители были, как правило, безобидны.^[707] В Йорке худшие комнаты им не показывали.^[708] В большинстве небольших приютов их не было вовсе.^[709]

Даже крупные общественные приюты в восемнадцатом, а также в девятнадцатом веке были ужасными памятниками жестокости и пренебрежения. Несчастные пациенты лежали на соломе в камерах,^[710] или на деревянных полках, к которым они были прикреплены. Многие были голыми или накрыты одним одеялом.^[711] В палатах их часто приковывали к стене за запястье или лодыжку,^[712] а иногда и за обе. У одного пациента в Бетлеме,^[713] свирепого, сильного человека, которого звали Норрис, после драки с пьяным сторожем руки и плечи были заключены в железную раму, полученную из Ньюгейта.^[714] Этот инструмент^[715] был прикреплен двенадцатидюймовой цепью к ошейнику на шее, от кольца вокруг вертикального железного прута, вделанного в стену у изголовья кровати.^[716] Его правая нога была прикреплена к раме, на которой он лежал. В результате пациент мог двигаться вверх и вниз, насколько позволяли кольцо и короткая цепь вокруг вертикальной перекладины, но не мог оторвать ни одной ноги от стены и мог лежать только на спине. "В этом заточении, - пишет доктор Конолли,^[717] - он прожил двенадцать лет. Сообщается, что большую часть этого времени он рассуждал здраво. В конце концов наступило облегчение, которым он наслаждался всего около года. Больно добавить, что это длительное наказание получило одобрение со стороны всего руководства больницы. Ничто не может более убедительно проиллюстрировать ожесточающий эффект привычных свидетелей жестокости и процесс, которому подвергается сердце человека, когда ему позволяют проявлять безответственную власть".

Медицинские работники получали низкую зарплату и соответственно пренебрегали ею. В то время, о котором мы говорим, - в конце XVIII - начале XIX века - врач в Бедламе получал всего

100 фунтов стерлингов в год.^[718] Однако он содержал частный приют и иногда покидал государственное учреждение на несколько месяцев.^[719] Один из хирургов описан как "в целом безумный и в основном пьяный", несмотря на это его продержали там в течение десяти лет.^[720]

При таком позорном пренебрежении и бессердечии со стороны врачей - в те времена, похоже, не было капелланов^[721] - не приходится удивляться, что несчастные пациенты полностью попадали в руки своих смотрителей и непосредственных помощников, а большинство из них были совершенно невежественными людьми, ставшими нетерпеливыми и жестокими из-за издевательств над слабоумными заключенными и их безграничной власти над ними. Инстинктивные и ответные порки (третий вид, о котором говорится на с. 149), нападения и, возможно, даже убийства были нередки, как и уже упомянутые мучительные и неограниченные ограничения.^[722] Один врач изобрел и внедрил специальный инструмент для призового открытия рта пациентов при принудительном кормлении. Он упоминает, что при обычном процессе зубы часто ломались, а некоторые оставались "без переднего зуба на обеих челюстях".^[723]

В XVIII веке^[724] - вплоть до 1770 года, а в некоторых местах, несомненно, и в более поздние времена, сумасшедших причисляли к "достопримечательностям".^[725] Публика платила^[726] за обход приютов, как сейчас за осмотр диких зверей.^[727] Более низкие и озорные из них раздражали и специально злили пациентов, как их потомки дразнят животных в клетках и по сей день;^[728] и таким образом воспроизводили для своего жуткого развлечения "проявления безумия, которые больше не встречаются, потому что они были не простым результатом болезни, а болезнью, усугубленной неправильным управлением".

Такое поведение, по-видимому, было распространено в те времена.^[729] В Женеве^[730] некоторым сумасшедшим давали есть траву и ужасные вещи, чтобы развлечь посетителей. Это также происходило в Бикетре,^[731] в некоторых частях Германии и т. д.^[732] "Les Fous de Charenton" стали на некоторое время печально известны своими пьесами,^[733] которые были представлены с большим количеством шума и ярости, привлекая зрителей своей гротескностью. В 1811 году они были запрещены.

Высокие стены долгие годы сохраняли темноту, но в конце концов, как и всегда, свет пробился наружу.^[734] В 1793 году Пинель снял цепи с пациентов в Бикетре. На родине Йоркский приют, о котором уже упоминалось, начал приобретать дурную репутацию. В 1788 году она подверглась *нападкам*^[735] преподобного Уильяма Мейсона.^[736] В 1791 году друзья одной из пациенток хотели навестить ее, но им не разрешили, сославшись на то, что она не в том состоянии, чтобы ее видели посторонние (вероятно, так и было! Через несколько недель после этого ее объявили мертвой.^[737] Женщина принадлежала к Обществу друзей, и подозрительные обстоятельства ее заключения вызвали сильное недовольство квакеров. Вскоре после этого Уильям Тьюк решил, что у них должна быть своя больница. Ретрит был открыт в 1792 году, и его гуманные и просвещенные методы вскоре были противопоставлены варварскому и тайному управлению, царившему в более старом учреждении. Но годы шли, а пациенты томились и умирали. В 1813 году Сэмюэл Тьюк - внук основателя "Ретрита" - выпустил небольшую работу^[738] с описанием существующей там системы. Она "вызвала всеобщий интерес и, по сути, достигла того, чего не смогли добиться все таланты и общественный дух Мейсона и его друзей. Она имела еще лучшие последствия". Весьма иносказательный отрывок из этой книги вызвал, похоже, враждебность врача Йоркской психушки, а письмо, которое этот джентльмен опубликовал в одной из йоркских газет^[739], стало причиной спора между управляющими этого заведения, который завершился в августе

1814 года, после почти двухлетней борьбы, полным уничтожением старой системы и увольнением всех сотрудников психушки, кроме самого врача.^[740]

Конфликт был подхвачен другими и продолжен. Ближе к концу того же года (1813) дело о предполагаемых нарушениях было возбуждено мистером Годфри Хиггинсом, мировым судьей Западного Райдинга. "Заявление мистера Хиггинса было зачитано" (перед двадцатью семью губернаторами), "после чего обвиняемые слуги дома были вызваны и приведены к присяге. Под присягой они отрицали истинность обвинений. Других доказательств не потребовалось; не было также зафиксировано в письменном виде ни одной минуты того, в чем поклялись слуги. Была принята следующая резолюция: "Губернаторы, приняв во внимание заявления, опубликованные в Йоркской и других газетах по поводу обращения с Уильямом Викарсом, который в последнее время был пациентом этого приюта, ... единодушно считают, что ... с ним обращались со всей возможной заботой, вниманием и гуманностью."^[741] Это было бесполезно; тринадцать джентльменов из графства выступили с пожертвованиями, в силу которых они получили право быть губернаторами. Эти новые люди привлекли свои голоса, чтобы заставить провести расследование, и хотя старая банда негодяев так и не получила по заслугам, а чтобы скрыть свою вину, как говорят, подожгла помещение, все же они были изгнаны со своих мест, и вскоре расследование стало общенациональным.

В 1814 году мистер Джордж Роуз внес законопроект о регулировании деятельности приютов, который прошел Палату общин. Но власти Бедлама выступили против этой меры,^[742] потратив на это более 600 фунтов стерлингов. У них были веские причины, как мы увидим далее. Губернаторы Йоркского приюта - девятнадцать человек, включая архиепископа, - направили петицию против; а бесстрашный мистер Хиггинс направил петицию в его пользу, подписанную им самим.^[743] Законопроект был отклонен Палатой лордов,^[744] но затем был назначен комитет Палаты общин, собравший немыслимые и ужасные доказательства, которые мы уже цитировали. Его отчет был представлен мистером Роузом в 1815 году^[745], и хотя комитет в Бедламе официально оправдал своих чиновников за все, что они сделали и не сделали, включая даже страшный инструмент, установленный вокруг Норриса,^[746] неофициальные умы общественности были приведены в негодование, и многие из худших злоупотреблений были в скором времени исправлены.

Мистер Роуз умер в 1818 году, но в следующем году мистер Уинн выдвинул другой законопроект, против которого, однако, выступил лорд Эдмондс, заметивший^[747], что "не может быть более ложной гуманности, чем чрезмерная гуманность по отношению к лицам, страдающим безумием", - аргумент, к которому мы еще вернемся. Этот законопроект разделил судьбу своего предшественника. Только через девять лет после этого, в 1828 году, мистер Гордон добился принятия закона^[748] об улучшении приютов. Хотя злоупотребления продолжались до середины девятнадцатого века,^[749] и впоследствии было принято множество парламентских законов,^[750] чудовищные пороки, о которых мы говорили, продолжали считаться преступлениями там, где раньше они были обычаями, и происходили в гораздо меньших масштабах.

В Линкольнском приюте^[751] около 1838 года доктор Гарднер Хилл отменил механические ограничения, а доктор Конолли^[752] последовал за ним в Ханвелле в следующем году. В этом им, конечно, противостояла профессия,^[753] но появлялись новые идеи и новые концепции, которые до сих пор работают в лечении безумия. До сих пор разум и тело воспринимались как две отдельные вещи. Люди перестали верить во вмешательство дьяволов, но смутно говорили о "больном разуме". Часто не было никаких физических повреждений, которые

можно было бы обнаружить, "общее мнение, казалось, подтвердилось, что это" (психическое расстройство) "было непостижимым и, следовательно, неизлечимым недугом ума".^[754]

Писатель-медик^[755] начала XIX века мог сослаться на лекции, которые он посещал, и на которых врач заявил, что лечение и физика бесполезны в случае *furor uterinus*, потому что это болезнь ума, а не тела. Несомненно, на него надвигался страх перед свободной волей и теологией. "... Многие очень способные люди, - говорит доктор Халлидей,^[756] - ведомые общим мнением человечества, уклонялись от строгого исследования предмета, который, казалось, мог привести к сомнению в нематериальности разума, истины, столь очевидной для их собственных чувств и так ясно установленной божественным откровением". Не нам углубляться в лабиринты и пытаться определить, что может означать понятие "разум". Но мы знаем, что, по нашим нынешним возможностям понимания, разум может функционировать только через тело. Как он впервые сформировался и может ли он еще разгореться - это жизненно важные вопросы, на которые, возможно, никогда не будет ответа; во всяком случае, они лежат за пределами нашей компетенции.

Постепенно метафизика и моральные концепции остались позади, а эксперты занялись изучением фактов. "... Расстройство, - пишет писатель XIX века^[757], - теперь рассматривается не как болезнь понимания, а как болезнь центра нервной системы, от неослабленного состояния которого зависит осуществление понимания. Виноват мозг, а не разум".

"Старое представление, - говорит д-р Винтер,^[758] - о том, что расстройство ума может происходить без какого-либо поражения инструмента мышления, являющегося причиной или следствием, давно разрушено".

Физическое происхождение безумия "стало постепенно признаваться. Его психические явления стали более тщательно изучаться, и была установлена его связь с другими психическими состояниями, которые до сих пор не рассматривались как безумные в собственном смысле этого слова..... До сих пор критерии безумия были очень грубыми, а доказательства, как правило, носили свободный и популярный характер; но когда было полностью признано, что безумие - это болезнь, в которой врачи, изучавшие этот предмет, разбираются особенно тщательно, экспертные доказательства приобрели большую значимость и с этого времени стали играть важную роль в каждом деле. Таким образом, новые медицинские взгляды на безумие столкнулись со старыми узкими представлениями судебных инстанций, и в области уголовного права возник спор, который, по крайней мере в Англии, до сих пор не разрешен."^[759]

Инстинкт возмездия нелегко было обуздать доводами разума или доказательствами безответственности. Постулируя свободу выбора при любых физических условиях; предполагая полную ответственность мужчин и женщин при любых обстоятельствах; отказываясь признавать любое ненормальное состояние, если только оно не было настолько экстремальным и очевидным, что человек, находящийся в суде, не осознавал своих действий и окружения, судьи защищали свою собственную позицию. Таким образом, новые теории^[760] оспаривались и осмеивались, а произвольные стандарты вменяемости устанавливались вразрез со всеми фактами и экспертными заключениями.^[761]

Некоторые утверждали, что более тонкие и удивительные формы безумия или ненормальности, воспринимаемые специалистами, - это всего лишь новые названия старых извращений.^[762] Другие утверждали, что ничто физическое не должно оправдывать. Смоллетт хотел, чтобы все сумасшедшие, виновные в тяжких преступлениях, подвергались "обычным наказаниям закона". По этому поводу мистер Тьюк замечает в комментарии, что "полная неспособность различать добровольные и недобровольные действия, ... между

мотивами и последствиями, необычайно хорошо показана". К сожалению, она не была свойственна Смоллетту".^[763]

И я могу добавить, что это инстинктивное чувство продолжалось - как обычно продолжается все инстинктивное. Обратившись к работам еще живого (в 1908 году) писателя, мы наткнемся на следующее: "В последние годы определенная школа мыслителей^[764] ... выдвинула некоторые теории относительно ответственности или безответственности многих опасных преступников и убийц, против которых очень правильно возражали более практичные наблюдатели". И писатель продолжает со всей милой простотой невежества: "Даже обитатели психушек хорошо знают разницу между добром и злом. И именно на этом знании основаны управление и дисциплина в таких заведениях. Поэтому никакие теории уголовной безответственности не должны ослаблять безопасность и строгость содержания опасных преступников, будь то вменяемые, частично невменяемые или полностью сумасшедшие". И важно отметить, что обращение и состояние даже сумасшедших убийц не должно быть привлекательным для посторонних". Но суровые научные факты оставались в силе. Несправедливость и жестокость, проявляемые к слабым и беспомощным, увы, не обрушивают на народы видимый гнев Божий; но очевидную ложность старых предположений и постоянную несостоятельность средневековых методов невозможно было скрыть в течение долгих лет. Постепенно свет науки начал проникать в темные места наказания. Сначала были спасены полностью сумасшедшие, которых лечили как пациентов, и теперь, к счастью, они нас больше не касаются; их дело относится к медицине, а не к криминологии. Что касается полусумасшедших, то мы находимся в состоянии медленного изменения и перехода. Их несправедливость, давно известная алиенистам, предстает перед законодателями. "Преступность, - говорится в докладе Комитета г-на секретаря Гладстона^[765], - ее причины и лечение, стала предметом глубоких научных исследований. Многие из проблем, которые она представляет, практически неразрешимы в настоящее время. Возможно, действительно, некоторые преступники не поддаются исправлению, как и некоторые болезни неизлечимы, и в таких случаях небезосновательно согласиться с теорией, что преступность - это болезнь и результат физического несовершенства. Но криминальная антропология как наука находится в стадии зародыша...." В отношении аномальных явлений мы находимся лишь на пороге справедливости; множество причин, теологических и инстинктивных, мешают столкнуться с фактами и узнать их.

Мы можем утешаться ходом эволюции; тем, что буйно помешанных (используем это слово в широком и общем смысле) больше не изгоняют и не мучают; тем, что эксцентрично помешанных больше не сжигают и не пытаются за то, что против них было придумано; В том, что слабоумные и частично ненормальные рассматриваются с целью их изоляции в специальных местах, отдельно от здоровых преступников; в том, что врожденная и абсолютная ненормальность эмоций была установлена специалистами на основе неопровержимых доказательств; и что знание об этом спокойно распространяется, признается и признается среди образованных людей во всем цивилизованном мире.

КОНЕЦ

Отпечатано в издательстве "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.

СНОСКИ КО ВСЕМ ГЛАВАМ

1. "В ранней клинописи... символ тюрьмы представляет собой комбинацию символов "дом" и "тьма"" - Айзек Тейлор, *История алфавита*, стр. 21. Лондон, 1899.
2. Было сказано, что тюремное заключение не упоминается в англосаксонских законах в качестве наказания; однако оно упоминается в законах Этельстана следующим образом: "За убийство пусть человек лишится жизни, если он будет отрицать это и явится с повинной на троекратное испытание, пусть он проведет в тюрьме 120 ночей; затем пусть его родственники выведут его и заплатят королю 120 шиллингов, а его родственникам - цену его крови....". См. Дж. Джонсон, *Церковные законы*. London, 1720. Тот же король постановил, что "если вор попадет в тюрьму, пусть он проведет в ней 40 дней, а затем пусть его выпустят оттуда, заплатив ему сxx шиллингов, и пусть его родственники вступятся за него, чтобы он больше никогда не возвращался" - Б. Thorpe, *Ancient Laws and Institutions of England*, fol. ed. p. 85. London, 1840.
3. "В царствование Генриха III тюремное заключение на определенный срок было неизвестным наказанием" - G. J. Turner, *Select Pleas of the Forest*, p. lxx. London, 1901.
4. "Тюремное заключение встречается в англосаксонских законах только как средство временной безопасности" - Pollock and Maitland, *Hist. Eng. Law*, vol. i. p. 26. Кембридж, 1895.
5. "В природе саксов в древнейшие времена не существовало ни знания о самом высоком и небесном короле... ни какого-либо почетного достоинства какого-либо земного короля...." - W. Stubbs, *Const. Hist.* p. 49. Oxford, 1880.
6. *Ibid.* p. 75.
7. "Nihil neque publicae neque privatae rei nisi armati agunt." - Tac. *Germ.* xiii.
8. О ютах и т. д. см. J. M. Lappenberg, *Hist. of Eng. under the Anglo-Saxon Kings*, i. p. 97. Лондон, 1845. Англосаксонский юноша достигал совершеннолетия в двенадцать лет; см. только что процитированную работу, с. 173, и J. Thrupp, *The Anglo-Saxon Home*, p. 108. Лондон, 1862.
9. Исключения из этого мудрого, хотя и примитивного правила можно найти там, где иногда "Бог" и даже "Природа" упоминаются в качестве пострадавших третьих лиц на теологических основаниях. Например, Н. Маршалл, *"Покаянная дисциплина примитивной церкви"*, с. 49, 190, Оксфорд, 1844; и *"Зеркало справедливости"* XIII века, глава xiv.
10. "Сохранить мир - вот первая задача законодателя, и она нелегка. Заставить обиженного или родственников убитого принять денежную компенсацию вместо того, чтобы прибегнуть к репрессиям, - вот главная цель законотворца" - F. W. Maitland, *Constitutional History of England*, p. 4. Кембридж, 1908.
11. Так, в Законах XII. Таблиц явный вор должен был быть убит, если он был рабом, а если свободным, то становился кабалистом ограбленного; если же он был схвачен позже, то должен был вернуть двойную стоимость того, что он взял. По германским кодексам вора можно было немедленно преследовать, а затем повесить или обезглавить, но если он был

убит через некоторое время, то на него налагался штраф за убийство. Генри Мейн, *Древнее право*, изд. 1906 г., с. 387, 388.

12. Например, Исход xxi. 23, 24, 25.

13. См. E. Westermarck, *Moral Ideas*, vol. i. p. 178. Лондон, 1906.

14. Вначале не всегда было необходимо принимать штраф за кровь. См. об этом E. W. Robertson, *Scotland under her Early Kings*, p. 287, Edinburgh, 1862; а что касается обращения с родственниками женского пола, см. J. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 151.

15. В седьмом веке закон Ине предписывал: "Если кто-либо отомстит прежде, чем потребует справедливости, пусть отдаст то, что забрал себе, заплатит за нанесенный ущерб и сделает bōt с xxx. шиллингов" -Thorpe, *Ancient Laws and Institutions*, fol. ed. p. 48.

16. "Уголовное право древних общин - это не закон о преступлениях; это закон о правонарушениях, или, если воспользоваться английским техническим словом, о деликтах. Пострадавший подает на обидчика обычный гражданский иск и в случае успеха взыскивает компенсацию в виде денежного ущерба" -Maine, *Ancient Law*, p. 379.

17. "Любопытно наблюдать, как мало людей первобытных времен беспокоили эти угрызения совести (относительно степени моральной вины, которую следует приписать обидчику), как полностью они были убеждены, что импульсы обиженного человека являются надлежащей мерой мести, которую он вправе требовать, и как буквально они имитировали подъем и спад его страстей при определении шкалы наказания" -Maine, *Ancient Law*, p. 389.

18. "Жизнь каждого человека имела свою ценность, и в соответствии с этой ценностью менялась стоимость его клятвы в суде, и преступления против его личности и защиты искупались" -Stubbs, *Const. Hist.* i. p. 188.

19. Передний зуб обычно стоил шесть шиллингов; во времена Альфреда - восемь.

20. Законы Этельберта. Если свободный человек ограбит короля, пусть заплатит штраф в девять раз. Если свободный человек ограбит свободного человека, пусть он получит трехкратное удовлетворение" - Дж. Джонсон, *Есс. Laws*.

21. Собрание различных кодексов и примеры их удивительной мелочности в отношении всех возможных повреждений см. в F. Lindenbrog, *Codex legum antiquarum*, pp. 474, 498, etc. Франкфорт, 1613.

22. Мерсийский фунт равнялся 60 сциллингам, уэссекский - 48; см. H. A. Grueber, *Handbook of the Coins*, p. ix. Лондон, 1899.

23. Stubbs, *Const. Hist.* i. p. 109.

24. Thorpe, fol. ed. p. 80.

25. W. S. Holdsworth, *History of English Law*, p. 13. Лондон, 1903.

26. J. M. Kemble, *The Saxons in England*, i. p. 149. London, 1876.

27. Р. Рудинг, *Анналы монетного дела*, p. 110. Лондон, 1840.

28. F. W. Maitland, *Domesday Book*, p. 44. Кембридж, 1897.

29. "Вплоть до середины X века было, по крайней мере, теоретически возможно, чтобы человек, убивший человека, решил нести феод родственникам. Однако его собственные родственники могли избежать какой-либо доли в феоде, отказавшись от него; любой из них, кто поддерживал его после этого, а также любой из мстящих родственников, который вмешивался в дела любого, кроме фактического преступника, считался врагом короля" - Поллок и Мейтланд, изд. 1898 г., i. 48.
30. Когда царь был часто обвинен, если после этого его задерживали, он мог лишиться руки или ноги". R Schmidt, *Gesetze*, p. 29. Лейпциг, 1858.
31. См. Законы Ине, разд. 12. Thorpe, fol. ed. p. 49.
32. Pollock and Maitland, *Hist.* i. 476 and ii. 451, ed. of 1898.
33. J. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 145.
34. G. G. Coulton, *Chaucer and His England*, p. 293. Лондон, 1908.
35. Pollock and Maitland, i. 478, ii. 450.
36. И см. "Ранние ассизы графства Нортумберленд", стр. xviii., xix. и др. Durham, Surtees Society, 1891.
37. Stubbs, *Const. Hist.* p. 89.
38. Doms of Alfred, sect. 24. "Если кто украдет чужого вола и зарежет или продаст его, пусть даст за него двух, а за одного - четырех овец. Если у него нет того, что он может дать, пусть сам продаст за скот" - Thorpe, *Laws*, fol. ed. p. 23. Сравните Исход xxii. 3; Pollock and Maitland, *Hist.*, ed. 1895, vol. ii. 514.
39. Pollock and Maitland, ii. p. 11.
40. Межплеменные войны в свое время "наполнили иностранные рынки английскими рабами", - говорит Дж. Р. Грин, рассказывая известную историю о папе Григории - *Hist. Eng. People*, i. 37. Лондон, 1881.
41. Ховенден. Н. Т. Riley's ed. i. p. 143. London, 1853.
42. Активная работоторговля велась незадолго до Завоевания. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 130.
43. Pollock and Maitland, *Hist.* i. p. 12. Кембридж, 1895.
44. Закон Ине, седьмой век. "Если кто продаст за море своего соотечественника, связанного или свободного, хотя бы он и был виновен, пусть заплатит за него согласно его стоимости" - Stubbs, *Charters*, p. 61. Оксфорд, 1884.
- Закон Этельреда. "Христианские мужчины и осужденные не должны продаваться за пределы страны, по крайней мере, в языческие страны" - Thorpe, fol. ed. p. 135.
- Закон Вильгельма I имел ту же силу. - R. Schmidt, *Gesetze*, p. 347.
45. F. W. Maitland, *Domesday Book*, p. 31.
46. Этельберт. "Если кто-либо убьет хлф-æта короля, пусть он сделает бат из шести шиллингов" - Thorpe, fol. ed. p. 3.

47. Thorpe, 8vo ed. i. p. 626.
48. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 127.
49. См. *Theodori liber poenitentialis*. Thorpe, fol. ed. p. 288. *Poenitentie Ecberti*, lib. ii. 3. Thorpe, p. 368.
50. Сравните Исход xxi. 20, 21: "И если кто ударит жезлом раба своего или служанку свою, и он умрет от руки его, то непременно будет наказан.
"Если же он продержится день или два, то не будет наказан, ибо он - его деньги".
51. Stubbs, *Const. Hist.* p. 89.
52. Omne damnum quod servus fecerit, dominus emendet.-Thorpe, fol. ed. p. 11.
53. Maitland, *Domesday Book*, p. 32.
54. Или он может быть подвергнут бичеванию трижды, *временный*. Этельстан. См. Thorpe, fol. ed. p. 88.
55. Законы Этельреда. D. Wilkins, *Leges Anglo-Saxonicae*, p. 103. Лондон, 1721.
56. По думским законам Альфреда изнасилование женщины-рабыни цеорла наказывалось пятишиллинговым ботом цеорлу; если преступление совершал теу, он мог быть высечен - Thorpe, fol. ed. p. 35.
57. Стаббс, *Конст. Hist.* i. p. 25.
58. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 131.
59. William Andrews, *Old-Time Punishments*, p. 146. Халл, 1890.
60. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 144.
61. E. W. Robertson, *Scotland*, ii. p. 450.
62. Поллок и Мейтланд, изд. 1898 г., ii. p. 450.
63. См. Thorpe, 8vo ed. vol. i. p. 579: "Si quis dominum suum occidet," etc.
64. Ф. Линденброг, *Codex legum antiquarum*, p. 498.
65. О подобных законах в древнем Уэльсе, Америке XVIII века и т. д. см. Westermarck, *Moral Ideas*, i. p. 518.
66. "Тюремное заключение, - говорят Поллок и Мейтланд, - в те давние времена считалось бесполезным наказанием; оно не удовлетворяет мести" (как его тогда использовали и понимали), "оно заставляет преступника бездействовать, и, что бы мы ни делали, оно дорого обходится" -Hist. Eng. Law, ed. of 1895, vol. ii. p. 514.
67. Grant Allen, *Anglo-Saxon Britain*, p. 47.
68. E. W. Robertson, *Scotland*, p. 295.
69. Законы Ине. За драку в доме короля преступник подлежал смертной казни - Дж. Джонсон.

Законы Альфреда. За драку в присутствии архиепископа полагался штраф в 150 шиллингов - Thorpe, p. 32.

Драка в доме простого человека означала штраф в тридцать шиллингов и шесть шиллингов в пользу короля.- Дж. Джонсон.

70. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 148.

71. См. пример, *temp.* Кнут. Thorpe, fol. ed. p. 174.

72. J. Johnson, *Ecc. Laws*.

73. Thorpe, fol. ed. p. 174.

74. J. Johnson, *Ecc. Laws*.

75. Thorpe, *Laws of Cnut*, fol. ed. p. 169.

76. *Ibid.* p 213.

77. См. "Саксонскую хронику", изд. Дж. Ингрэма, стр. 295. London, 1823.

78. Stubbs, *Const. Hist.* i. p. 204.

79. Maitland, *Domesday Book*, p. 33.

80. Часто смертная казнь за серьезные преступления, но за преступление заключенный лишался имущества; поэтому правительству было выгодно иметь много преступлений. См. F. W. Maitland, *Const. Hist. Eng.* p. 111, и J. Britton, Nichols' ed. p. 35. Оксфорд, 1855.

81. "Для них" (подвластных людей) "новый трибунал казался лишь новым мучением" - Л. О. Pike, *Hist. Crime*, i. 134. Лондон, 1873.

82. Сотни могли быть оштрафованы за незамеченные убийства - как сейчас деревни в Индии, а также офицеры за пренебрежение обязанностями; см. Т. Мэддокс, *История и древности казначейства*, гл. xiv. с. 539 и др. Лондон, 1769. J. Britton, F. M. Nichols' ed. p. 138. Эта обязанность была отменена в правление Эдуарда III; см. W. S. Holdsworth, *Hist.* p. 8.

83. Т. Мэддокс, *Hist. Exch.* i. p. 425, etc.

84. Maitland, *Domesday Book*, p. 52.

85. *Инфангтеф*, право повесить вора, "руку имеющего и спину несущего". *Утфангтеф*, право наказывать вора за пределами определенной границы.

86. Holdsworth, *Hist.* p. ii.; и см. Stubbs, *Const. Hist.* i. 452, 453 и т. д.

87. "Лорд осуществлял... юрисдикцию по гражданским и уголовным искам, которая со всеми выгодами - в ранние времена материальные интересы правосудия составляли немалую часть преимуществ судебной власти - была предоставлена ему первоначальным даром" - Stubbs, *Const. Hist.* i. p. 102, и Holdsworth, 13, 14.

88. См. Maitland, *Domesday Book*, p. 33.

89. *Ibid.* p. 83.

90. "При нормандских королях судебная власть была так тесно связана с финансами, что нам едва ли нужны комментарии историка, чтобы прийти к выводу, что правосудие вообще отправлялось главным образом ради прибыли" -Stubbs, *Const. Hist.* i. p. 438.
91. После Генриха II. "Преступление больше не рассматривается как дело только между преступником и теми, кто непосредственно пострадал от его преступления; оно является преступлением против нации" -Maitland, *Const. Hist.* p. 109, изд. 1898 г.
92. Л. О. Пайк, *История преступлений в Англии*, i. p. 130.
93. Однако в период Гражданской войны бароны превратили свои замки в разбойничьи пещеры, из которых они совершали набеги на несчастных англичан. См. "Саксонскую хронику" за 1137 год.
94. См. Stubbs, *Charters*, p. 143.
95. Расходы на содержание тюрем в Кентербери, Рочестере, Хантингдоне, Кембридже, Солсбери, Малмсбери, Эйлсбери и Оксфорде подробно описаны в "Списке 1166 года".
96. См. John Lingard, *Hist. Eng.* ii. p. 619. Лондон, 1849.
97. Pike, *Hist.* i. p. 130.
98. "Carcer ad continendos et non ad puniendos habere debeat."-De *Legibus*, lib. iii. cap. vi. f. 105.
99. F. M. Nichols' ed. p. 44.
100. И см. 5 Hen. IV. c. 10.
101. В 1295 году был принят закон, по которому человек больше не должен был страдать от смерти или увечий только за побег из тюрьмы, если только его преступление не было бы так наказано по приговору суда. См. статут, De Frangentibus Prisonam, 23 Эдуарда I., Комиссия по записи. *Statutes of the Realm*, vol. i. London, 1810.
102. W. J. Whittaker's ed. p. 52.
103. В правление Генриха III судьи назначались каждые семь лет. *Crime*, p. 135; и см. G. J. Turner, *Pleas of the Forest*, p. xv. По 13-й ред. I. присяжные должны были проводиться не чаще трех раз в год. В начале девятнадцатого века в провинциальных тюрьмах присяжные заседали только два раза в год. См. Блэкстоун, *Комментарии*, кн. iv. гл. xix; изд. Дж. Стюарта, с. 352. Лондон, 1854. Замечания У. Кроуфорда в его "Пенитенциарных учреждениях Соединенных Штатов", p. 37. Лондон, напечатано для Палаты общин, 1834.
104. Тюрьма была его залогом или гарантией того, что он не мог найти (или ему не разрешали) ничего подобного" (Гланвиль, изд. Дж. Бимса, стр. 346, 348. Лондон, 1812 год. Подробные сведения о том, кто был и кто не был возвращен в тринадцатом веке, см. в 3 Ed. I. c. 15 и 27 Ed. I. c. 3.
105. F. M. Nichols' ed. p. 46.
106. Четыре пенсы упоминаются как плата тюремщику в *Liber Albus* (начало XV века), изд. Н. T. Riley's p. 448. Лондон, 1861.
107. По этому вопросу см. F. A. Gasquet, *Henry VIII. and the English Monasteries*, p. 4. London, 1906.

108. Lib. iii. f. 137.
109. Nichols' ed. p. 35.
110. См. иллюстрацию в Besant, *Mediæval London*, p. 349. 1906.
111. "Если же они отказывались признать свою вину, их усаживали на голую землю и кормили хлебом и грязной водой; но они не должны были есть в тот день, когда пили, и пить в тот день, когда ели, и т. д." - Nichols' ed. p. 26.
112. "Vix permittitur heredibus quod vivant."-De *Legibus*, lib. iii. f. 118.
113. *Temp.* Генрих I., см. W. Dugdale, *Origines Juridiciales*. London, 1680.
- Ричард, см. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, i. p. 458. London, 1883.
- Генрих III, см. W. Page, *Early Assize Rolls*, p. xviii. etc.
114. Ассиз Нортгемптона. См. Stubbs, *Const. Hist.* i. p. 545.
115. 2 Hen. III., Carta de Foresta; а также 9 Hen. III. с. 10: "Отныне ни один человек не должен лишиться жизни или члена за убийство нашего оленя".
116. *Сакс. Chron.*, Ingram's ed. p. 266.
- Ibid.* p. 295.
- Зеркало правосудия*, изд. Уиттакера, с. 141.
117. J. C. Robertson, *Materials for the History of Thomas Becket*, vol. i. p. 156. London, 1875. На него ссылается Стивен, *Hist. Crim. Law*, i. p. 79.
118. *Hist. Eng. Law*, ii. p. 515.
119. *Ibid.* ii. p. 516.
120. Например, штраф в одну марку (13s. 4d.) за изнасилование.
121. См. "*Зеркало правосудия*", изд. Уиттакера, Введение, с. xxiv., xxxv., и 1-е изд. iii. с. 7.
- Holdsworth, *Hist. Eng. Law*, p. 39.
- W. Page, *Early Assize Rolls*, p. xx.
122. О грабежах, совершаемых судьями, см. Lingard, *Hist.* ii. p. 217.
123. Например, в Нортгемптоне в 1323 году; см. Coulton, *Chaucer and his England*, p. 284.
124. Pike, *Hist. Преступление*, i. p. 288.
125. Riley's ed. p. 448.
126. См. Pike, *Hist. Преступление*, i. p. 427.
127. Maitland, *Const. Hist.* p. 221, ed. 1908.
128. 22 Hen. VIII. с. 9.
129. W. Besant, *Tudors*, p. 380. London, 1904; и см. 25 Hen. VIII. с. 14.

130. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, p. 477.
131. Мужчина был сварен до смерти в 1531 г.; женщина была сожжена в 1571 г. и в 1575 г. - Holinshed, *Chron.* pp. 926, 1226, 1262.
132. Besant, *Tudors*, p. 379.
133. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, p. 468.
134. Besant, *Tudors*, p. 380.
135. W. Andrews, *Old-Time Punishments*, p. 92.
136. Henry Brinklow's *Complaynt of Roderwyck Mors*, J. M. Cowper's ed. Лондон, Общество Э. Э. Т., 1874.
137. См. Holinshed, *Chronicles*, pp. 1081, 1082.
- J. Уилкс, *Enc. Londinensis*, iii. p. 891. Лондон, 1810 год.
- E. C. S. Gibson, *Life of John Howard*, p. 47. Лондон, 1901.
138. См. Besant, *Tudors*, p. 387.
139. 39 Eliz. 4 и 5.
140. 7 Jac. I. c. 4.
141. Департаментский комитет по тюрьмам. *Протоколы показаний*, Приложение ii. p. 457. Лондон, 1895 г.
142. В самом начале XVI века; см. 19 Hen. VII. c. 10.
143. См. John Brown, *John Bunyan, His Life and Times*, pp. 169, 182 и др.
144. *Запад отвечает Северу: Relation of the Sufferings of George Fox, Edw. Pyot, and William Salt*, p. 34. Напечатано в 1657 году.
145. Что касается ям и подземелий старой английской тюрьмы, см. Charles Creighton, *History of the Epidemics in Britain*, p. 386. Кембридж, 1891.
146. 19 Кар. II. c. 4.
147. *The State of the Prisons*, pp. 8 и 9. Уоррингтон, 1780 г.
148. Во многих тюрьмах не было ни дворов, ни судов какого-либо рода. См. Дж. Б. Бейли, *Состояние тюрем, описанное Джоном Говардом*, глава ii. Лондон, 1884.
149. *Ibid.* p. 16.
150. См. Э. Ф. Дю Кан, *Наказание и предупреждение преступлений*, глава iii. c. 43 и др. Лондон, 1885.
151. *Hall's Chronicle*, p. 632, изд. 1809 г.

152. P. 353. Лондон, 1730 год.
153. Крейтон, *Эпидемии*, гл. vii. p. 383.
154. Vol. ii. p. 48. Лондон, 1827 год.
155. *Состояние тюрем*, стр. 10, изд. 1780 г.
156. *Ibid.* p. 13.
157. *Ibid.* p. 12.
158. Всегда находилось несколько несчастных, которые, хотя и были приговорены к высылке, оставались в тюрьме, что было хуже ссылки и, возможно, хуже смерти. См. Деп. ком., 1895, Приложение, с. 459.
159. "... Из 160 преступлений, упомянутых Блэкстоном как наказуемые смертью, четыре пятых были совершены во время правления первых трех Георгов" - Дж. А. М. Ирвин, *Энциклопедия Чемберса*, ii. p. 743, ст. "Смертная казнь". Лондон, 1888.
160. James Mackintosh, *Miscellaneous Works*, p. 718. Речь о состоянии уголовного права, Палата общин, 2 марта 1819 года. Лондон, 1851.
161. "Анекдоты, которые я слышал об этом позорном и вредном средстве, мне почти стыдно повторять. Мистер Берк однажды рассказал мне, что по какому-то случаю, когда он выходил из палаты, один из посыльных позвал его обратно и, когда он сказал, что идет по срочному делу, ответил: "О, это не задержит вас ни на минуту; это всего лишь тяжкое преступление без помощи духовенства"" - Mackintosh, *Miscellaneous Works*, p. 718.
162. Mackintosh, *Miscellaneous Works*, p. 718.
163. Как заявил один выдающийся судья тех дней, там выросла "всеобщая конфедерация обвинителей, свидетелей, адвокатов, присяжных, судей и советников короны, чтобы помешать исполнению уголовного закона" - сэр Уильям Грант, цитируется по Mackintosh, p. 719.
164. Ирвин в *"Энциклопедии Чемберса"*, ii. p. 743.
165. Макинтош, p. 718.
166. Перепечатано в *"Таймс"*, 18 января 1901 г.
167. Дю Кан, *Преступление*, с. 35, 36.
168. Говард, *Состояние тюрем*, стр. 22.
169. См. 8 и 9 Will. III. с. 27, A.D. 1697.
170. Например, смещение губернатора Бэмбриджа по решению 2 Geo. II. с. 32.
- T. Bird, *Letters from the Shades*. Лондон, 1729.
- О губернаторе Хаггинсе и т. д. см. *отчет комитета палаты общин*, стр. 25, 26, 27. Лондон, 1729.
171. Плата за содержание в тюрьмах была отменена в 1774 году в соответствии с 14 Geo. III. с. 20.

172. J. M. D. Meiklejohn, *Hist. Eng.* ii. p. 276. Лондон, 1890.

173. См. "Суд над Уильямом Актоном, заместителем смотрителя тюрьмы Маршалси", р. 4 и др. Лондон, 1729.

А также "Дела в парламенте", 1684-1737 гг. Британский музей, 515, л. 5 (39), о Бэмбридже и др.

174. Howard, p. 17.

175. Суд над Актоном, р. 5.

176. См. словарь английского языка Мюррея в разделе "Бык", iv. B.

177. См. отчет Комитета 1729 года, стр. 9. *Brit. Mus. Cat.* 522, m. 9 (28).

178. В 1730 году было семь судебных процессов по обвинению в убийстве - Du Cane, p. 36.

179. В старые времена заключенные в основном зависели от своих друзей и внешней благотворительности (см. Бриттон; Брактон, lib. iii. и др.). После правления Елизаветы они должны были получать 1 или 2 дензнака в день, или семь-восемь унций хлеба. (Du Cane, p. 40.)

С 1759 года, согласно 32 Geo. II. с. 28, каждому должнику было предписано получать 2s. 4d. в неделю от своего задерживающего кредитора, но Говард обнаружил (стр. 6), что на практике они не могли получить их, и многие фактически голодали.

180. По закону, принятому в 1784 году (24 Geo. III. с. 54), тюремщики должны были получать плату в качестве компенсации за потерю прежней прибыли от алкоголя, который им было запрещено продавать заключенным с 1785 года.

181. Говард, стр. 16.

182. Отчет Комитета 1729 года, стр. 2.

183. Говард, с. 5.

184. Мэйхью и Бинни, "Уголовные тюрьмы Лондона" (цитата из пятого ежегодного отчета Общества тюремной дисциплины), стр. 97. Лондон, 1862.

185. Дю Кейн, стр. 43.

186. Лондонские тюрьмы (Каталог Британского музея, 6056, p. 74), переплетенные памфлеты, с. х. Лондон, 1789.

187. Дю Кейн, стр. 41 и др.

188. Э. Б. Тайлор в *Ency. Brit.* ninth ed. art. "Ordeal".

189. Рассказ о тщательно разработанном ритуале см. в W. Besant, *Mediæval London*, vol. ii. chap. vi.

W. Dugdale, *Origines Juridicales*, chap. xxix.

190. Stubbs, *Charters*, p. 71.

191. Besant, *Mediæval London*, ii. p. 193.

192. Thorpe, fol. ed. p. 517.
193. Глэнвилл, изд. Дж. Бимса, с. 350, прим.
194. Мейтланд, *Конст. Hist.* p. 128.
195. Reeves, *Hist. Eng. Law*, i. p. 234. Лондон, 1860.
196. Pike, *Hist. Crime*, p. 131.
197. Madox, *Hist. Exchequer*, i. p. 546.
198. *Ency. Brit.* art. "Ordeal", p. 820, девятое изд.
199. Э. А. Фримен, *История царствования Вильгельма Руфуса*, i. pp. 156, 157. Лондон, 1882.
200. P. Labbé, *Sacrorum Conciliorum*, tom. xxii. p. 1007. Венеция, 1778.
201. Stubbs, *Charters*, p. 25.
202. Stubbs, *Const. Hist.* i. 314.
203. Если только он не отправлялся на испытание или, в более поздний период, в суд присяжных. См. W. Forsyth, *History of Trial by Jury*, p. 202. Лондон, 1852. Twiss's Bracton, ii. 403.
204. Пэры, в силу своего положения, и граждане Лондона, в силу своих предположительно мирных занятий и в соответствии с уставом, были освобождены от необходимости принимать вызов" - Блэкстон, *Комментарии*, lib. iv.
205. Потеря некоторых зубов рассматривалась как препятствие - крестьянские бойцы использовали их с ужасом. См. Н. С. Lea, *Superstition and Force*, p. 131. Филадельфия, 1878.
206. Lingard, *Hist. Eng.* ii. p. 224.
207. Reeves, *Hist.* i. p. 61.
208. Lingard, ii. p. 222.
209. Besant, *Mediæval London*, ii. p. 198.
210. *Ibid.* p. 196.
211. Twiss's Bracton, ii. p. 405. Лондон, 1879.
212. Lingard, ii. p. 223.
213. Lingard, *Hist.* p. 224.
214. Blackstone, bk. iv., Sharswood's ed. ii. p. 348. Филадельфия, 1878.
215. Брактон, изд. Твисса, p. 405.
216. Она все чаще осуждалась Церковью. См., например, *C. Valentinum*, iii. с. 12, изданный в 855 г. н.э.
217. К несчастью, его сменило ужасное возрождение пыток по всей Европе, где они были в полном разгаре в XIV веке, а в Англии - с 1468 года. Отказавшись от сверхъестественных средств выведывания людских секретов, церковь и государство стали безжалостно и беспощадно использовать более материальные методы. Инквизиция взяла на вооружение

пытки, а к концу XIII века этот обычай распространился и на светские суды. См., например, Lea, *Superstition and Force*, pp. 421, 458; Maitland, *Const. Hist.* p. 221; Lea, *History of the Inquisition in the Middle Ages*, i. p. 423, etc. New York, 1906.

218. Barnewall and Alderson, *Report of Cases*, i, pp. 405, 426, etc. Лондон, 1818.

219. 59 Geo. III. с. 46.

220. См. например, Вестермарк, *Моральные идеи*, ii. 628 и далее.

221. J. Bingham, *Antiquities of the Christian Church*, iii. p. 203. Oxford, 1855.

222. *Ibid.* p. 204.

223. Там же, стр. 205, 217.

224. Там же, стр. 213.

225. Н. Н. Milman, *History of Latin Christianity*, ii. p. 59. Лондон, 1864.

226. Bingham, iii. pp. 209, 211.

227. По Судьбе Альфреда, убежище в майндстер-хэме длилось всего три дня. Беглеца нельзя было вытаскивать из церкви в течение семи дней, хотя никто не должен был приносить ему еду в это время. Однако если он сдаст свое оружие, то, судя по всему, сможет прожить в безопасности тридцать дней, пока его родственники соберутся, чтобы выкупить его. -Thorpe, p. 29; Reeves, i. p. 32. Об этом тридцатидневном убежище, разрешенном в ранней Церкви, см. Bingham, iii. p. 207. Умышленный убийца мог быть сорван с алтаря, как по древнееврейскому закону. - Thorpe, p. 27.

228. *Concilium Aurelianense*, Labbé, tom. viii. p. 350.

229. J. L. Mosheim, *Ecc. Hist.* i. p. 461. Лондон, 1863.

230. Migne, *Patrologiae*, tom. 216; "Regni Caracallae", p. 1255.

231. Bingham, iii. p. 214.

232. A. Friedberg (*Decretal Gregor. IX. lib. iii. tit. xlix. cap. vi.*), *Decretalium Collectiones*, ii. pp. 655, 656. Лейпциг, 1881.

233. Джон Джонсон, *Есс. Laws*, цитируя Спелмана, ii. p. 305.

234. Статут 9 изд. II. с. 10 (1315 г.) также соответствует этому.

235. Besant, *Mediæval London*, p. 201.

236. Besant, *Mediæval London*, p. 212.

237. Часто в Дувре, где скапливалось множество людей в ожидании отправки. См. Pike, *Hist. Преступление*, i. p. 232.

238. Бриттон, lib. i. ch. xvii.

239. И см. 9 изд. II. с. 10: "Те, кто отрекается от королевства, будут в мире до тех пор, пока они находятся в церкви или на дороге".

240. Блэкстон, *Комментарии*, кн. iv., изд. Шарсвуда, ii. p. 332. Филадельфия, 1878.

241. 22 Hen. VIII. c. 14.
242. Что касается клеймения, см. 21 Hen. VIII. c. 2.
243. A. P. Stanley, *Westminster Abbey*, p. 346. Лондон, 1882.
244. Besant, *Mediæval London*, p. 202.
245. *Ibid.* p. 206.
246. Bingham, iii. p. 215.
247. Безант, p. 208.
248. Стэнли, с. 346.
249. Besant, *Mediæval London*, p. 212.
250. 26 Hen. VIII. c. 13.
251. 27 Hen. VIII. c. 19.
252. 32 Hen. VIII. c. 12.
253. Stanley, p. 352.
254. 1 Jac. I. c. 25, s. 34.
255. 21 Jac. I. c. 28, s. 7.
256. 8 и 9 Will. III. c. 27, s. 15.
257. 9 Geo. I. c. 28.
258. 11 Geo. I. c. 22.
259. *Ency. Brit.* art. "Wager of Law".
260. Lea, *Superstition and Force*, p. 23.
261. *Ibid.* p. 21.
262. C. *Valentinum*, iii. c. xi., A.D. 855.
263. Forsyth, p. 76.
264. Reeves, *Hist.* i. p. 33.
265. Holdsworth, *Hist.* i. p. 138.
266. Reeves, p. 33.
267. Holdsworth, p. 139.
268. Lea, *Superstition*, pp. 66, 81.
269. Holdsworth, *Hist.* i. p. 138.
270. Lea, p. 35.
271. Там же, стр. 33.

272. *Ibid.* p. 64.

273. 3 и 4 Will. IV. c. 42, s. 13.

274. С. Читэм, *История христианской церкви в течение первых шести столетий*, с. 171. London, 1894.

275. Stubbs, *Const. Hist.* i. p. 267.

276. 1 Коринфянам vi.

277. В 341 г. н. э. по одиннадцатому и двенадцатому канонам Антиохийского собора; в 397 г. по девятому канону Третьего Карфагенского собора; и в 451 г. по девятому канону Халкидонского собора.

278. Lingard, *Hist.* ii. p. 120.

279. Cheetham, p. 171.

280. Н. С. Lea, *History of the Inquisition in the Middle Ages*, i. p. 309. New York, 1906.

281. Каноны Соборов, папские декреты и многочисленные сборники.

282. См. Лингард, ii. 126.

После появления Собрания Иво Шартрского (р. 1035, ум. 1115),^[283] и еще более после составления Декреталов Грациана (1151 г. н. э.), они стали соперничать, если не превосходить, светские суды по репутации и влиянию.^[284] Суды христиан были защитниками догмы; в те времена без правильной веры ничто другое не приносило пользы. Церковные суды также следили за соблюдением христианской морали. "Епископы, - говорит архидиакон Читэм,^[285] - рассматривали, что вполне естественно, дела, которые были скорее преступлениями против морального закона, чем против государства, и иногда им удавалось утихомирить даже высокопоставленных преступников". "Доктрина покаяния, - говорит г-н Трупп, - имела дело с целым рядом безнравственных поступков, которые законы игнорировали"^[286].

J. Johnson, *Laws and Canons*, ii. p. 189, note F., ed. 1851.

N. Marshall, *Penitential Discipline*, p. 136.

283. Stubbs, *Charters*, p. 136.

284. Lingard, *Hist.* ii. p. 126.

285. *История христианской церкви*, с. 171.

286. *Англосаксонский дом*, с. 254.

287. Lea, *Inquisition in the Middle Ages*, i. p. 312.

288. Они должны были предстать перед судом через его аппариторов, которых было много; допросы не должны были проводиться через викариев, настоятелей или приходских священников, чтобы не вызвать недоверия к тайне исповеди и чтобы люди не перестали исповедоваться в своих грехах. Can. 8. J. Johnson, *Laws and Canons*, ii. p. 371. Чосер дал нам пример одного из этих "моральных" агентов в своем рассказе о *сумптнуре* или *созывателе*.

289. Как обычно, нередко прибегали к шантажу. См. Н. W. C. Davis, *England under Normans and Angevins*, p. 209. Лондон, 1909.
290. См. S. Pegge, *Life of Bishop Grosseteste*, p. 183.
291. S. Pegge, *Life of Bishop Grosseteste*, p. 46.
292. Несколько лет спустя архиепископ Бонифаций в своих "Конституциях" заявил (17), что государство не должно вмешиваться в моральную инквизицию. См. J. Johnson, *Laws and Canons*, ii. p. 205, ed. 1851; и обратите внимание на "Заметку о канонах Ансельма", p. 28 того же тома.
293. Визиты архидьяконов были крайне непопулярны и порождали множество шпионов и доносчиков; см. *Ecclesiastical Courts Commission*, p. xxiv. London, 1883.
294. 1 Кор. vi. 3.
295. Там же. 2.
296. Руфинус, *Hist. Ecc. lib. i. cap. ii. p. 184*, ed. of Basel. 1611.
297. Об упаковке и запугивании присяжных до тех пор, пока, как заметил Вулси, "они не признают Авеля виновным в убийстве Каина", см. W. Eden (Lord Auckland), *Principles of Penal Law*, p. 176. Лондон, 1771 год.
298. Н. C. Lea, *Studies in Church History*, p. 171. Филадельфия, 1869.
299. *C. Agathense*, c. 32.
300. *C. Epaonense*, c. 11.
301. На это же ссылается восемнадцатый канон Вернейского собора 755 года.
302. *C. Matisconense*, i. c. 7.
303. *C. Matisconense*, i. c. 8.
304. *C. Aurelian*, iii. c. 32.
305. *C. Parisiense*, v. c. 4.
306. *Gregor. I. lib. vi. Epis. xi.*
307. Haddan and Stubbs, *Councils and Ecclesiastical Documents*, i. p. 133. *Canones Wallici*, c. 40 (37). Оксфорд, 1869.
308. Lea, *Studies*, p. 178.
309. Lea, *Studies*, p. 179.
310. *Ibid.* p. 182.
311. Epis. xcvi. 70. Migne, *Patrologiae*, tom. 119, p. 1006.
312. *C. Ravennense*, c. 4.

313. Например, Карлом Великим в 789 г. и Бамбергским синодом 1491 г.; см. Lea, *Studies*, pp. 178, 192, 196.
314. *Privilegia Clericorum, Constitutio Frederici Imperitoris*, p. iii. B. M. Cat. i. a. 6515, *Constitutio Caroli*, 1498.
315. G. H. Pertz, *Monumenta Germaniae Legum*, tom. ii. p. 244. Ганновер, 1837 год.
Lea, *Studies*, pp. 191, 196.
316. Там же, стр. 191, 192.
317. P. F. Lecourayer, *Histoire du Concile de Trente*, tom. ii. p. 658; и см. p. 585, etc. 1736.
318. О посттридентских претензиях см. Lea, *Studies*, p. 216 и др.
319. Holdsworth, *Hist. Eng. Law*, iii. p. 253.
320. Даже *insidiatores viarum et depopulatores agrorum* были в конечном итоге разрешены духовенству 4 Нен. IV. с. 2, A.D. 1402.
321. Мэтью Хейл, "Судебные дела короны", ii. p. 333. Лондон, 1800 г.
322. Lingard, *Hist.* ii. p. 192, etc.
323. Холдсворт, i. p. 382.
324. Lea, *Studies*, pp. 213, 218.
325. Лингард, ii. p. 127.
326. D. Rock, *The Church of Our Fathers*, i. p. 144. Лондон, 1903.
327. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, i. p. 461.
328. A. S. Green, *Henry II.*, p. 85. Лондон, 1903.
329. Lea, *Studies*, pp. 178, 203.
330. Джонсон, *Законы и каноны*, ii. p. 194.
331. 25 Ed. III. с. 4.
332. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, i. p. 461.
333. Meiklejohn, *Hist. Eng.* vol. i. p. 165. London, 1895.
334. Lord Auckland, *Principles*, p. 173.
335. Томас Смит, *De Republica Anglorum*, Alston's ed. p. 103. Кембридж, 1906.
336. Д. Баррингтон, *Замечания о древнейших статутах*, p. 443.
337. Hale, *Pleas of the Crown*, ii. p. 372.
338. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, i. p. 460.
339. Поллок и Мейтланд, *Гист. Eng. Law*, i. p. 426.
340. W. Stanford, *Plees de Coron.*, lib. ii. cap. 48. Лондон, 1560 г.

341. Holdsworth, *Hist. Eng. Law*, i. p. 382.

342. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, i. p. 461.

343. См. Bingham, *Antiquities of the Christian Church*, v. p. 459.

344. *Concilium Tarragonense*, c. 4, A.D. 516.

C. Autissiodorensis, c. 34, A.D. 578.

C. Toletanum, xi. c. 6, A.D. 675.

345. *Excerptiones Ecgberti*, Arch. Ebor. 156.

346. Джонсон, *Законы и каноны*, ii. c. 60.

347. *C. Lat.* iv. c. 18.

348. *C. Toletanum*, iv. c. 31, A.D. 633.

349. *C. Autissiodorensis*, c. 33, A.D. 578.

350. Как, например, Феодосий, IV век; император Генрих IV, XI век; Генрих II, XII век.

351. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 238.

352. *Ibid.* p. 243.

353. Король Этельвульф в IX веке добился от Папы постановления, согласно которому ни один англичанин не должен был быть осужден на паломничество в кандалах за пределы своей страны. Паломника из Кентерберии можно было узнать по бутылке или колокольчику, раковине, если он прибыл из Сантьяго-де-Компостела (Испания), и пальме из Восточной страны.-R. F. Littledale, *Ency. Brit.*

354. Thrupp, *Anglo-Saxon Home*, p. 256.

355. См. W. J. Thoms, *Early English Prose Romances*, i. p. 31, etc. London, 1858.

356. Джонсон, *Законы и каноны*, ii. p. 449.

357. Многое зависит от того, какой точки зрения придерживается пенитенциарное учреждение. См., например, историческую повесть Чарльза Рида "Клостер и очаг".

358. Обычно на половину времени, и часто на три дня в неделю на вторую половину. Vide *Pen. Ecgberti*, Arch. Эбор. и т. д.

359. Lea, *Studies in Church History*, p. 245.

360. Thorpe, fol. ed. pp. 280, 315.

361. См. Покаяние архиепископа Теодора Кентерберийского (673 г. н. э.), Thorpe, p. 278.

В 1139 году Латеранский собор приговорил убийц духовенства к отлучению, снимаемому только папой (Labbé, tom. xxi. p. 530). Тем не менее мы находим жалобы архиепископа Ричарда на отсутствие защиты (Petrus Blesensis, *Opera*, Epistola 73, Giles's ed. i. p. 217, Oxford, 1847; также Hook, *Lives of the Archbishops of Canterbury*, ii. p. 577, London, 1862); а Генрих II предусмотрел светские наказания (Reeves, *Hist. Eng. Law*, i. p. 133; Lingard, *Hist.* ii. p. 193;

Carte, *Hist.* i. p. 689; C. H. Pearson, *History of England during the Early and Middle Ages*, p. 511. London, 1867).

362. Vide Penitential of Theodore, *De Temperantia Poenitentium*, etc.

363. Покаяние Эгбурта, архиепископа Йоркского (восьмой век), Thorpe, p. 377.

"Обычное наказание за убийство" (девятый век) составляло от семи до десяти лет.

364. Дж. Джонсон, *Законы и каноны*, примечание E, ii. p. 11.

365. *C. Ancyratum*, c. 5, A.D. 314.

C. Nicaeni, c. 12, A.D. 325.

C. Chalcedonense, c. 16, A.D. 451.

C. Ilerdense, c. 5, A.D. 524.

366. Об Англии см. Thorpe, i. p. 278; Johnson, *Laws and Canons*, ii. pp. 10, 11, note D.

367. Johnson, p. 446.

368. Marshall, *Penitential Discipline*, pp. 109, 110.

369. Знакомые и соратники короля должны быть приняты в общение Церкви и не должны быть изгнаны, постановил Толедский собор - *C. Toletanum*, xii. c. 3, A.D. 681; Labbé, tom. xi. p. 1030; Marshall, *Penitential Discipline*, p. 126.

370. *C. Clovenhonense*, cc. 26, 27, A.D. 747.

371. Maitland, *Domesday Book*, p. 281.

372. Св. Амвросий, *De Elia et Jejunio*, c. xx.; Migne, *Patrologiae*, tom. xiv. p. 724.

373. См. Дж. Джонсон и Б. Торп; также Lea, *Middle Ages*, i. pp. 464, 473.

374. Carte, *Hist.* i. p. 581. Думаю, именно Герберт Спенсер отметил, насколько полностью внешнее материальное исполнение или соответствие могло удовлетворить притязания средневековья.

375. 5 Rich. II. c. 5, A.D. 1382.

2 Hen. IV. c. 15, 1400 г. н.э.

2 Hen. V. c. 7, A.D. 1414.

376. *C. Triburiense*, c. 3, A.D. 895.

Lea, *Studies*, p. 384.

Стаббс, в Приложении II. *Ess. Courts Comm.*, 1883, pp. 55, 56.

377. Если он продолжал пререкаться, против него даже могли возбудить дело по подозрению в ереси. См. двадцать пятую сессию Трентского собора, Lecourayer, т. ii. c. 648, 653.

378. Stubbs, *Const. Hist.* iii. p. 374.

379. Чосер, изд. Джона Сондерса, стр. 83. Лондон, 1889.

"Significavit - это письмо, которое выдается из канцелярии на основании свидетельства, выданного ординарием человеку, упорно отлученному от церкви на сорок дней, для заключения его в тюрьму без залога или основной цены, пока он не подчинится власти церкви". "И называется он так потому, что Significavit - это эмфатическое слово в Писании". Блаунт, *Юридический словарь*. Лондон, 1717.

380. См. A. Abram, *Social England in the Fifteenth Century*, p. 111 (London, 1909); также *Chancery Warrants for Issue, The Patent Rolls, etc.*; J. Johnson, *Laws and Canons*, ii. p. 192, *De Excommunicato Capiendo*, and p. 399; Holdsworth, *Hist.* i. pp. 358, 433.

381. Генрих II Английский был жестоко бичеван восемьюдесятью церковниками; присутствовавшие епископы нанесли каждому по пять ударов, а каждый монах - по три. Покаяние короля привело к болезни.- Lea, *Middle Ages*, p. 464; Meiklejohn, *Hist.* i. p. 102.

382. Bingham, *Antiquities of the Christian Church*, vi. p. 172.

383. Bingham, ii. p. 128.

Однажды я видел келью, принадлежавшую испанскому прелату на Майорке; это был маленький темный карцер, в котором никто не жил.

384. Например, Тинмутский приор использовался в качестве тюрьмы аббатами Сент-Олбанса. См. W. Dugdale, *Monasticum Anglicanum*, iii. p. 309. Лондон, 1846.

Bingham, vii. p. 43.

Хроника Ингульфа из аббатства Кройланд. Riley's ed. p. 98.

385. Lea, *Middle Ages*, i. p. 488.

386. *Ibid.* p. 490.

Charles Molinier, *L'Inquisition au XIIIe et au XIVe siècle*, pp. 435, 440, etc. Paris, 1880.

Concilium Albiense, c. 24, A.D. 1254.

Lea, *Superstition and Force*, p. 426.

Выводы комиссии кардиналов, посланной папой Климентом V в 1306 г.; см. Molinier, p. 450, и B. Hauréau, Bernard Delicieux, p. 134 и др. Париж, 1877.

387. *К. Толосани*, с. 11.

388. Lea, *Middle Ages*, i. p. 491.

389. *C. Biterrense*, c. 23, et *C. Biterrense*, A.D. 1233; *De Custodia Claustria*, Labbé, tom. xxiii. p. 275.

390. Lea, *Middle Ages*, i. p. 487.

391. Lea, *Middle Ages*, p. 486.

392. В 1234 году Собор Альби постановил, что владельцы конфискованного имущества еретиков должны предусмотреть тюремное заключение и содержание его бывших владельцев.

393. Например, в 1300 г. н. э. мы находим некоторых заключенных в Альби, осужденных "Ad perpetuum carcerem stricti muri ubi panis doloris in cibum et aqua tribulationis in potum, in vinculis et cathenis ferreis solummodo ministrentur" -Molinier, p. 94, цитируя Doat, tom. xxxv.

394. "Мы с особым предписанием предписываем, чтобы каждый епископ имел одну или две тюрьмы в своем епископстве; он должен позаботиться о достаточной их величине и безопасности для безопасного содержания клириков по каноническим обычаям, которые являются вопиющими, то есть пойманными на преступлении или осужденными за него. А если какой-нибудь клерк окажется настолько неисправимо порочным, что, будь он мирянином, должен был бы понести высшую меру наказания, мы приговариваем такого к вечному заключению...." - J. Johnson, ii. pp. 207, 208; *Конституции архиепископа Бонифация*, 1261 г. н.э.

395. Dugdale, *Monasticum Anglicanum*, vi. p. 238.

396. Lea, *Middle Ages*, p. 487.

397. James Stephen, *Studies in Ecclesiastical Biography*, p. 38. Лондон, 1907.

398. J. W. Willis Bund, *Episcopal Registers*, ii. p. 182. Оксфорд, 1902.

399. H. T. Riley, *Gesta Abbatum Monasterii Sancti Albani*, i. p. 266. Лондон, 1867.

400. *History of the Inquisition in the Middle Ages*, i. p. 487 and note; и см. H. R. Luard, *Annales Monastici*, t. ii. p. 296, t. iii. p. 76; F. W. Maitland, *Law Quarterly Review*, ii. p. 159.

401. Бунд, *Эпис. Регистры епархии Вустера*, ii. p. 189.

402. Bingham, *Antiquities of the Christian Church*, vii. p. 18.

403. *Ibid.* p. 12.

404. Addis and Arnold, *Cath. Dict.* p. 276.

405. S. Lugio, *Cath. Ency.* iv. p. 678. Нью-Йорк, 1908.

406. Coulton, *Chaucer and His England*, p. 288.

Lea, *Studies in Church History*, p. 189.

"Деградация была редким наказанием, поскольку церковь не желала признавать, что священный сан, однажды присвоенный, может быть отнят за любой проступок, кроме ереси" -Davis, *Normans and Angevins*, p. 207.

407. Деградивовавшим клирикам было запрещено жить в миру как мирянам по решению Руанского собора.-C. *Rothomagensis*, с. 12, A.D. 1074.

Те, кто отбросил свою привычку, не могли быть приняты в армию или в какой-либо монастырь клириков, но должны были считаться отлученными от церкви.- *Каноны Ланфранка*, с. 12, 1071 г. н. э.; J. J. ii. 9.

408. Lecourayer, *Concile du Trente*, tom. i. p. 543.

409. Stubbs, *Ecc. Courts Comm.*, 1883, Appendix ii. p. 57.

410. Мирянин должен был присутствовать, чтобы взять под свою опеку павшего клирика.- *Cath. Ency.* iv. p. 678.

411. К. Реме́нс, 1157 г. н.э.

412. С. *Oxoniense*, 1166 г. н.э.

413. С. *Turonense*, A.D. 1163.

414. 2 Hen. IV. c. 15.

415. Lea, *Hist. Inq. Middle Ages*, i. p. 222.

В 1222 году в Оксфорде был сожжен дьякон, которого судили перед архиепископом Лангтоном за принятие иудаизма с целью жениться на еврейке.^[418] С того времени и до 1400 года в Англии никого не сжигали до смерти за ересь. Мейтланд, *Ежеквартальный обзор права*, ii. p. 153. Лондон, 1886.

416. Профессор Э. П. Эванс бросает интересный взгляд на это преступление со стороны. "Кажется довольно странным, - замечает он, - что христианские законодатели должны были принять иудейский кодекс против сексуальных отношений со зверями, а затем расширить его, чтобы включить в него самих евреев". Вопрос о том, является ли сожителство христианина с еврейкой или *наоборот* содомией, серьезно обсуждался юристами. Дамхаудер (*Prax. rer. crim.* с. 96, п. 48) считает, что да, а Николаус Бонер (*Decis*, 136, п. 5) приводит случай некоего Иоганна Алардуса или Жана Аларда, который держал в своем доме в Париже еврейку и имел от нее несколько детей; за эту связь он был осужден за содомию и сожжен вместе со своей спутницей, "поскольку соитие с еврейкой - это точно то же самое, как если бы мужчина совокупился с собакой" (*Döpl. Theat.* ii. p. 157). Дамхаудер включает турок и сарацинов в ту же категорию."-*The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals*, p. 152. Лондон, 1906.

417. Lea, *Middle Ages*, i. pp. 220, 221, etc.

418. Одна благочестивая старушка оставила городу Лондону завещание на покрытие расходов по сожжению неверующих.

419. W. Stubbs, *Charters*, p. 136.

420. G. B. Adams, *Political History*, p. 270. Лондон, 1905.

421. Ему доложили, что за девять лет его правления бесчисленные преступления и сто убийств были совершены клерками, которые избежали всех наказаний, кроме легких штрафов и тюремного заключения, вынесенных их собственными судами. R. W. Stephens, *The English Church*, p. 165. Лондон, 1901. Уильям Ньюбургский, lib. ii. p. 130, изд. X. К. Гамильтона. Лондон, 1856.

422. В тринадцатом веке, например, в деревне Рафэм было двенадцать клерков. Августус Джессопп, *Пришествие монахов*, стр. 84. Лондон, 1889. См. также J. E. Thorold Rogers, *Six Centuries of Work and Wages*, i. pp. 24, 160, 161.

423. Carte, *Hist.* i. p. 581.

424. Эйрик Магнуссон, *Сага Томаса Эркибискупа*, i. p. 144, прим.

425. Уильям Фиц-Стефан; J. C. Robertson's *Materials for the History of Thomas Becket*, iii. p. 45. Лондон, 1881.

Дэвид Хьюм, *Hist. Eng.* i. p. 391. Лондон, 1818.

426. См. Herbertus de Boseham; Robertson, *Materials*, iii. pp. 264, 265.
427. Магнуссон, *Сага Томаса Эркибыскупа*, i. p. 145.
428. Уильям Кентерберийский; *Материалы* Робертсона, i. c. 12, 13.
- Эдвард Грим; Robertson, ii. p. 375.
- Аноним; Robertson, iv. p. 24.
- K. Norgate, *England under the Angevin Kings*, ii. p. 21. Лондон, 1887.
429. Р. де Дисето, *Сочинения*, изд. Стаббса, i. p. 313. London, 1876.
430. F. W. Maitland, *Eng. Hist. Rev.* vii. p. 226. Лондон, 1892.
431. Stephens, *Hist. Eng. Church*, p. 166.
432. Нахум, i. 9.
433. Norgate, *Angevin Kings*, ii. p. 23.
434. Stephens, *Hist. Eng. Church*, p. 166.
435. Holdsworth, *Hist.* i. p. 382.
436. Pollock and Maitland, *Hist.* i. p. 442, и примечание 2, изд. 1898 г.
437. Джеймс Гейрднер, *Английская церковь*, стр. 42. Лондон, 1902.
438. Reeves, *Hist. Eng. Law*, iii. p. 41.
439. Если обвинялся клерк, корона получала его имущество до тех пор, пока он не проходил очищение, после чего оно обычно возвращалось (Hale, *Pleas of the Crown*, ii. p. 384). Если же он был доставлен по приговору *absque purgatione* или сначала признал себя виновным, король оставлял их себе и получал доходы от своих земель на всю жизнь заключенного (А. Т. Картер, *История английских правовых институтов*, стр. 255. Лондон, 1906).
440. Джонсон, *Законы и каноны*, ii. p. 208.
441. 2 Ed. I. c. 2.
442. 4 Ed. I. c. 5.
443. В соответствии с канонем Лионского собора 1274 г. н.э. *C. Lugd.* c. 6.
444. Другие примеры неприятия повторного брака см. в Westermarck, *Moral Ideas*, ii. pp. 450, 451; и E. S. Hartland, *Primitive Paternity*, i. p. 134.
445. Джонсон, *Законы и каноны*, ii. p. 267.
446. 25 Ed. III. c. 4.
447. Например, закон, принятый в 1378 г. (1 Ric. II. c. 15), запрещающий арестовывать священников во время богослужения.

448. Конституции архиепископа Айлипа, 1351 г. н.э. Джонсон, *Законы и каноны*, ii. p. 414 и др.

449. См. например, F. C. Hingeston-Randolph, *Register of John de Grandisson, Bishop of Exeter*, Part ii. p. 1118. Лондон, 1897.

450. Например, их не могли обвинить неблаговидные люди; *vide C. Carthag.* 390 г. н. э.; Labbé, tom. iii. pp. 694, 870; *C. Chalced.* с. 21, 451 г. н. э.; Labbé, tom. vi. p. 1229; *C. Trident.* Ses. 13, с. 7, A.D. 1551. Жаловались, что духовенство не может быть обвинено мирянами и не обвиняет друг друга.- Lea, *Studies in Church History*, pp. 208, 211.

451. Например, Саймон Фиш в своем "*Supplicacyon of Beggars*", написанном около 1529 года, изд. J. M. Couper, p. 12. London, 1871.

Шекспир, писавший в пятнадцатом веке, упоминает об этом вопросе:

... Вы знаете, что наш король

В плену у здешнего епископа, у которого

Он имеет хорошее обращение и большую свободу.

Третья часть "Короля Генриха VI". iv. 5.

См. также Hook, *Archbishops of Canterbury*, ii. p. 398.

452. J. C. Robertson, *Materials*, iv. p. 49; *Epist. Nicolaus de Monte*.

453. Coulton, *Chaucer*, p. 288.

454. Lea, *Studies in Church History*, p. 196.

455. Hale, *Pleas of the Crown*, ii. p. 384.

456. Pollock and Maitland, p. 444, ed. 1898.

Ibid. pp. 427, изд. 1895 г.

457. Riley, *Chronica Monasterii S. Albani*, iii. p. 48. См. также Britton, Nichols' ed. p. 27.

458. 4 Hen. IV. с. 3.

459. 1 Hen. VII. с. 4.

460. 4 Hen. VII. с. 13.

461. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, i. p. 463.

462. Holdsworth, *Hist.* i. p. 382.

463. 12 Hen. VII. с. 7.

464. 4 Hen. VIII. с. 2, A.D. 1512.

465. Т. Раймер, *Foedera*, tom. xiv. p. 239. Лондон, 1712 год.

466. Lea, *Studies in Church History*, p. 189.

467. 23 Hen. VIII. с. 11.

468. 25 Hen. VIII. c. 3.

469. 28 Hen. VIII. c. 1, s. 7.

470. "В 1533 году противоестественные преступления, в 1541 году колдовство были признаны уголовными преступлениями. В 1603 году двоеженство было признано уголовным преступлением" - Holdsworth, *Hist.* i. p. 388.

471. 18 Eliz. c. 7.

472. Специальные и моральные преследования осуществлялись через Суд Звездной палаты (3 Hen. VII. c. 1) (см. Lingard, *Hist.* vii. p. 377; Carter, *Outlines of English Legal History*, p. 101; Hudson, *Treatise on the Star Chamber*) и ненавистный Суд Высокой комиссии (1 Eliz. c. 1) (см. Hale, *Precedents and Proceedings in Criminal Cases*, p. 1., and *Ecc. Courts Comm.*, 1883, p. xxxviii.), которые налагали огромные штрафы и применяли различные болезненные наказания, пока они, вместе с церковными судами, не были свергнуты в 1640 году (16 Car. I. c. 10 и 11).

473. Блэкстоун, iv. c. 28.

474. Женщины получили определенные пособия в соответствии с 21 Jac. I. c. 6 в 1623 году.

475. 10 и 11 Will. III. c. 23.

476. 5 Anne c. 6.

477. Carter, *Hist. Eng. Legal Inst.* p. 247, ed. 1902.

478. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, i. 463.

479. 4 Geo. I. c. 11.

480. Holdsworth, *Hist.* p. 383.

481. J. F. Stephen, *Hist. Crim. Law*, p. 463.

482. 19 Geo. III. c. 74, s. 3.

483. 7 и 8 Geo. IV. c. 28, s. 6, A.D. 1827.

484. И все же, как выразился профессор Менгер, "ничто не может быть таким неравным, как равное отношение к неравным".

485. Дж. Ф. Стивен, *Hist. Crim. Law*, iii. p. 27.

486. Уильям Эндрюс, *Старинные наказания*, стр. 153.

487. *Словарь национальной биографии*. Был закон Генриха VIII, который называли кнутом с шестью струнами, что может иметь некоторое отношение к обычному оружию палача.

488. На старом каторжном корабле "Успех".

489. См. Murray, *Dictionary*, vol. iv.

490. "Палач, я поручаю тебе уделить особое внимание этой даме. Бичуй ее по полной программе, бичуй, пока кровь не потечет. Сейчас Рождество - холодное время для раздевания мадам. Проследи, чтобы ты хорошенько прогрел ее плечи" - мистер судья Джеффрис, цитируется в Andrews, *Old-Time Punishments*, p. 154.

491. 57 Geo. III. с. 75.
492. См. Статут о рабочих, 25 изд. III. с. 2.
493. Л. Джуитт, "The Pillory and who they put in it", *The Reliquary*, i. p. 210, April 1861.
494. Besant, *Tudors*, p. 381.
495. Andrews, *Old-Time Punishments*, p. 68.
496. Джуитт, стр. 213.
497. *Ibid.* p. 221.
498. 56 Geo. III. с. 138.
499. 7 Will. IV. и 1 Vict. с. 23.
500. Besant, *Mediæval London*, p. 354.
501. J. A. Rees, *The Grocery Trade*, p. 57. Лондон, 1910.
502. У. Хадсон, *Трактат о суде Звездной палаты*, ii. стр. 225.
503. Lea, *Hist. Inq. Middle Ages*, i. p. 441.
504. Hudson, *Treatise on the Court of Star Chamber*, p. 225.
505. Джеймс Гейрднер, *Английская церковь*, с. 53.
506. Pike, *Hist.* i. p. 237.
507. Barrington, *Ancient Statutes*, p. 422.
508. Эндрюс, *Старинные наказания*, с. 152.
509. *Ibid.* p. 140.
510. Джуитт, "Ругатели и как они их лечили", *Реликварий*, октябрь 1860 г.
511. Andrews, *Old-Time Punishments*, p. 45.
512. См. Джуитт, "Несколько замечаний о пригибании табуреток", *Реликварий*, январь 1861 г.
513. Эндрюс, "*Старинные наказания*", и т. д., и т. п.
514. Holdsworth, *Hist.* ii. p. 327.
515. На некоторых американских линчеваниях пострадавшая женщина подносит спичку к дровам, на которых должен быть сожжен до смерти обиженный негр.
516. "Они умирали в одиночестве и без жалости", - говорит Леки; "...их родственники сторонились их как запятнанных и проклятых" - История *рационализма*, с. 149. Лондон, 1865.
517. Собрания более или менее вакхического характера действительно происходили в Европе в средние века, сохранившись от старых обрядов и поклонения природе. См. длинный и глубокий рассказ профессора Карла Пирсона о них в книге "*Шансы смерти*". Лондон, 1897.

518. Часто это были домашние животные или животные, обитавшие во дворе. Даже кормление воробьев на зимнем снегу было бы опасным для подозреваемого человека. См. вид доказательств, которые искал Р. Бернард в своем *"Руководстве для присяжных заседателей"*, стр. 235. Лондон, 1627 год и т. д. Несчастные ведьмы, мучаясь бессонницей и терзаниями, в конце концов делали или говорили то, чего от них уже ожидали. См. например, Ф. Хатчинсон, *"Исторический очерк о колдовстве"*, с. 37, 57. Лондон, 1718.

519. О силе внушения и воображения см. например, G. le Bon, *Revue scientifique*, 26 марта и 2 апреля 1910 г.

520. Вся эта отвратительная и дьявольская процедура описана Й. Шпренгером и Г. Инститором в их *"Malleus Malificarum"*, около 1485-89 гг. Франкфортское изд., 1580.

Paulus Grillandus, *De sortilegiis*, lib. 4, *De questionibus et tortura*. Лион, 1533.

J. Bodin, *De la démonomanie des sorciers*. Париж, 1580.

R. Scot, *The Discoverie of Witchcraft*. Лондон, 1584. Издание Б. Николсона. Лондон, 1886.

H. Bogue, *Discours des sorciers*. Лион, 1608.

521. Эскироль называет это симптомом некоторых форм безумия. См. перевод Э. К. Ханта *"Психические болезни"*, стр. 245. Филадельфия, 1845.

R. Scot, *Discoverie Booke*, ii. chaps, v.-viii.

Bodin, *Démonomanie*, p. 170.

James I., *Daemonologie*, p. 81.

H. Bogue, chap. xlv.

522. Ченчи.

523. *Исторический очерк*, с. 139.

524. См. J. P. Migne, *Encyclopédie théologique*, vol. xlix. tome second, p. 72. Paris, 1848.

Чарльз Маккей отмечает: "Ни тогда, ни сейчас не было ничего необычного в том, что у пожилых людей на теле должно быть какое-то место, полностью лишенное чувств", p. 137. В Шотландии существовало несколько охотников за ведьмами, которые были известны как "обычные колючки", p. 146.-*Popular Delusions*, London, 1869.

525. Майкл Далтон, *"Правосудие графства"*, стр. 242. Лондон, 1618 год.

James I., *Daemonologie*, p. 80.

Цитируется Мэтью Хопкинс, p. 33, *ante*.

Sinistrari of Ameno Demoniality, p. 27. J. Liseux, trans. Paris, 1879.

D. Neal, *History of New England*, p. 137. Лондон, 1747.

526. Хатчинсон, *Очерк*, с. 138.

527. Т. Райт, *Дама Алиса Кайтелер*, Лондон, Камденское общество, том xxiv., 1843.

528. H. L. Stephen, *State Trials*, vol. i. p. 211. Лондон, 1899.

529. Hutchinson, p. 34.

530. См. длинный и интересный очерк о колдовстве в *Ency. Brit.* ninth ed.

531. Закон подробно цитируется в "*Объявлении для присяжных Англии*" Р. Ройстона, в котором он критикует "доказательства" дель Рио и Перкинса.

532. На него ссылается Коттон Мазер в книге "*Чудеса невидимого мира*". Бостон, 1693.

533. Джеймс Уильямс, *Ency. Brit.* ninth ed. vol. xxiv. p. 622. Кинкейд был одним из "обычных колющих" или профессиональных искателей, которых в те суеверные времена было множество.

534. Например, Michael Dalton, *The Countrey Justice*, p. 242; Richard Bernard, *A Guide to Grand Jurymen*, p. 240.

535. Независимо от того, правдива ли история о его погружении в воду или нет, он, несомненно, умер презираемым и дискредитированным.

536. *Гудибрас*, часть iii. глава iii.

537. Возможно, восходит к доисторическому культу матери. См. Карл Пирсон, "Женщина как ведьма" в его "*Шансах на смерть*".

538. Экзорцизм и т. д. Paul Regnard, *Les Maladies épidémiques de l'esprit*, изобилует гравюрами со старинных картин, иллюстрирующих этот момент. Париж, 1887.

539. Хотя папы, такие как Иоанн XXII, Иннокентий VIII, Юлий II и Адриан VI, принимали законы против ведьм, протестанты были столь же мстительны. Например, Ж. Мишле, "*Жизнь Лютера*", кн. V, гл. VI: "Безумные, бесчувственные, слепые и немые одержимы бесами. Врачи, которые лечат эти недуги как возникающие по естественным причинам, - глупцы, не знающие силы дьявола". Позже мы рассмотрим труды пуританских богословов в Англии и Америке.

540. Главы xi., xiv. и т. д.; французское издание 1579 года.

541. Эта теория была выдвинута Джорджем Гиффордом в книге "*Рассуждение о subtilных практиках дьявола у ведьм и колдунов*" (*A discourse of the subtil practices of Devilles by witches and sorcerers, etc.*). Лондон, 1587.

542. *Диалог о ведьмах и колдовстве. В котором раскрывается, как хитроумно дьявол обманывает не только ведьм, но и многих других.* Лондон, 1603. И Джоном Вебстером, который скептически относился к чудесному, в его книге "*Отображение предполагаемого колдовства*", 1677.

543. В 1609 году страшная комиссия бичевала районы вокруг Бордо и Лабура в Западной Франции. См. P. de l'Ancre, *Tableau de l'inconstance den Mauvais Anges*, 1612. При Людовике XIV в 1679 году была учреждена пышная *Шамбре Арденте*, просуществовавшая до 1682 года. Ла Рейни, генерал-лейтенант полиции, был активным инквизитором. См. F. Funck-Brentano, *Princes and Poisoners*; G. Maidment, trans. Лондон, 1901.

544. *Cautio Criminalis*, 1631.

545. *Saducisimis Triumphatus*, 1681.

546. На голландском языке, 1681; французский перевод, *Le Monde enchanté*. Амстердам, 1684.
547. *The Certainty of the World of Spirits*. Лондон, 1691.
548. Чудеса невидимого мира: Наблюдения над природой, числом и действиями дьяволов.
549. Р. Калеф, *Еще чудеса невидимого мира*. Лондон, 1700.
550. Д. Нил, *История Новой Англии*. "Тюрьмы едва вмещали число обвиняемых".
551. Как это было в 1861 году в маленькой деревушке Морзине в Савойе; см. A Constans, *Une Relation sur une épidémie d'hystérie-démonopathie*. Париж, 1863.
- Д-р Р. Мэдден приводит длинный рассказ о различных исторических вспышках в своих "Фантазмах", глава х. "Эпидемии мании и т. д.". Лондон, 1857.
- E. Pronier, *Étude sur la contagion de la Folie*. Лозанна, 1892.
- L. F. Calmeil, *De la Folie*. Париж, 1845.
552. Исторический очерк о колдовстве.
553. Лекки, *История рационализма*.
554. Один средневековый писатель, как говорят, подсчитал точное число различных дьяволов, которое он назвал 7 405 926; см. Jules Garinet, *Histoire de la Magie*, p. xxviii. Paris, 1818. Другой автор заявил, что существует шесть основных родов демонов; R. Madden, *Phantasmata*, p. 293. Другой автор насчитывает 2 665 866 746 664 дьявола; см. P. Carus, *History of the Devil*, p. 346. Лондон, 1900.
555. "Quae quidam nefandissima opera si non vere fierent, sed delusoria, vane contra ea fuissent promulgatae leges et in legum ipsarum auctores, etiā in ipsum Deum, ista retorqueretur vanitas; quod extrema blasphemia est."-B. de Spina, *Quaestio de strigibus*, p. 8. Рим, 1576.
556. *Sortilège*, p. 599. Париж, 1622.
557. Суд над ведьмами, 10 марта 1664 г., сэр Мэтью Хейл, кт. Приложение К. Кларка, стр. 20. Лондон, 1838.
558. Государственные судебные процессы, i.
559. *Saducismus Triumphatus*.
560. Римско-католический взгляд на колдовство и злых духов подробно рассмотрен Р. Р. Мэдденом, *Phantasmata*, гл. ix.
561. А. Чалмерс, *Биографический словарь*, ст. "Коттон Мазер". Лондон, 1815.
562. "Мы не можем не сожалеть о том, что одна секта среди нас смотрит на отмену уголовного закона о колдовстве не только как на зло, но и как на грех. Секунданты опубликовали Акт... в 1743 году (переиздан в Глазго, 1766). В этом законе содержится ежегодное исповедание грехов..... Среди грехов национальных и личных, в которых исповедуются... (что) уголовные законы против колдовства были отменены парламентом, вопреки явному закону Божьему" -H. Arnot, *Criminal Trials in Scotland*, p. 370. Эдинбург, 1785 год.

563. Лекки, *История рационализма*, с. 134.
564. *Арминианский журнал*, v. p. 366. Лондон, 1782 год.
565. Доктор Х. Мор использовал тот же аргумент в своем "*Противоядии против атеизма*", lib. iii. chap. ii. London, 1653.
566. *Lay Sermons*. Лондон, 1870.
567. Г. Л. Стивен, *Государственные процессы*.
568. *История рационализма*, глава I.
569. J. Williams, *Ency. Brit.*, ninth ed. art. "Колдовство".
570. Mackay, *Delusions*, pp. 184, 187 и др.
571. *История рационализма*, с. 4 и др.
572. См. статью об этом случае Э. Ф. Бенсона, *Nineteenth Century*, vol. xxxvii. Июнь 1895 года. Несколько похожий случай произошел в Тарбе в 1850 г. - *История рационализма*, с. 4.
573. "Что это за болезнь, которая втыкает в тело множество булавок?" - Цитируется Калевом, *More Wonders*, p. 5.
574. Скот цитирует жуткий отрывок из Грилландуса, который пишет, что "когда ведьмы спят и не чувствуют боли при пытках, следует говорить *Domine labia mea aperies*, и так, говорит он, и мучения будут ощутимы, и правда будет произнесена" - *Discoverie of Witchcraft*, p. 17. И мы находим у дель Рио: "Narravit mihi ... anno 1599 captam puellulam strigatricem, quae nec pedum ustulationem saevissimam, nec flagra validissima sentiebat; donec Sacerdos cujusdam monitu illi Agni benedicti ceream imaginem in collum injecere, tum enim vi sacra amuleti daemonis praestigiosa ludibria depulsa et illa vim doloris coepit persentiscere." - *Disquisitionum magicarum*, p. 184. Венеция, 1616. См. также E. Gurney, *Phantasms of the Living*, p. 181, который считает, что нечувствительность к боли могла быть иногда вызвана аутогинотизмом.
575. Упоминается, например, в "*Двенадцатой ночи*".
576. Les sorcières furent les sages-femmes et les sorciers les médecins du moyen âge.-P. Christian, *Histoire de la magie*, p. 400. Paris, ? 1871.
577. E. Gurney, *Phantasms of the Living*, p. 183.
578. Lecky, *History of Rationalism*, p. 77.
579. Р. Калев, противник Коттона Мазера, приводит подобный случай. Некая Маргарет Рул, страдавшая от припадков, "...некоторые из соседей были достаточно предприимчивы, чтобы заподозрить, что беда произошла в доме неподалеку, где жила несчастная женщина, ранее заключенная в тюрьму по подозрению в колдовстве, которая часто излечивала очень болезненные раны, бормоча над ними определенные чары, которые я [К. М.] не буду подвергать опасности повторения, чтобы не раздражать моего читателя" - *More Wonders of the Invisible World*, p. 3. Бостон, 1700 год.
580. См. О. М. Hueffer, *The Book of Witches*. Лондон, 1908.

581. См. действие Ричарда III.
582. Полное обвинительное заключение против лорда Хунгерфорда, который был обезглавлен на Тауэрском холме вместе с Томасом Кромвелем по приказу Генриха VIII.
583. P. de l'Ancre, *Seconde Considération*. Что касается видов преступлений, "которые охватываются сортировкой", *Tableau de l'inconstance des Mauvais Anges*. Париж, 1612.
584. Ж. Боден, *Демонология*, стр. 60. Париж, 1580 г.
585. Шаманизм и т. д. См. например, Elie Reclus, *Primitive Folk*, pp. 68, 70. Лондон, 1889.
586. В подобных делах принимались самые запятнанные или предвзятые доказательства. См. *Concilium Biterrense* от 1246 г. н. э., с. 12. Labbé, tom. xxiii. p. 718.
587. Scot, *Discoverie*, bk. i. chap. iii.
588. В основном бедные, несчастные старухи, признает Гланвил. - *Saducismus*, p. 29.
589. "Никто никогда не разговаривал сам с собой, если не был ведьмой", - утверждал один из простых колдунов. Маккей, *Заблуждения*, с. 147.
590. Тем более что они часто притворялись или действительно верили в силы и проклятия и, будучи совершенно беспомощными с материальной стороны, прибегали к помощи сверхъестественных ужасов, чтобы получить помощь и чтобы на них смотрели с опаской.
591. Различные лица, обвиненные в колдовстве, говорит Богуэ, "признавались в том, что они совершали в субботу грозу для того, чтобы избавить землю от плодов" - *Discours des sorciers*, p. 144. Считалось, что бури вызываются дьяволами. "Telle est l'origine de l'habitude de sonner les cloches pendant les orages." - L. F. A. Maury, *La Magie*, p. 102. Париж, 1860.
592. Bodin, *Démonologie*, p. 171.
593. Scot, *Discoverie*, p. 17. И это также практиковалось на заключенном, обвиненном в колдовстве перед Яковом I. - Lecky, *History of Rationalism*, p. 114.
594. Один из первых исследователей процессов над ведьмами взял с собой друга, чтобы тот стал свидетелем пытки. В качестве эксперимента он спросил заключенного, не был ли его спутник, совершенно незнакомый человек, одним из ее сообщников, и бедное существо со стоном ответило, что был.
595. "Le diable est si bon maistre que nous n'en pouvons envoyer si grand nombre au feu, que de leurs cendres il n'en renaisse de nouveau d'autres." - Florimonde de Raemon, *Antichrist*, p. 103. Лион, 1597 год.
596. Молитва о том, чтобы не дожить до старости, стала общей для женщин из более скромного сословия. Достаточно было быть престарелой, бедной или полусумасшедшей, чтобы обеспечить себе смерть на костре или на эшафоте" - Mackay, *Delusions*, p. 116.
597. *История рационализма*, с. 3.
598. Mackay, *Delusions*, p. 159.
599. Lecky, *History of Rationalism*, p. 4.
600. Цитируется В. Б. Геришем, *"Ведьма из Хартфордшира"*. Лондон, 1906.

601. Mackay, *Delusions*, p. 139.
602. Н. С. Lea, *History of the Inquisition in Spain*. Нью-Йорк, 1907.
603. У. Ф. Пул, *Салемское колдовство*. Бостон, 1869.
604. 300 000 женщин были убиты после буллы Иннокентия в 1484 году. См. важную статью в *Chamber's Encyclopædia*, х. р. 698, изд. 1901 г.
605. F. de Raemon, *L'Antichrist*, p. 102.
- Один писатель оценил число колдунов, живущих в Европе, в 1 800 000 человек. См. Calmeil, tom. i. p. 217.
606. Джеймс Хауэлл, "Знакомые письма", 1688 г.
607. Scot, *Discoverie*, p. 16.
608. *Ency. Brit.* ninth ed. vol. xxiv. p. 622.
609. "С принятием закона об отмене закона исчезли все те мнимые полномочия, которые так нелепо приписывались старым женщинам, угнетенным возрастом и бедностью" -H. Arnot, *Criminal Trials*, p. 369.
610. Покойный мистер Гурни из Общества психических исследований после обширного исследования обнаружил "полное отсутствие достойных доказательств и почти полное отсутствие каких-либо свидетельств из первых рук о тех явлениях магии и колдовства, которые нельзя объяснить как результаты больного воображения, истерии, гипноза и иногда, возможно, телепатии" -*Phantasms of the Living*, i. p. 172.
611. См. Е. В. Tylor, *Primitive Culture*, ii. p. 130.
612. J. B. Tuke в *Ency. Brit.*
613. E. Westermarck, *The Origin and Development of the Moral Ideas*, i. p. 269.
614. Westermarck, *Moral Ideas*, i. p. 270.
615. Э. Б. Тайлор, *Первобытная культура*, ii. p. 117.
616. См., например, рассказ "Пробудившийся спящий" в "Арабских ночах".
617. О жестокостях, которым подвергались безумцы у разных племен, упоминает Вестермарк в "Моральных идеях", i. p. 271.
618. Джон Конолли, *Лечение безумцев*, стр. 4. Лондон, 1856.
619. Ф. Бич, "Психология во времена Джона Хантера"; "они служили развлечением для посетителей на аукционах, ярмарках и в другие времена", с. 4. Hunterian Oration. Лондон, 1891.
620. Рассказ об этих странствующих Томах Бедламах см. в Isaac D'Israeli, *Curiosities of Literature*, ii. p. 343. Лондон, 1849.
621. "Идем, идем на поминки, на ярмарки, на рынок. Бедный Том, твой рог иссяк" - *Лир*, iii. 6.
622. *Лир*, iii. 4.

623. Walter Besant, *London in the Eighteenth Century*, p. 378. Лондон, 1902.
624. Это продолжалось вплоть до девятнадцатого века; см. D. Н. Tuke, *Chapters in the History of the Insane*, p. 128. Лондон, 1882.
625. См., например, W. Besant, *London in the Time of the Stuarts*, p. 236. Лондон, 1903. А для особо мерзкой смеси советуют "Для человека, преследуемого наваждениями", Cockayne, i. p. 365.
626. Oswald Cockayne, *Leechdoms, Wort Gunning, and Starcraft*, pp. 361, 365. Лондон, 1864.
627. Cockayne, pp. 101, 161, 169.
628. Cockayne, i. p. 249.
629. Тайлор, *Примитивная культура*, ii. p. 127.
630. Джозеф Бингем, *Древности христианской церкви*, i. p. 322.
631. Bingham, p. 323.
632. F. A. Gasquet, *Henry VIII. and the English Monasteries*, p. 463.
633. По словам Мори, существовало "множество подлинных литаний против Сатаны" - La Magie, p. 319.
634. J. Bingham, *Antiquities of the Christian Church*, i. p. 321. См. также Paul Verdun, *Le Diable dans la vie des saints*, p. 2; *Ency. Brit.* ninth ed. vol. viii. p. 806.
635. "Так называемый Четвертый Карфагенский собор (Анно 396) предписывает форму для рукоположения экзорцистов, такую же по сути, как та, что приведена в Римском понтификале и используется по сей день."-Аддис и Арнольд, *Католический словарь*, статья. "Экзорцизм". Лондон, 1903 год.
- Человек, который, как говорили, был одержим семью дьяволами, был изгнан семью священнослужителями в церкви Темпл в Бристоле в 1788 г. -Tylor, *Primitive Culture*, ii. p. 128. См. также L. A. Maury, *La Magie*, p. 331.
636. Уже в пятом веке папа Иннокентий I запретил экзорцистам осуществлять свое служение без прямого разрешения епископа, и это предписание остается в силе. См. также Louis Duchesne, *Christian Worship*, M. L. Maclure's trans. p. 349. London, 1904.
637. Addis and Arnold, *Cath. Dict.* p. 444.
638. Или вот эта молитва папы Льва XIII: "Святой Мишель Архангел... отвори от божественной веры Сатаны и других мерзких существ, которые обитают в мире и лелеют свои грехи". Цитируется по P. Verdun, ii. p. 314.
639. D. Н. Tuke, *Hist. Insane*, p. 14.
640. Ф. Бич, *Психология во времена Джона Хантера*, стр. 2.
641. L. A. Maury, *La Magie*, p. 329.
642. Cockayne, *Leechdoms*, ii. bk. iii. p. 335.
643. W. A. F. Browne, *What Asylums were, are, and ought to be*, p. 101. Эдинбург, 1837.

644. См. Tylor, *Primitive Culture*, i. p. 258.

R. Routledge, *Hist. Science*, p. 5. Лондон, 1881.

Edward Carpenter, *The Art of Creation*, p. 36. Лондон, 1904.

645. Может быть интересно сравнить 1 Царств ххii. 20.

Джон Лаббок (лорд Эйвбери), *"Происхождение цивилизации"*, с. 32. Лондон, 1889.

646. Некоторые дикари, упомянутые Тайлором, пытались задержать распространение микробов оспы подобным образом - *Первобытная культура*, ii. с. 115.

647. См., например, аббат Ричалмус, *Liber revelationum de insidiis et versutiis daemonum inversus homines*.

648. "...Но поскольку я знал, что это был дьявол, - писал Лютер, - я не обратил на него внимания и лег спать".

649. *Первобытная культура*, i. p. 409.

650. E. B. Tylor, *Ency. Brit.* ninth ed. vol. vii. p. 63, etc.

651. Cheyne and Black, *Ency. Bib.* art. "Сатана", по Грэю и Масси.

F. T. Холл, *Родословная дьявола*. Лондон, 1883.

J. Туллох в *Ency. Brit.* ninth ed. art. "Дьявол".

652. Сатана, говорил Тертуллиан, - это обезьяна Бога. Предполагалось, что у него действительно есть хвост; его можно отрубить, но он вырастет снова.

653. А. Ревилль, *Дьявол*, стр. 40, 42. Лондон, 1871.

654. Л. У. Кушман, *Дьявол и порок*. Лондон, 1897.

655. Тайлор, *Примитивная культура*, стр. 77.

656. P. Verdun, *Le Diable dans la vie des saints*, p. 97.

657. S. Baring Gould, *Lives of the Saints*, v. p. 278. London, 1897.

658. P. Carus, *The History of the Devil*, pp. 255, 256. Лондон, 1900.

659. Джон Эштон, *Дьявол в Британии и Америке*, стр. 87. Лондон, 1896.

660. Carus, *The History of the Devil*, p. 343.

661. P. Бертон, *Анатомия меланхолии*, п. i. сек. ii. с. 57, изд. 1806 г.

662. Maury, *La Magie*, p. 310.

663. Та же идея встречается у многих дикарей. В одном племени, о котором упоминает д-р Тайлор, "танцы женщин, одержимых бесами, лечатся... тем, что врач сильно бьет их палкой, причем считается, что удары чувствует демон, а не пациентка" - *Первобытная культура*, ii. с. 124.

664. См. например. Abbot Richalmus, capud xxvi. *De efficacia salis et aquae*.

665. D. H. Tuke, *History of the Insane*, p. 21.

666. На многих древних рисунках они изображены выдуваемыми изо рта, маленькими черными чудовищами, смешивающимися с облаком; существовали и другие способы выхода.

667. *Алая буква*, глава iv.

668. Люди даже тех ранних времен, говорит Мори, "несмотря на то, что приписывали сумасшествие воображаемой причине, не знали, что это действительно зло" - *La Magie*, p. 309.

669. Гл. xxxvii. Лондон, 1542 год.

670. *Двенадцатая ночь*, акт iii. Sc. 4.

671. W. Besant, *London in the Eighteenth Century*, p. 536.

672. W. E. H. Lecky, *History of England in the Eighteenth Century*, vi. p. 257. Лондон, 1887.

673. Andrew Halliday, *Lunatic Asylums*, p. 10. Лондон, 1828.

674. W. A. F. Browne, *What Asylums were*, p. 105.

675. Дж. Конолли, *Лечение умалишенных*, стр. 7.

676. См. M. Esquirol, *Mémoire sur la Maison Royale de Charenton*, p. 10.

677. D. H. Tuke, *Hist.* p. 52.

678. W. Besant, *London in the Time of the Stuarts*, p. 237.

679. Дж. Б. Тьюк, ст. "Insanity", *Ency. Brit.* ninth ed.

680. Многие приюты были построены в соответствии с Законом 1808 года, но до этого нищие пациенты "толпились в сырых подземельях наших общественных работ, или были заперты в домах заключения и плохо регулируемых тюрьмах" - A. Halliday, *Lunatic Asylums*, p. 10.

681. *Лечение умалишенных*.

682. Оскар Уайльд, *Баллада о Редингской тюрьме*, стр. 24.

683. Роберт Джонс, *Исследование природы нервных лихорадок*. Лондон, 1785.

684. У. Каллен, "*Первые строки о врачебной практике*", iv. p. 153. Эдинбург, 1789.

685. Cullen, p. 171.

686. *Ibid.* p. 164.

См. также R. Mead, *Monita et praescepta medica*, p. 67; он говорит, однако, что достаточно быстрого переплета. Лондон, 1751.

687. Стр. 149, *анте*. Доктор Хаслам порол сумасшедших в определенные периоды, чтобы предотвратить вспышки.

688. D. H. Tuke, *Hist.* p. 107.

F. Beach, *Psychological Medicine*. Он также ссылается на "*Предписания Джона Уэсли*", с. 6, и т. д.

Эндрю Уинтер, "*Граница безумия*", изд. Дж. М. Грэнвилла, с. 70. Лондон, 1877.

689. "Бродячие действия конечностей подавлялись, но источник раздражения в мозгу оставался вне рассмотрения" - Конолли.

690. Цитируется Бичем, Хантерианская оратория, 1891.

691. W. Massie, *A History of England during the Reign of George III.*, iii. p. 207. London, 1865.

См. также J. M. D. Meiklejohn, *Hist. Eng.* Pt. ii. p. 330.

692. Massie, *Hist.* p. 208.

693. Wynter, *Insanity*, p. 80.

694. J. H. Jesse, *Memoirs of the Life of George III.*, iii. pp. 95 and 274. Позже он был передан на попечение доктора Уиллиса, священнослужителя, который прославился своим умением обращаться с сумасшедшими; см. Jesse, iii. p. 90 и др.

695. Хантерианская оратория, с. 5.

696. Besant, *London in the Eighteenth Century*, p. 377. См. также книгу Чарльза Рида "*Твердая личность*".

697. См. описание приема частного пациента в старые времена у Конолли: *Treatment of the Insane*, p. 138.

698. D. H. Tuke, *Hist.* p. 171.

699. R. Gardner Hill, *Lunacy; its Past and its Present*, p. 7. Лондон, 1870.

700. Р. Гарднер Хилл, стр. 6.

701. Дж. Б. Шарп, *Отчет и протоколы показаний по сумасшедшим домам Англии*; показания Г. Хиггинса, с. 12 и 13; Р. Фаулера, с. 308; и Г. Алебастра, с. 326. Лондон, 1815.

702. *Edinburgh Review*, xxviii. p. 445. Эдинбург, 1817 г.

703. Джонатан Грей, *История Йоркского приюта*, с. 12. Йорк, 1815 г.

704. См. потрясающее обличение Конолли в его книге "*Лечение умалишенных*".

705. Одна из пациенток родила от главного смотрителя; впоследствии ему дали кусок пластины, и он содержал свой собственный сумасшедший дом; см. Sharpe, *Report and Min. of Ev.* p. 14.

706. Грей, глава iv.; там же, стр. 26; Бич, стр. 4.

707. S. W. Nicoll, *An Enquiry into the Present State and Visitation of Asylums*, p. 10, etc. Лондон, 1828.

708. Sharpe, p. 12; Gray, p. 23.

709. Sharpe, *Report and Min. of Ev.* pp. 277, 290, 297.

710. Там же, с. 46.
711. Например, в приюте Бетнал Грин. -Beach, p. 12.
712. Позднее, в 1837 г. - Tuke, *Hist.* p. 81.
713. Sharpe, p. 46.
714. *Ibid.* p. 85.
715. Там же, с. 48.
716. См. Besant, *London in the Eighteenth Century*, где приводится фотография этого заключенного в его камере на с. 375.
717. *Treatment of the Insane*, p. 28.
718. Sharpe, *Report and Min. of Ev.* p. 120.
719. *Ibid.* p. 59.
720. Tuke, *Hist.* p. 153.
721. Sharpe, *Report and Min. of Ev.* p. 68.
722. О некоторых из них, особенно использовавшихся в Португалии в более поздние времена, см. G. A. Tucker, *Lunacy in Many Lands*, pp. 16, 1346, etc. Сидней, 1887.
723. Джон Хаслам, *Наблюдения над безумием*, стр. 317. Лондон, 1809.
724. Besant, *London in the Eighteenth Century*, p. 377. Здесь также есть репродукция картины Хогарта "Сцена в Бедламе" из "Прогресса Рейка".
725. R. Gardner Hill, *A Concise History of the Non-Restraint System*, p. 139. Лондон, 1857.
726. У. А. Ф. Браун, стр. 119.
727. Говорят, что один большой приют зарабатывал 400 фунтов стерлингов в год, выставя сумасшедших, но это, вероятно, не включает чаевые зрителям; см. Tuke, *Hist.* p. 73.
728. Conolly, p. 33. См. также P. Pinel, *Traité Médico-philosophique sur l'Aliénation Mentale*, p. 65. Paris, An IX.
- J. B. Tuke, *Ency. Brit.* ninth ed. vol. xiii. p. 111.
729. См. E. Westermarck, *Moral Ideas*, i. p. 274.
730. H. W. Carter, *Principal Hospitals*, p. 42. Лондон, 1819.
731. P. Pinel, *Traité*, p. 64.
732. A. Halliday, *Lunatic Asylums*, p. 76.
733. M. Esquirol, *Mémoires de Charenton*, pp. 46, 48.
734. Ф. Бич, стр. 11.

J. Конолли, с. 10.

R. Gardner Hill, *Concise Hist.* p. 141.

735. *Animadversions on the Present Government of York Asylum.* Йорк, 1788 год. В основном касается финансового вопроса.

Edinburgh Review, vol. xxviii. p. 433.

На их основе были написаны "Письмо подписчика в Йоркский приют для лунатиков" (*A Letter from a Subscriber to the York Lunatic Asylum.* Йорк, 1788 г. и т. д.

736. Он умер в 1797 году, и в Вестминстерском аббатстве ему была воздвигнута надпись. См. *Dict. Nat. Biog.*, и Джонатан Грей, *История Йоркского приюта*, стр. 18.

737. Сэмюэл Тьюк, *Описание отступления*, стр. 22. Йорк, 1813 год.

738. *Описание приюта* под Йорком, о котором уже упоминалось.

739. В газете "Йорк Геральд" от 23 сентября 1813 года. Письмо было подписано просто "Evigilator", но написано доктором Бестом, руководителем Йоркского приюта.

См. J. Gray, *Hist.* p. 28; также D. H. Tuke, *Hist.* pp. 129, 148.

740. *Edinburgh Review*, vol. xxviii. p. 433. Эдинбург, 1817 г.

741. S. W. Nicoll, *An Enquiry*, p. 11; см. Jonathan Gray, *Hist.* p. 31.

742. D. H. Tuke, *Hist.* p. 79.

743. J. Gray, *Hist.* chap. vi.

744. D. H. Tuke, p. 161.

745. D. H. Tuke, p. 157.

746. Nicoll, p. 21.

747. D. H. Tuke, *Hist.* p. 162.

748. *Ibid.* p. 173.

749. J. B. Tuke, *Ency. Brit.* ninth ed.; D. H. Tuke, *Hist.* p. 85; R. Gardner Hill, *Lunacy*, p. 5.

750. См. например, "Хантерианская оратория", 1891 г. и др.

751. R. Gardner Hill, *Lunacy*, p. 42.

752. Эндрю Уинтер, стр. 100.

753. Хилл, стр. 87, 88.

754. Halliday, *Lunatic Asylums*, p. 2.

755. F. Willis, *A Treatise on Mental Derangement*, p. 6. Лондон, 1823.

756. *Lunatic Asylums*, p. 2.

757. W. A. F. Browne, p. 4.

758. *Граница безумия*, с. 11.

759. Александр Гибсон, в *Ency. Brit.* ninth ed. art. "Insanity (Law)".

760. "Это" (клептомания) "одна из болезней, которые я был послан сюда лечить", - заметил, как говорят, один судья; но он не вылечил ее.

761. Одним из таких юридических тестов было знание таблицы умножения. У. А. Ф. Браун, стр. 3.

762. О "крепком" отношении к делу свидетельствует Диккенс. "У этого юного Питчера была лихорадка". "Нет!" - воскликнул мистер Сквирс. "Черт бы побрал этого мальчишку, у него всегда что-то подобное". "По-моему, такого мальчика никогда не было, - сказала миссис Сквирс, - что бы у него ни было, он всегда ловит. Я говорю, что это упрямство, и ничто и никогда не убедит меня в обратном. Я бы выбила это из него" - Николас *Никльби*, глава vii.

763. D. H. Tuke, *Hist.* p. 96.

764. W. Tallack, *Penological and Preventive Principles*, pp. 249, 250. Лондон, 1896.

765. *Departmental Committee on Prisons Report*, p. 8. Лондон, 1895.

- Примечания транскриптора:
 - Пропущенные или неясные знаки препинания были беззвучно исправлены.
 - Типографские ошибки исправлялись молча.
 - Несогласованное написание и дефис были приведены в соответствие только в том случае, если в этой книге была найдена преобладающая форма.